

ՀՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ

Արևելագիտության ինստիտուտ

Институт востоковедения НАН РА / Institute of Oriental Studies of NAS RA

ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ ԵՒ ԱՐԵՒԵԼԱՔՐԻՍՏՈՆԵԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿՐԹՈՒԹՅՈՒՆԸ. Դ

«Կովկասյան Ադուանմբը Եւրասիայի պատմա-մշակութային տարածում»
(Մոսկվա, 1-2 նոյեմբերի, 2018); «Կովկաս-Կասպիական տարածաշրջանի
տեղաբնիկ ժողովուրդները գիտական իրողությունների և խեղաթյուրումների
լույսի ներքո» (Երեւան, 6-7 դեկտեմբերի, 2019) միջազգային գիտաժողովների
նյութեր և հարակից հոդվածներ

АРМЕНИЯ И ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ – IV

Материалы международных научных конференций “Кавказская
Албания в историко-культурном пространстве Евразии” (Москва,
1-2 ноября 2018); “Коренные народы Кавказско-Каспийского
региона в свете научных реалий и фальсификаций” (Ереван,
6-7 декабря, 2019) и смежные статьи

ARMENIA AND ORIENTAL CHRISTIAN CIVILIZATION – IV

Materials of international conferences “Caucasian Albania in historical
and cultural space of Eurasia” (Moscow, November 1-2, 2018); “The
autochthonous peoples of the Caucasus-Caspian region in the light of the
scientific realities and falsifications” (Yerevan, 6-7 December, 2019) and
related scientific articles

Երևան Երեւան Yerevan – 2023

«Հայաստանը և արևելափրիստոնեական ֆաղափակրթությունը. Դ»
ներկա ժողովածոն նվիրվում է ականավոր հայագետ-վրացագետ-
կովկասագետներ և մեր հողվածագիրներից շատերի սիրելի
ուսուցիչներ

ՊԱՐՈՒՅՐ ՄԱՄԲՐԵԻ ՄՈՒՐԱԴՅԱՆԻ (1933-2011)

և

ԶԱԶԱ ՆԻԿՈՂՈՍԻ ԱԼԵՔՍԻԶԵԻ (1937-2022)

անջնջելի հիշատակին

Настоящий сборник “Армения и восточнохристианская цивилизация – IV” посвящается неизгладимой памяти выдающихся арменистов-грузиноведов-кавказоведов и любимых учителей многих из наших авторов

ПАРУЙРА МАМБРЕЕВИЧА МУРАДЯНА (1933-2011)

и

ЗАЗЫ НИКОЛАЕВИЧА АЛЕКСИДЗЕ (1935-2023)

This collection “Armenia and Oriental Christian civilization – IV” is dedicated to the indelible memory of eminent Armenian-Georgian-Caucasian scholars and beloved teachers of many of our authors

PARUYR MURADYAN (1933-2011)

and

ZAZA ALEKSIDZE (1935-2023)

ՀՏԴ 93/94:008:27(082)
ԳՄԴ 63+71+86.37Գ43
Հ 247

Տպագրվում է ՀՀ ԳԱԱ Արեւելագիտության ինստիտուտի գիտական խորհրդի որոշմամբ

Խմբագրական հանձնախումբ՝
պ.գ.դ. Ա. Հակոբյան, պ.գ.դ. Ա. Բողոյան

Հ 370 «Հայաստանը եւ արեւելաքրիստոնեական քաղաքակրթությունը. Դ»:
Միջազգային գիտաժողովների նյութեր եւ հարակից հոդվածներ.- Եր.: ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն, 2023. - 228 էջ:

Ներկա չորրորդ ժողովածուն ընդգրկում է 2018 թ. Մոսկվայում եւ 2019 թ. Երեւանում կայացած միջազգային գիտաժողովների («Կովկասյան Աղուանքը Եւրասիայի պատմա-մշակութային տարածքում» – Մոսկվա, 1-2 նոյեմբերի, 2018; «Կովկաս-Կասպիական տարածաշրջանի տեղաբնիկ ժողովուրդները գիտական իրողությունների եւ խեղաթյուրումների լույսի ներքո» – Երեւան, 6-7 դեկտեմբերի, 2019) մի շարք նյութեր՝ զեկուցումներ ու զեկուցումների դրույթներ, եւ մի քանի այլ հոդվածներ՝ հարակից թեմաներով: Դրանք նվիրված են հայ-կովկասյան պատմա-մշակութային առնչություններին իբրեւ արեւելաքրիստոնեական քաղաքակրթական աշխարհի կարեւորագույն դրսևորում, հայ եւ արեւելաքրիստոնեական մատենագրությանը, պատմագրությանը, ձեռագրագիտությանը, տեղանվանագիտությանը, նյութական մշակույթին, արվեստին, արեւելյան աղբյուրագիտությանը, ինչպես նաեւ արդի Կովկասին: Հոդվածները հրատարակված են հեղինակների նախընտրած լեզվով (հայերեն, ռուսերեն, անգլերեն): Գիտական սարվածքը խառը տարբերակով է՝ նույնպես ըստ հեղինակների նախընտրությունների:

Ժողովածուն կարող է հետաքրքրել հայագետներին, կովկասագետներին եւ ընթերցողների ամենալայն շրջանակին:

ՀՏԴ 93/94:008:27(082)
ԳՄԴ 63+71+86.37Գ43

ISBN 978-5-8080-1531-9
DOI:10.54503/978-5-8080-1531-9

© ՀՀ ԳԱԱ Արեւելագիտության ինստիտուտ, 2023
© Ալեքսան Հակոբյան (իբրեւ խմբագիր), 2023

Второй поход Надира Афшара – будущего шаха – в пределы Дагестана

Прославленный полководец мусульманского Востока Надир Афшар, которому уподобляли русские 2-й половины XVIII в. короля Пруссии Фридриха Великого, совершил 4 похода вглубь Дагестана. Интересно, причем, то, что в 1746 г. «Надир-шах», согласно дагестанским источникам XVIII в., провел «на земле Еревана» свадьбу «своего сына», куда приглашена была грузинская знать и другие кавказские авторитеты. Поняв, к тому времени, военную силу и ум дагестанцев, «позвал» Надир-шах на названное здесь мероприятие и их, а точнее: «главарей» из числа акушинцев, цудахарцев, «цахурцев» и других горцев.

На основании текста Махди-хана Астрабади, но в передаче его А. Бакихановым, российских архивных материалов XVIII в., а также и еще кое-каких источников, писал об этих походах В. Г. Гаджиев¹. Историком этим отмечено, что «Второй» свой «поход» в дагестанские горы провел Надир Афшар после заключения в 1735 г., под Гянджой, русско-иранского мирного договора и, как результат, отвода русскими войск своих за реку Терек. Главное, в чём не согласен я с В. Г. Гаджиевым – при описании последним «Второго» иранского «похода» это то, что пошел Надир Афшар с территории «Внешнего» Дагестана, то есть из предгорной зоны, во «Внутренний» Дагестан – к горному Кумуху².

Отмечу здесь еще одно обстоятельство. Это – то, что в 1735 г., то есть в год Гянджинского договора, но еще за пару месяцев до его заключения,

¹ См. История Дагестана. Москва, 1967. Т. I. С. 355-372. Мной составлен подробный историографический обзор всего, что написано о 1-ом – 3-ем походах Надира Афшара в Дагестан (см., напр.: **Т. М. Айтберов**, Надир-шах и дагестанцы в 1741 году. Махачкала, 2011. С. 14-48), но здесь выставлять всё это возможности нет.

² См. История Дагестана. Т. I. С. 357, 360.

имели место бои между войсками Надира Афшара и этническими дагестанцами, происходившие на территории Закавказья, а точнее в Закатало-Белоканах¹. Считать их, однако, началом «Второго» надирова «похода» на Дагестан – как это иногда предлагают, – оснований, по-моему, нет.

После окончания военных действий, которые происходили между войсками Надира Афшара и закавказскими аварцами (джаро-белокано-елисуйцы), что имело место на западных отрогах Главного Кавказского хребта (в пределах современного Азербайджана) осенью 1735 г., двинулись указанные войска на юго-восток. Причиной же этому было получение Надиром известий о продвижении войска крымского хана по западному Прикаспию. Шли тогда эти татары, во главе которых стоял хан Каплангирей, в направлении Дербента, где находились тогда иранцы.

Татары, оставив позади себя северокавказские территории, остановились – в начале осени 1735 г., – в пределах нынешнего Хасавюртовского района РД, то есть в «Кумыкий» (*Къумукъ*). Оттуда они стали рассылать письма влиятельным дагестанцам. Причем, эти татары особенно надеялись решать свои задачи при помощи аварца Ибрахима-эфенди Урадинского².

В данной связи, укажем, *в первую очередь*, на то, что значительная часть исторической фактологии, излагаемая ниже, как и ее систематизация, отсутствуют в монографиях и статьях, написанных разными авторами. *Во-вторых*, сообщаем, что сохранилось – в старой копии, – послание казанищенского кадия упомянутому выше Ибрахиму-эфенди. Говорится же в нём, что Каплангирей-хан Крымский, считавшийся в глазах дагестанцев XVIII в., – «наибом» османского султана, прибыл в 1735 г. в городок Эндирей, находящийся в Хасавюртовской зоне исторического Дагестана. В названном послании отмечается, при этом, что целью Каплангирей-хана является оказание помощи «дагестанцам». Направлена же будет она против «неверных», но особенно, против «развратных» шиитов, считаемых – кадием – за «еретиков». Как результат, делает тут кадий намек авароязычным горцам, что они обязаны – при участии Ибрахима-эфенди Урадинского, – выступить, в 1735 г., на помощь крымскому войску. В соответст-

¹ См. First International Conference «Historical and cultural relations between Iran and the Caucasus». Yerevan, 2018. P. 3.

² См. **Сами, Шакир, Субхи и Иззи**, Тарих. Стамбул, 1783 (на турецк. яз.). С. 76.

вии с содержанием названного документа, написал Ибрахим-эфенди Урадинский – от имени авароязычных гидатлинцев (авар. *гид*), – послание населению других аварских общин. Причем, речь в нём идет о тех горцах, которые проживали (в XVIII в.) в местах, расположенных по соседству с Гидатлем, а именно: ассабцам, ахвахцам, багвалинцам и каратинцам¹.

В тексте, вышедшем в 1735 г. из-под руки Ибрахима-эфенди, говорится, что правитель Крыма «Каплангирей-хан» «выступил» из родных мест. Сейчас он привел войска свои в Западный Прикаспий, чтобы «охранять» дагестанцев от «врагов», которые угрожают им. Поэтому нельзя ныне сидеть «по домам», – говорит Ибрахим-эфенди Урадинский, – тем более, что хан «приглашает» дагестанцев явиться «к себе». Далее, пишет он, что в прошлом году (1734), когда созывал аварских воинов против Надира казикумухеца «Сурхай», гидатлинцы – земляки Ибрахима, – «проявили» некрасивую «пассивность». Так поступили они в вопросе отражения иранского войска из южной части «Внутреннего Дагестана», ибо это была позиция Уммахана Аварского, но в 1735 г. Ситуация изменилась. «Решили» таки гидатлинцы «выступить» теперь «из домов своих», сделав это 25-го ноября 1735 г., и «идти», затем, в лагерь Каплангирей-хана².

В российских материалах содержатся указания на то, что Каплангирей-хан Крымский помощи от «дагестанцев», вроде бы не дождался – для борьбы с Надиром Афшаром³. Дагестанские источники, однако, наводят здесь на иные мысли. Так, согласно «Хронике войн Джара», в составе протурецки ориентированных вооруженных сил, которые подошли к Дербенту осенью 1735 г., числились не только татары и подчиненные им черкесы. В статусе их военного сопровождения были там: – как выясняется, – даргиноязычные кайтагцы, а также «другие» представители «Дагестана», т. е. горцы, скорее всего, из Сулакского речного бассейна, которые были

¹ См. **Т. М. Айтберов**, Ибрахим-хаджи Урадинский: новые страницы биографии. Махачкала, 2012. С. 83-86.

² Об этом послании см. **С. А. Мусаев, А. Д. Курбанов, И. А. Каяев**, Газикумух: эпоха Сурхай-хана I. Махачкала, 2011. С. 428-429.

³ **Н. А. Сотавов**, Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. Махачкала, 2013. С. 154, 155 (по материалам АВПРИ: Ф. 89, оп. 89/1, 1735 г., д. 3. Л. 66; Ф. 89, оп. 89/1, 1735 г., д. 5. Л. 606 об.).

идентичны, по крайней мере отчасти, войнам из перечисленных выше аварских общин.

Каплагирей-хан Крымский – под влиянием причин, которые не имели связи с ситуацией на территории Дагестана, – отступил (в конце осени 1735 г.) из-под Дербента и двинулся на северо-запад, в направлении Кабарды. Откуда пошел он затем в «Черкессию», то есть в Закубанье. Имело же место всё это еще до прихода в Южный Дагестан победоносного Надира Афшара, которого кавказцы того времени называли «Тахмазом».

Отметить следует здесь то, что крымское войско, отступая в северо-западном направлении, на Северный Кавказ, оставило артиллерию свою правителю Кайтага Ахмадхану-уцуми. Последний же перевел всё это в горный Каракорейш, – на территорию современного Дахадаевского района РД, – хотя в некоторых трудах и утверждается, что крымская артиллерия оставлена была в 1735 г. в предгорной зоне для противостояния там атакам Надира¹.

После боев при Маджалисе в кайтагские горы, – к даргинцам, – ушел и руководитель защиты указанного населенного пункта князь «Ханмухаммад», являвшийся сыном Ахмадхана-уцуми. При этом, дагестанские источники о боях с иранцами за Маджалис молчат, а говорят они лишь о «разрушении» теми «Маджалиса»².

После упоминания о событиях при Маджалисе следует отметить, что излагаемое ниже толкование линии «Второго похода» Надира Афшара на Дагестан полностью расходится с тем, что писали Махди-хан Астрабади и его продолжатели, жившие в XIX – начале XXI вв.³. Надир пошел в на-

¹ См., напр., **Н. А. Сотавов**, Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. С. 157.

² См. **А. Р. Шихсаидов, Т. М. Айтберов, Г. М. Оразаев**, Дагестанские исторические сочинения. Москва, 1993. С. 151.

³ **Мирза Махди-хан Астрабади**. Джихан гушай-и Надири / под Мани Кашани. Тихран, 1382. Но всё, что касается походов Надира в Дагестан уже давно доступно на русском языке благодаря труду А. Бакиханова (см. Гюлистан Ирам. Баку, 1926. С. 113-123), а также: **Кудси, Аббас-Кули Бакинский**. О походах Шах-Надира в Дагестан. – В кн.: **А. Бакиханов**, Сочинения, записки, письма. Баку, 1983. С. 153-156 (из газ. «Кавказ». Тифлис, 1846. № 17, 18). См. также **Г. Алкадари**, Асари-Дагестан. / Перевод и примечания **А. Гасанова**. Махачкала, 1994. С. 60-70.

правления предгорного Губдена, населенного даргинцами. За пару десятков километров от последнего, повернул он, однако, в сторону нагорья. Сделал же НаDIR этот поворот около кумыкского селения Башлы, а затем пошел он в направлении горной Акуши, где говорят по-даргински.

Согласно дагестанской памятной записи, «войска» Надира «пришли» в 1735 г. в округ «Акуша»¹. В другой памятной записи говорится примерно то же самое, но с дополнением, что земли округа «Акуша» подверглись тогда «разорению»². Что же касается «Хроники войн Джара», то в ней сообщается, что в 1735 г. воины Надира после того, как прошли они Кайтаг, оказались в Акуше и тут жители его, то есть «акушинцы», да и еще кое-кто, «заключили мир» с этими иранцами³. Мало того, из надписи вырезанной на надгробье (село Кутиша, Левашинский район РД), вытекает, что жители Акуши, как и их близкие соседи, известные как *Верхнее Дарго*, стали оказывать «помощь» Надиру Афшару⁴. Здесь мы видим, таким образом, определенное подтверждение изложенной выше версии А. Бакиханова (ум. в 1846 г.), восходящей к труду Махди-хана Астрабади, историка, творившего в XVIII в. на территории Ирана.

НаDIR, пройдя Акушу, вступил затем на территорию даргинского «общества» Цудахар⁵. В это же самое время из глубинной зоны Внутреннего

¹ **Т. М. Айтберов, А. Р. Шихсаидов**, Из дагестанских памятных записей. – В кн.: Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 119.

² **А. Р. Шихсаидов и др.**, Указ.соч., С. 150; Рук. фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14, оп. 1, д. № 2504. Л. 94_б.

³ История войн закавказских аварцев. Махачкала, 1996. С. 55, 56 (на авар. яз.). Хроника войн Джара в XVIII столетии (пред. **В. Хулуфлу**). Баку, 1931 (махачкалинское «пиратское» издание). С. 26.

⁴ **А. К. Аликберов**, Эпиграфические памятники Акуша-Дарго периода сефевидской экспансии XVI-XVIII вв. – В кн.: Дагестан и мусульманский Восток. Москва, 2010. С. 193; **Т. М. Айтберов, А. А. Иванов, А. Д. Магомедов, А. С. Чхеидзе**, Эпиграфические памятники из Центрального Дагестана. – В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг.: Тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 45.

⁵ **Т. М. Айтберов, А. Р. Шихсаидов**, Из дагестанских памятных записей. С. 126; Рук. фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14, оп. 1, д. № 255. Л. 29_б; История войн закавказских аварцев. С. 56; Хроника войн Джара... С. 127.

Дагестана приблизилось к «стране» цудахарцев, – вероятно, в районе урочища «Салтинская почта» – войско горцев. Во главе его стояли (1735 г.), по нашему мнению, хан лакского Казикумуха по имени Сурхай и вышеупомянутый Ибрахим-эфенди.

Один из отрядов обозначенного горского войска состоял из 300 воинов. Он пошел тогда против той части «*кызылбашского*» войска, в которой преобладали солдаты, мобилизованные из Дербента. Между двумя силами произошел тут – у Салтинской «почты» (?) – бой, в ходе которого кызылбашы потеряли примерно 100 чел. убитыми, а также *наиба*, – по имени Фаридун (?) – сидевшего перед этим в Дербенте. Причем, согласно горской версии, «дагестанцы», то есть гидатлинцы и казикумухцы (?), хотя и потеряли тогда, в 1735 г., на территории «общества» Цудахар, всего лишь 6 бойцов, но они принуждены были, всё-таки, спешно отступить вглубь родных гор¹.

После этого боя пошел НаDIR Афшар не на лакский Кумух, как считают многие, а к аварскому сел. Охли, т. е. в пределы современного Левашинского района РД. Захватив его, подступили «кызылбашы» – перейдя ущелье – к аварскому селу Кулецма. Так, поступили они, возможно, для того, чтобы выйти затем к Аймакинскому проходу, откуда открывался путь в сердце Аваристана – к Хунзаху. Причем, нужно отметить, что «помогали» тогда иранцам некие дагестанские силы. Это были, к примеру, Хасбулат-шамхал Тарковский и часть даргиноязычных горцев (*Верхнее Дарго*)².

Воины «Дагестана», которых объединял аварский язык (*бол мацIул* «язык войска»), засели в той ситуации, уже в 1736 г. (?), позади массивного вала, сооруженного из камней, земли и бревен. Причем, роль рва играло для этого оборонительного сооружения упомянутое выше ущелье. «Кызылбашы» начали тут наступление на Кулецма. Повели они его под прикрытием мощной артиллерийской канонады.

Перед этим в лагерь Надира – регента Ирана, великого полководца, – поступило дерзкое по содержанию послание: «*От гидатлинцев*», которое составил Ибрахим-эфенди Урадинский. Адресовано же было оно война-

¹ История войн закавказских аварцев. С. 55, 56; Хроника войн Джара... С. 27.

² А. К. Аликберов, Эпиграфические памятники Акуша-Дарго... С. 193; Т. М. Айтберов, А. А. Иванов и др., Эпиграфические памятники... С. 45.

чальникам «кызылбышского» войска и в том числе командующему, названному Ибрахимом-эфенди просто «Таймаз». Отметив в начале текста *Послания*, что у шамхала Хасбулата, союзника командующего «кызылбашами», есть причины злиться на горцев Аваристана и Лакии, а Сурхайхан Казикумухский уже наказан иранской армией в 1734 г. – можно, причем, сказать, заслуженно, – Ибрахим Урадинский не останавливается. Он пишет далее: богатства «Сурхая» командующий Надир (*Таймаз*) разыскал в земле Казикумуха, в 1734 г., выкопал и присвоил, а многих верных вассалов названного князя «перебил».

В послании «гидатлинцев» говорится также: а) «вы, как видно, вознамерились искоренить» с лица Земли «селения, в которых живут» сунниты «Дагестана»; б) «вы» – люди нехорошие, ибо за вами числится «разрушение» суннитских мечетей или, как минимум, создание «препятствия» к функционированию последних; в) военной верхушке, которая поступает здесь как «клика Таймаза», и ее дагестанским помощникам, не следует «гордиться» количеством собранных солдат, ибо «узнали уже» авароязычные дагестанцы, причем своим тайным знанием, что они «победят»: у Кулецаминского укрепленного комплекса, а поэтому лучше будет для «кызылбашей» «возвратиться» в свои родные места¹.

Текст *«Хроники войн Джара»* наводит на мысль, что войска Надира, выступившее из Дербента в самом конце осени 1735 г., не сумели – не взирая на все свои атаки, – захватить Кулецаминский оборонительный комплекс дагестанцев. Имеется в виду тот, на который напали они в самом начале зимы 1736 г. Свернув поэтому с запланированного ранее пути, ведущего в центральные районы Аваристана, иранцы пошли теперь на восток – от Кулецама к Каспийскому морю. Двинулись же они туда двумя, как минимум, колоннами. Одна часть иранской армии пошла тогда по долине горной речки, текущей вдоль старинной дороги, проходившей по землям издавна малоземельной и многолюдной Мекегинской общины (дарг. *Лабкьо*)². Это – та дорога, которая связывает село Леваша с селением Дегва (Сегокалинский район РД), а далее, с побережьем Каспия.

¹ Т. М. Айтберов, Ибрахим-хаджи... С. 111-119.

² Об этом см. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.: Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. Москва, 1958. С. 346.

Существует памятная запись, в которой говорится, что в «месяце *шабан* тысяча сто сорок восьмого года», что соответствует временному промежутку между серединой декабря 1735 г. и серединой января 1736 г. «было» в горах событие, а именно, разрушено Лабко»¹. Совершили же это, скорее всего, воины Надира Афшара².

Зная, что даргиноязычная община Мекеги-Лабко, состоявшая из нескольких селений, входила в состав Акушинской конфедерации³, мы можем сделать логическое предположение. Суть его: «разрушение Лабко» соответствует действиям Надира Афшара, о чём давно известно по тексту Махди-хан Астрабади. Тогда (в 1736 г.) взял в «плен» регент «Таймаз» значительное число «акушинцев» и, как результат, принудил их к повиновению, после чего двинулся в сторону Прикаспия.

Была в в 1736 г. в горах еще одна группировка войск Надира Афшара, которая также пошла в направлении Прикаспия, но уже другим путем. Следуя по ущелью речки Хала-горк, вышли войска регента на земли многолюдного даргиноязычного городка Губден, где они имели сражение с губденцами. Оттуда, то есть с губденских земель, пошли эти войска на юг – к большому кумыкоязычному селению Башлы, где находилась обычно зимняя ставка уцмиев Кайтага. Однако, отсюда Надир двинулся не к морю, а на юго-запад, в горную часть Кайтага, где базировался на тот момент Ахмадхан-уцуми.

В сложившейся ситуации, последний, то есть уцмий, счел за благо выдать за названного афшарца свою очень красивую «дочь», – согласно дагестанским источникам звали ее «*Бахтика*», но среди иранцев она получила известность, как «*Фатима*», – после чего был заключен «мир». Коснулся он, причем, жителей всех территорий «Внешнего» Дагестана, по которым прошло в 1148/1735-36 г. войско Надира Афшара.

¹ Т. М. Айтберов, А. Р. Шихсаидов, Из дагестанских памятных записей. С. 117; Рук. фонд Института ИЯЛ ДНЦ РАН. Ф. 14, № 2140.

² Т. М. Айтберов, А. Р. Шихсаидов, Из дагестанских памятных записей. С. 118.

³ Б. Г. Алиев, А. О. Муртазаев, Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII-XIX вв. – В кн.: Вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала, 2008. С. 176, 178-180.

Мало того, в том же 1148 г.х. «заключили мир» с регентом Иранской империи – и отдельные общественно-политические образования Внутреннего Дагестана, которые испытали «страх» перед названным здесь великим полководцем мусульманского Востока. В числе же таковых были, и те горские территории, население которых признавало своим правителем и военным предводителем казикумухца «Сурхая». Были это, соответственно, Лакия, лежащая в бассейне реки Казикумухское Койсу и прилегающие к ней части Южного Аваристана¹.

После описанного выше развития ситуации в дагестано-«кызылбашских» отношениях, от 1148/1735-36 г., получившего заключение в 1736 г. в виде признания значительной частью дагестанцев власти Надира Афшара, произошло небезынтересное событие. Указанный здесь деятель, – он, кстати, виделся многим тогдашним горцам Дагестана как бы очередным «шахом» великой Иранской империи², – не сидел без движения. Регент этот отдал приказ, согласно которому иранские военные освободили практически всех «пленных» дагестанцев. Мало того, были розданы, вдобавок к указанному акту, «многочисленные подарки», в первую очередь, влиятельным лицам, являвшимся выходцами из обозначенных выше частей Дагестана.

Следует отметить, при этом, что не все дагестанцы поступили тогда указанным образом, взяв подарки и «примирившись», а точнее, подчинившись Надиру Афшару. Не заключили «мира» с этим деятелем (в 1736 г.) авароязычные гидатлинцы, во главе которых стоял Ибрахим-эфенди Урадинский. Думается, что примерно также поступили и их соседи: авароязычные куядинцы, а также – население аварских земель Внутреннего Дагестана, лежащих севернее Гидатля, то есть Аварского ханства со столицей в городке Хунзах. Все они решительно выступят против «кызылба-

¹ История войн закавказских аварцев. С. 56; Хроника войн Джара... С. 27 («мир» с Надиром заключило в 1736 г. «всё» население «Дагестана»); **А. К. Аликберов**, Эпиграфические памятники Акуша-Дарго... С. 193; **Т. М. Айтберов, А. А. Иванов и др.**, Эпиграфические памятники... С. 45 (в 1736 г., «во время» правления «Сурхай-хана», регент по имени «Тахмаз завоевал» таки «часть» территорий «Дагестана»).

² **А. К. Аликберов**, Эпиграфические памятники Акуша-Дарго... С. 193; **Т. М. Айтберов, А. А. Иванов и др.**, Эпиграфические памятники... С. 45.

шей» в 1741 г. и прославят себя на века, как победители НаDIR-шаха в «Аварских горах».

Приложение:

Послание Ибраhима-эфенди Урадинского и прочих гидатлинцев, направленное Надиру Афшара и его военачальникам

(1736 г.)

Копия, хранящаяся у И. А. Каяева. Текст написан черными чернилами (*цакъи*), тростниковым *калалом*, дагестанской разновидностью почерка *наш*, на листе белой бумаги (ныне пожелтевшей от времени) российского (?) машинного производства. Перед использованием своим для нанесения текста *Послания*, лист этот выглажен был при помощи особого металлического приспособления в виде маленького стержня. Данное действие, идущее, по всей видимости, со времен изготовления дагестанцами тряпичной бумаги (*кагъат*), преследовало цель облегчить процесс письма, не допускать клякс и т.д. Род бумаги, а также почерк, заставляют думать, что наличный список *Послания* датировать следует, скорее всего, 1-й половиной XIX в.

На данном листе бумаги находятся также: *во-первых*, текст письма хиндахца Мухаммада, который ушел на чужбину в поиске научных знаний, – сына Мухаммадали – своим землякам; *во-вторых*, отиски печатей некоего «Мухаммада».

Судя по общему контексту и по наименованию Надира Афшара не «шахом», а просто «Таймазом», письмо это датировать следует 1735 г.

Перевод текста

Во имя Аллаха – милостивого милосердного. Он – тот кто поднял небеса, украсил их звездами и заставил последние двигаться, благодаря мощи своей. Он – господин как Востока, так и Запада!

Хвала Ему, кого я громко восхваляю – за Его аяты, кого благодарю, когда размышляю: как же это сотворил Он небеса и землю.

Восхваляю я также Посланника, направленного ко всем обитателям Земли, Пророка действовавшего в Мекке и Медине, являвшихся двумя радостными символами излечения болячек, которое произошло благодаря

шариатскому закону, функционирующему в обоих прекрасных мирах! Да будут благословение и мир над родом данного Посланника, над его сподвижниками, над его женами и его детьми! Аминь и еще раз Аминь!

От гидатлинцев!

Во имя Аллаха – милостивого и милосердного! Да будет мир над тем, кто последовал по правильному пути!

Послание людям очень сильным – тем, которые расположились в мусульманских районах, а также – владыкам, обладающим войсками, против которых не устоять. Вы, как видно, вознамерились искоренить селения, в которых живут верующие мусульмане!

Из числа вас – тех, кого называли выше в качестве адресатов, выделяем мы особо эмира, известного под [титолом] *шамхал*¹.

Да убережет всевышний Аллах – как нас, так и вас – от всего того, что вызывает раскаяние, причем в обоих мирах! Аминь!

А далее.

Мы, *гидатлинцы*, уже выступили из наших районов (*дар*), из-за того, что со стороны несправедливо обиженных поступали, причем одна за другой, просьбы о помощи². Это имело здесь место при том, что в первый раз мы не обратили внимания на то, что они и тогда искали помощи.

Мы, *гидатлинцы*, подумали тогда, что вы следуете тут слову всевышнего Аллаха, зафиксированному в Коране: «Если напали на вас, то и вы нападайте на них – так же, как они напали на вас перед этим».

Мы пишем к вам – о, люди сильные и владыки, обладающие войсками! – с надеждой, что станем тут причиной для прекращения смут, имеющих место среди мусульман. Поэтому мы говорим: «О клика *Таймаза*! Вы уже отомстили *Сурхайю*³. Сокровища, которые он собрал в вашей стране (*вилаят*)⁴, вы извлекли наружу. Последователей его вы, один раз уже перебили.

Так что же вам теперь нужно в селениях, которые стоят в остальных частях *Дагестана*! Что вам нужно от дагестанского простонародья (*амма*)?

¹ Хасбулат-шамхал Тарковский.

² Речь идет, видимо, о кумухцах и их соседях.

³ Сурхай-хан I, правитель Кумуха.

⁴ Речь идет о Ширване.

Да вот еще. Если бы шамхал не пошел в верх – с Аймакинской горы, то вернулось бы ему то, что он сделал из мести.

Прислушайтесь – ради Аллаха! – к Его слову: «Не будьте вы похожи на тех, кто выступили из своих районов, проявляя тут высокомерие и одновременно, лицемерие по отношению к другим людям! Они ведь отклоняются, таким образом, от пути, который указал Аллах. Аллах же в силах объять [умом своим] то, что вы делаете». Или вот, «дьявол разукрасит их деяния и, мало того, скажет: сегодня вас не одолеет никто из людей». Есть такой аят в Коране!

Далее. Всевышний сказал: «Разве может быть больший тиран, чем тот, кто препятствует входить в божьи мечети, в которых поминают имя Аллаха, и старается разрушить их?».

Есть и такой аят в Коране: «Не уподобляйтесь вы тем, которые не слышат, хотя Мы [всё] услышали. Не гордитесь тем, что вас много, а также тем, что племена не оказывают вам противодействия». В Коране сказано также: «Ваша группа не будет [в силах] уничтожать ради вас ничего, даже если будет того много. Помощь бывает только от Аллаха. Таков *приказ* Всевышнего Аллаха. Простор Его [силы] таков, что одни люди стеснили тут силу других».

Пророк – да благословит его Аллах и приветствует! – сказал: «Тирания – это форма проявления божественной справедливости на Земле. Через личность тирана осуществляют вначале месть, по отношению к кое-кому, а затем мстят уже самому»¹.

Возвращайтесь вы – о, люди сильные, владыки обладающие войсками! – в свои родные места. Сделайте это ради всевышнего Аллаха – через вашу прекрасную славу, но прежде чем постигнете: что значит молитва святого человека (*валий*) или *факира*².

Пророк – да благословит его Аллах и приветствует! – сказал: «Аллах обязан положить нечто, когда Он отталкивает». Далее, Пророк – да

¹ Хадис.

² По преданию, как известно, дагестанские суфии, в первую очередь Хадис Ма-чадинский, вызвали молитвами своими резкое похолодание в горах, которое помогло горцам одержать победу над Надир-шахом, в 1741 г.

благословит его Аллах и приветствует! – сказал еще и такое: «Если один день проходит в нашу пользу, то другой день – против нас»¹.

Клянусь Аллахом, не хотим мы сражаться с вами, хотя и узнали уже, что *победим мы вас*.

Теперь скажем специально, о шамхале, ибо между нами – со времен самых отдаленных предков наших – существует связь.

В Коране сказано: «Если вступят в сражение две группы (*тауифа*), состоящие из истинно верующих, то установите вы мир между ними. Если же одна из этих групп покусится на другую, то вступайте вы в сражение против той, которая покушается и, затем, бейтесь с ней, до тех пор пока не превратится она в тлен».

Мы, *гидатлинцы*, выступили, таким образом, из наших районов.

Вы – о, люди сильные и владыки, обладающие войсками! – следуете не правильному пути, проливая тут кровь мусульман. Вы, пожалуйста, не думайте, что то положение, в котором находитесь вы сегодня, является днем [пролития горской] крови. В Коране сказано ведь: «Того, кого сжало сильно одно какое-то время, спасут другие времена. Это – памятка для того, у кого было раньше [гордое] сердце. Поэтому ты прислушайся...» ну и т.д.

Если у вас – о, люди сильные и владыки обладающие войсками! – [есть] сердца, которые вы не сдерживаете, когда нужно, или же у вас уши, которыми вы не слушаете, то что нужно, то это значит, что сказанное Всевышним – о тех, чьи деяния оказались полностью безуспешными – касается и вас: «чьи старания, имевшие место в мирской жизни, оказались как бы заблуждением; они хотя и делают доброе дело, однако, делают его так, как те, которые стали неверующими в чудеса своего Господа, в то, что будет встреча с Ним, и, как результат, сделанное ими было как бы растоптано. В день Страшного суда не предадим Мы таким людям какого-либо значения. Это будет воздаянием им, выступающим в виде гиены, за то, что они стали неверными, за то, что сделали они мои чудеса и моих посланников».

Мы не являемся вашей паствой (*раййа*). Вносить *джизью* вам или кому-либо другому мы не должны. Мы также не многобожники, чтобы призывали бы вы нас к принятию своей религии.

¹ Хадис.

Если вы – о, люди сильные и владыки обладающие войсками! – не станете читать нашу просьбу до конца, то мы, *гидатлинцы*, будем полагаться тут на Аллаха. Ответ для нас может быть здесь только один – делать всё так, как предписал нам, то есть мусульманам, Аллах. Для нас слова Аллаха достаточно, ибо он – самая прекрасная порука!

В Коране сказано: «Сколько раз бывало так, что малочисленная группа побеждала группу многочисленную. Другая сторона вопроса – Аллах поддерживает терпеливых. То, что уже было в свое время будет и еще раз».

Мудрец сказал: «Кто идет по направлению к истине, будет владыкой, а кто отворачивается от нее – погибает».

[Записано] с уст Ибрахима Урадинского!

К вопросу об удинской этноконсолидации албанских лезгиноязычных племен в эпоху средневековья

Аннотация: Основываясь на анализе источников и теоретических положениях, выработанных на нынешнем этапе развития исторической и этнографической науки, представляется возможным конкретно поставить и решить вопрос об этнических процессах, протекавших в Собственно Албании с античной эпохи до XVIII-XIX вв. Имеющийся источниковедческий материал позволяет ретроспективно восстановить этническую картину населения Кавказской Албании в интересующий нас длительный период. Здесь мы можем наблюдать показательное для динамики этнических процессов явление. А именно: протекавший с разной степенью интенсивности процесс этноконсолидации в среде лезгиноязычных собственно албанских племен-христиан привел к IX-X вв. к сложению совершенно нового охвата этноса (народа) под названием уди-ути-удины по сравнению с античностью и ранним средневековьем. Этот охват в указанный период уже примерно совпадает с территорией христианского царства Шаки-Эрети-Албания. Анализ античных и средневековых источников показывает, что процесс этноконсолидации в среде лезгиноязычных собственно албанцев (христиан с 315 г.) запада Кавказской Албании, успешно завершился лишь к IX-X вв. (на базе их религиозной и этно-лингвистической общности) образованием единого удинского народа, который стал народом-доминантом Кавказской Албании периода царства Шаки-Эрети. Этноним «уди» к этому времени уже несомненно стал самоназванием (эндоэтнонимом) практически всех лезгиноязычных собственно албанцев-христиан, хотя этот народ в более поздние эпохи пошел по пути дезинтеграции и деэтнизации, который в основном завершился к XVIII-XIX вв.

* * *

В конце XX в. в монастыре Св. Екатерины на Синае был обнаружен грузинско-албанский палимпсест, дешифровка которого была опубликована в

2008 г.¹ Эта важная находка наконец-то ставит точку в многолетних спорах, позволяя совершенно по-иному взглянуть на имеющиеся факты и дать убедительный ответ на вопрос о том, кто скрывался в период средневековья под собирательным экзотонимом «албанцы». В целом, этнические процессы, протекавшие в античной и средневековой Кавказской Албании (в Восточном Закавказье = современный Азербайджан), являются недостаточно изученной и освещенной проблемой в кавказоведении². Между тем рассмотрение длительного, многоступенчатого процесса этноконсолидации населения этой страны в указанные эпохи, а также отдельных его фаз имеет исключительное значение для выявления этнического прошлого удинского и других лезгиноязычных народов (на юге Дагестана

¹ См.: **Z. Aleksidzé, J.-P. Mahé**, Découverte d'un texte albanien: une langue ancienne du Caucase retrouvée, – «Comptes rendus» de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris, 1997, p. 517-532; The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai, Vol. I-II. Edited by **J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé**, Turnhout, 2008. Ср. **Ch. Renoux**, Le lectionnaire Albanien des manuscrits géorgiens palimpsestes N Sin. 13 et N Sin. 55 (X^e-XIe s.). Essai d'interprétation liturgique, Turnhout, 2012 [Patrologia Orientalis, t. 52, fasc. 4, № 234].

² Есть несколько весьма содержательных работ, посвященных прояснению отдельных аспектов данной тематики. См.: **А. А. Акопян**, Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках, Ер., 1987, с. 36-96; **он же**: К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин (период ослабления Арабского халифата), – «Albania Caucasica». Сб. статей. Вып. I. Предисловие, подгот. **А. К. Аликберов, М. С. Гаджиев**, Москва, 2015, с. 129-147; **А. Акорьян, Н. Galstyan**, Concerning the Study of ethnic Processes in the Caucasian Albania (Antiquity and Early Middle Ages), – 12th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Zagreb, 1988 (USSR Academy of Sciences, N. N. Mikloukho-Maklay Institute of Ethnography), Moscow, 1988, p. 1-12; **Харатян Г.** Этноконфессиональные процессы в зоне Шеки-Кабала (XVIII-XX вв.), – «Научная мысль Кавказа», Ер., 2003, № 3, с. 80-89; **она же**: О культуре апостола Елиша у удин и вопрос о гаваре Ути, – ВОН АН Арм. ССР, 1991, № 6 (на арм. яз.), с. 70-86; **она же**: Удины (Албанский миф), – «Иран-намэ», 1994, № 2 (Ер., на арм. яз.), с. 12-16; **она же**: Удинская одиссея в 18-20-м вв. (История? Этническое выживание? самоутверждение?), – «Геноцид армян 90», Ер., 2005, с. 118-170 (на арм. яз.); **она же**: Официальные этно-демографические показатели в Азербайджане в контексте поиска и кризиса идентичности азербайджанцев. Удины: крах всех усилий самосохранения, Москва, 2015.

и на севере современной Азербайджанской Республики), определения в вопросе наследия Кавказской Албании, степени их исторической, этнолингвистической, этногенетической и культурной преемственности. Ниже предметом рассмотрения является сложный, определяющий и весьма важный (с точки зрения этнических процессов Кавказской Албании) вопрос об удинской этноконсолидации лезгиноязычных собственно албанцев-христиан в эпоху средневековья.

Через призму реалий современности сложно представить себе, что малочисленный удинский народ, для которого христианская религия стала этническим маркером, еще относительно недавно играл куда более значимую, чем сейчас, роль в истории, культуре и политической жизни региона Южного Кавказа.

Для прояснения картины удинской этноконсолидации лезгиноязычных собственно албанцев-христиан в эпоху средневековья, необходимо совершить краткий экскурс в более ранний период истории Кавказского региона и ответить на вопросы о первоначальном ареале распространения, охвате и содержании термина *ути-уди*, а также о пике удинской этноконсолидации собственно албанских лезгиноязычных племен, принявших христианство в 315 г., что привело к образованию единого удинского народа – народа доминанта эпохи христианского царства Шаки-Эрети-Албания (хотя и с его постепенной дезинтеграцией-деэтнизацией в более поздние эпохи, которая в основном завершилась к XVIII-XIX вв.

В греко-римских источниках сохранились весьма важные сведения о племени утиев-удин и их возможной локализации в пределах Кавказского региона в античную эпоху. Здесь следует сделать оговорку о том, что в литературе встречается этнически априори отождествление с кавказоязычными удинами (лишь по названию) населения провинции Утик древней Армении (на правобережье Куры)¹, что создает путаницу в деле подлинного решения обозначенной проблемы². Не редкость также сомнительное

¹ См., к примеру, **W. Schulze**, Towards a history of Udi. – International Journal of diachronic Linguistics, 2005, Vol. 1, p. 55-91; **Ю. Б. Коряков**, Атлас кавказских языков, Москва, 2006; **он же**: Atlas of Caucasian languages, Moskow, 2002.

² О недостатках априори отождествления населения провинции Утик с удинами, см., к примеру, в целом ряде статей сборника «Albania Caucasic», а также: **А.**

отождествление различных племен с названием «ути» и областей их расселения в географических ареалах от Северного Кавказа до юга Ирана, что приводит к ошибочным заключениям. В частности, в литературе высказано мнение о том, что утии на Кавказе (в Албании) являются переселенцами с юга, продвинувшимися на север на рубеже нашей эры; якобы, утии Геродота (Οὔτιοι) и уитии Страбона (Οὐίτιοι) это – предки современных удин, которые могут считаться еще прямыми потомками древних кутиев, живших на западе территории Ирана¹. Между тем племя утиев, дважды упомянутое Геродотом, несомненно, локализуется на юге древнего Ирана, в сатрапии Яутия и Мака надписей Ахеменидских царей², что делает невозможной их связь с предками кавказских удин³.

Некоторые исследователи были склонны отождествлять с кавказскими удинами утиев, упомянутых в трех разделах «Географии» Страбона и локализуемых вне пределов античной Кавказской Албании⁴. Однако более

Ш. Мнацаканян, О литературе Кавказской Албании, Ер., 1966 (на арм. яз.), с. 250-257; **А. А. Акопян**, Албания-Алуанк..., с. 81-83.

¹ Так считали еще Й. Маркварт (см. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Zweites hert. – «Philologus»: Supplement Band X, Ht. I, Leipzig, 1905, S. 174) и Н. Г. Адонц (см. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя, СПб., 1908 /Ер., 1971/, с. 420). Г. А. Меликишвили полагал (см. Население северных областей Наири-Урарту и его роль в древневосточной истории, Москва, 1960, с. 5), что топоним Барда (Партав) перенесен в Албанию с юга, а И. Г. Алиев писал (см. История Мидии, Баку, 1960, с. 65), что утии в древности жили южнее Аракса, «там где прежде жили кутии», и «утии в первые века н. э. перешли Аракс, переселились в Албанию, и местом расселения их у Птолея (V, 12, 4) названа Отена на реке Куре». Э. А. Грантовский считает (см. Сагарты XIV округа государства Ахеменидов по списку Геродота /III, 93/. – Краткие сообщения Ин-та народов Азии. Вып. 46, Москва, 1962, с. 239), что утии Геродота обитали к югу от Куры и к западу от нижнего Аракса.

² Это XIV сатрапия державы Ахеменидов по Геродоту (**Her.** III, 93, и VIII, 68).

³ Подробнее см. **А. А. Акопян**, Албания-Алуанк..., с. 74-76.

⁴ **Strab.** XI, 7, 1; 8, 8; 14, 14. Ср.: **К. В. Тревер**, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э., Москва-Ленинград, 1959, с. 46, 143, 144; **С. Т. Еремян**, Страна «Мехелония» надписи Кааба-и-Зардушт, – ВДИ, 1967, № 4, с. 51-52; **К. Алиев**, Кавказская Албания (I в. до н. э. – I в. н. э.), Баку, 1974, с. 127.

обосновано мнение, согласно которому к одному из возможных предков современных удин в определенной степени имеет отношение только часть сведений Страбона (именно, в разделе XI, 8, 8)¹, а также данные Плиния Старшего (VI, 38-39) и Птолемея (V, 8, 23), локализирующих племена под названием «ути – уди» относительно недалеко от нынешнего ареала расселения удин². В указанном месте Страбон пишет: «В окружности у моря за гирканцами обитают амарды, анариаки, кадусии, албанцы, каспии, утии и, быть может, вплоть до скифов другие племена». Плиний Старший сообщает, что «на самом краю пролива живет скифский народ удины, за ними на побережье – албанцы... Выше прибрежной его [области] и племени удинов простираются [земли] сарматов, утидорсов»³. Он также утверждает, что отрезок береговой линии Каспия от удинов-скифов до реки Куры называется Албанским⁴. Похожие данные имеются и у Клавдия Птолемея, который сообщает, что на Северном Кавказе, к северо-востоку от античной Албании были известны реки Герр, Соана, Алонта и Удон, впадавшие в Каспий, и соответствующие им племена герров, исондов, олондов и удов («у Каспийского моря живут уды, и олонды, и исонды, и герры»)⁵. В приведенных текстах авторы говорят об «утиях», «удиных», «удах» или «утидорсах», которые занимали прибрежное пространство от Каспийского мо-

¹ А. Акопян показывает, что утии, упомянутые в разделе XI, 7, 1 «Географии» Страбона, обитали на южных берегах Каспийского моря (А. А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 77).

² Ср. там же, с. 79.

³ Этноним *утидорс* обычно делят на два этнонима *ути* и *аорс* (в литературе аорсы считаются ираноязычными). См. К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, 174-175. Утидорсов также считали кавказоязычными и отождествляли с предками современных удин: «Удины смешались здесь (на Северном Кавказе – Г. А.) с пришельцами из Северного Прикаспия – сарматами-аорсами и получили у позднеантичных авторов прозвище утидорсов» (см. П. К. Услар, Этнография Кавказа. Языкознание, III, Тифлис, 1889, с. 23).

⁴ Plin. Nat. Hist. VI, 13 (§ 38-39).

⁵ Ptol. Geogr. V, 8, 23. Как полагают, упомянутые исонды, возможно, являются одним из предков чеченов и ингушей. См. В. Б. Виноградов, О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам), – «Труды» Чечено-ингушского НИИ. Т. IX, Грозный, 1964.

ря до вершин горного хребта севернее албанцев или Албании. Характерно, что и Страбон, и Плиний, и Птолемей, упоминая об утиях-удицах, указывают именно на Каспийское побережье (т. е. равнину) как на место их обитания за северо-восточной границей Албании (Дербентская горная линия – по уточнению А. Акопяна), примерно на южном или среднедагестанском берегу Каспийского моря¹. Из этого видно, что этноним *ути-уди* в интересующую нас эпоху фиксируется не в нынешнем ареале его распространения (Куткашенский и Вардашенский районы, ныне Кабалинский и Огузский р-ны совр. Азербайджана), а намного северо-восточнее этого региона, на равнинном южно- или среднедагестанском побережье.

Здесь уместно будет вспомнить о том, что этимология этнонима *уди-ути* еще окончательно не выявлена. Он мог служить в качестве даже родового названия, тотемного обозначения с обожествлением его в последствии как эпони́ма, бога хранителя рода, и т. д., на подобие скандинавского бога Одина², либо восходить к какому-то первоначально нарицательному значению. На наш взгляд, обоснованным кажется гипотеза о том, что в восточнокавказских языках слово *ути-уди* означало определенное понятие – термин, который мог использоваться для обозначения некоей общности, как внутри самой лезгиноязычной этнической группы, так и со стороны их ближайших соседей³. К примеру, оно могло означать «жители равнин», как считает Я. Вагапов⁴. Этому соответствует локализация пле-

¹ Ср. А. А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 33-36.

² Подобные случаи в древнем мире не единичны. К примеру, от имени ассирийского верховного бога Ашшура произошло название древнеассирийской народности *аттураи*, *ашишураи*. Тур Хейердал даже предполагал, что и этноним «уди́н» происходит от имени скандинавского бога Одина в значении «люди Одина» (Thor Heyerdal's Search for Odin, Oslo, 2014), однако эта теория не получила широкого научного признания.

³ Ср. А. А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 80.

⁴ На основании материала вейнахских языков и даргинского он предлагал этимологизировать *ути-уди*, как «равнинное», «нижнее» (Я. Вагапов, Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем на *a* /Этимологические заметки/, – Вопросы вейнахской лексики, Грозный, 1980, с. 79). По мнению Ю. Б. Юсифова, топоним *Арран* состоит из «Ар», что в лакском означает «равнина», и «ан», что взято из даргинского языка (Ю. Б. Юсифов, О наименованиях «Ал-

мени ути в античности на южно- или среднеагестанском равнинном побережье Каспия (Е. И. Крупнов прямо связывал с удинами Каякентско-Хорочаевскую культуру Северного Кавказа)¹.

Вышеприведенные источники, как видим, не содержат упоминаний о племенах под названием *ути-уди* в западной части античной Кавказской Албании (в зоне Закаталы – Шеки – Кабала), потомками которых могли бы быть современные удины. Это может объясняться и тем, что предки последних могли переселиться сюда², в этнически родственную им среду, под натиском сармато-аланских племен в I-II вв. н. э.³, и, как довольно многочисленное племенное объединение, передать свое имя (в результате процесса этноконсолидации) родственным им лезгиноязычным племенам указанной зоны. Возможно также, что появление названия народа *ути-уди* в западной части Албании стало конечным результатом этноконсолидации коренных, лезгиноязычных албанских племен данной зоны, а само название могло произойти от того, что в «глазах» родственников им племен, живших в горах Кавказа, насельники данной зоны (Алазань-Авторапской долины и ее ближайшего предгорья) были «жителями равнин», т. е. «ути-удинами». Но независимо от вариантов, формирование и дальнейшее развитие удинского народа было тесно связано именно с этой западной тер-

бания» и «Арран», – «Известия» АН Азерб. ССР, серия обществ. наук, 1961, № 12, с. 25).

- ¹ **Е. И. Крупнов**, Каякентский могильник – памятник древней Албании, – «Труды» ГИМ, Вып. XI (Москва), 1940, с. 17-18.
- ² Производивший в регионе раскопки Ерванд Лалаян предполагал, что «удины являются не аборигенами населяемого ими района, а лишь позднейшими иммигрантами» (**Е. А. Лалаян**, Раскопки в селениях Нидж и Варташен Нухинского уезда /весной 1915 г./, – «Известия» КОМАО, 1919. Вып. 5, с. 47).
- ³ **Б. А. Арутюнян** полагал, что во времена Страбона удины («гаргарейцы») проживали на Северном Кавказе и только в I в. н. э. под натиском аланов вступили в Восточное Закавказье и поселились на левом берегу Куры. А когда в Закавказье вторглись массагеты (маскуты), они были вынуждены отступить в область Шаки-Нухи (**Б. Арутюнян**, О некоторых вопросах этнической и политической истории так называемого Агванка, – «Вэм», 2011, № 2, с. 31-64; № 3, с. 34-73 (на арм. яз.). Ср. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., Отв. ред. **Б. Б. Пиотровский**, Москва, 1968, с. 85-86.

риторией (также как и с принятием в 315 г. и распространением в Кавказской Албании христианства как государственной религии).

Сопоставительный анализ источниковедческих данных показывает, что политоним «албанцы» к III веку н. э. еще не стал самоназванием (эндоэтнонимом) населения Албанского царства и давался ему соседними народами¹. Однако всё же этноконсолидационный процесс в среде собственно албанских лезгиноязычных племен определенно достиг уровня образования некоей потестарной метаэтнической общности², которую характеризует устойчивость ее восприятия соседними народами в известной мере в качестве единого целого под экзоэтнонимом-иноназванием «албанцы» (в армянском – «Алуанк», в среднеперсидском – «Аран», позже в арабском – «Арран», в грузинском «Эрети»)³.

В 315 г. в Албании под главенством местной Аршакидской царской династии было официально принято христианство⁴, и была основана Албанская церковь, которая до 462 г. имела статус епископата с центром в Капалаке, а после – архиепископата-католикосата с центром в Чоре-Дербенте. С принятием христианской религии должны были ускориться и углубиться этноконсолидационные процессы в среде лезгиноязычных албанских племен в пределах единого Аршакидского царства. Непрерывное существование последнего до 462 г. (после его упразднения в указанном году Перозом Сасанидом царство было восстановлено Балашем Сасанидом в 485 г. и просуществовало до смерти царя Албании Вачагана II Бла-

¹ См. **А. А. Акоюн**, Албания-Алуанк..., с. 106.

² О термине см.: **С. И. Брук**, **Н. Н. Чебоксаров**, Метаэтнические общности, – «Расы и народы». Вып. 6, Москва, 1976, с. 15-41; **Ю. В. Бромлей**, Очерки теории этноса, Москва, 1983, с. 233-243.

³ Ср. **А. А. Акоюн**, К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин..., с. 129.

⁴ О датировке подробно см. **А. А. Акоюн**, Албания-Алуанк..., с. 124-126; **он же**: Проблема хронологии принятия христианства в Иверии, Лазике и Албании, – «Армения и Христианский Кавказ», Республиканский симпозиум, посвященный 1700-летию принятия христианства в Кавказской Албании и Грузии (Ереван, 15-16 декабря 2015 г.). Доклады и тезисы докладов. Ер., 2015, с. 3-15 (на арм. яз.); **он же**: По поводу датировки христианизации Кавказской Албании, – «Восток» («Oriens»), 2021, № 5 (Москва), с. 71-81.

гочестивого в 523 г.¹) со всеми его институтами также должно было способствовать развитию этноконсолидационных процессов в среде западной части собственно албанских племен. Важной ступенью этноконсолидационных процессов в этом царстве должно было стать социально-экономическое и культурное возвышение одного из племен и формирование на основе его языка общеалбанского койне². Вероятно, им были предки современных удин, и формирование койне произошло на базе именно их языка (диалекта). В пользу подобной возможности говорит факт создания Маштоцем (361-440) и его соратниками албанской письменности (на основе, скорее всего, удинского языка)³. Как сообщают армянские историки Корюн, Мовсэс Хоренаци, Мовсэс Дасхуранци (Каланкатуаци), в нач. V в. Маштоц с помощью даровитого «албанского переводчика» Бениамина и при содействии албанского царя Арсвалэна (Есвалэна, Асвахена) и албанского католикаса Иеремии создал албанское письмо (на базе, как написано в тексте Мовсэса Хоренаци, «гаргарейского» языка: «по гортанному-горловому, свистящему, варварскому, ломаному языку гаргаров»)⁴. Уже

¹ См. **А. Акопян**, «Повесть о Вачагане» и проблема Аршакидского царства Албании IV-VI веков, – «hАндэс Амсореай», год СХVII, Вена-Ер., 2003 (на арм. яз.), с. 45-112.

² Подробно см. **А. Акопян**, Этнические процессы в Кавказской Албании в период античности и в раннем средневековье, – ВА, 2015, № 2 (8), с. 73-74.

³ Временем расцвета албанской письменности считаются V-VII вв., когда, по словам А. Г. Шанидзе, «албанцы (удины) во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие наравне с грузинами и армянами» (**А. Шанидзе**, Новооткрытый алфавит Кавказских албанцев и его значение для науки, – «Известия» Ин-та языка, истории и материальной культуры Груз. ФАН СССР, Т. IV, Вып. 1, Тбилиси, 1938, Отд. оттиск, с. 3; ср. **А. А. Акопян**, Албания-Алуанк..., с. 139).

⁴ См. **Мовсес Хоренаци**, История Армении, Пер. с древнеарм. языка, введение и примечания **Г. Саркисяна**, Ер., 1990, гл. III, 54, с. 194; **Корюн**, Житие Маштоца, Предисловие к переводу на русский язык **Ш. В. Смбацяна** и **К. А. Мелик-Огаджаняна**, Ер., 1962, с. 105-106; **Мовсэс Каланкатуаци**, История страны Алуанк, Пер. с древнеармянского, предисловие и комментарий **Ш. В. Смбацяна**, Ер., 1984 (далее – **Дасхуранци**), гл. II, 3, с. 70. Об этнониме «гаргарей» А. Акопян пишет (Албания-Алуанк..., с. 72-74), что он «употребляется

отмечено, что наличие собственной письменности¹ является качественно новым этапом плотности инфосвязей внутри союза племен, играя огромную роль, в первую очередь, для усиления относительно слабых диахронных связей².

В начале и середине XX в. были обнаружены около десятка лапидарных надписей на «албанском» языке с левобережья р. Куры³. В 1990-х гг. экспедицией АН Грузии во главе с кавказоведом З. Н. Алексидзе в монастыре Св. Екатерины на Синае был обнаружен грузинско-албанский палимпсест, содержащий около 120 страниц текстов на албанском языке⁴. Это – богослужебный сборник, Синаксарий, включающий и отрывки Нового Завета и датируемый между концом VII – X вв. (поздняя датировка более вероятна)⁵. После дешифровки этих текстов коллективом ученых именно древнеудинский язык принято считать литературным языком собственно албанцев-христиан в эпоху средневековья; то, что современный удинский не на 100% идентичен языку, засвидетельствованному в палимпсесте, объясняется как тем, что между ними лежит отрезок времени в тысячу лет, так и тем, что современные удины и их язык могут восходить

источниками в качестве пейоративного названия населения левобережной Албании и соседнего горного района», поэтому «корректнее говорить не о гаргарейской, а об албанской письменности».

¹ О начале перевода Библии на «албанский язык» сообщает армянский историк первой пол. V в. Корюн (гл. 17). В VIII веке о существовании албанского варианта Евангелий пишет историк Левонд (гл. 14). В армянской «Книге посланий» сохранился документ, свидетельствующий о существовании одного из решений Двинского церковного собора 506 г. (проходившего с участием иверского и албанского католиков и епископов) также и в албанском варианте (Книга посланий, Тифлис, 1901 /на арм.яз./, с. 51).

² Ср. С. А. Арутюнов, Классификационное пространство этнической типологии, – СЭ, 1986, № 4, с. 61; А. Акоюн, Этнические процессы в Кавказской Албании..., с. 74.

³ См. S. N. Mouraviev, Trois études sur l'écriture aluanienne, – RÉArm., NS, vol. 27, Paris, 1998-2000, p. 1-74.

⁴ См. прим. 1 к настоящей статье.

⁵ См. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai, Vol. I. Edited by J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé (раздел I – «общая характеристика двух найденных палимпсестов»), p. 32.

не прямо к носителям языка палимпсеста, а к какому-то другому лезгиноязычному племени, которое в период удинской этноконсолидации собственно албанцев-христиан приняло этноним *ути-удин* в качестве самоназвания. Таким образом, можно констатировать становление письменного албанско-удинского языка официальным языком Албанской церкви, что в свою очередь должно было способствовать углублению начавшегося ранее процесса этноконсолидации лезгиноязычных племен-албанцев-христиан, успех которого в конечном итоге к IX-X вв. должен был привести к образованию единого *удинского* народа, народа доминанта христианского царства Шаки-Эрети.

О процессе албано-удинской этноконсолидации лезгиноязычных племен Албании прямо или косвенно свидетельствует ряд источников. Так, сирийский автор VI в. Пс. Захарий Ритор, рассказывая о пяти закавказских странах, сообщает, что «Аран населяет верующий народ со своим языком», имея в виду собственно албанцев-христиан¹. Арабские авторы X в. ал-Истахри, Ибн Хаукаль и ал-Мукаддаси отмечают, что в Арране говорят «по-аррански»², имея в виду, конечно, язык собственно албанцев (=удин) левобережья Куры³ (по словам ал-Мукаддаси, «Шакки на равнине... большая часть жителей христиане...; ... в Арране говорят по аррански»⁴, а по тексту Ибн Хаукаля, «в стране ... Берда'а говорят по-аррански»⁵). Ал-Ма-

¹ **Н. В. Пигулевская**, Сирийские источники VI в. о народах Кавказа. – ВДИ, 1939, № 1; она же: Сирийские источники по истории народов СССР, Москва-Ленинград, 1941, с. 65.

² Ал-Истахри написал свое сочинение в 930 г., сведения Ибн Хаукаля (писал в 977-978 гг.) и ал-Мукаддаси (писал в 985 г.), вероятнее всего, восходят к нему (см. **А. А. Акоюн**, Албания-Алуанк..., с. 140).

³ Информация арабских источников констатирует вполне ожидаемое для X в. и еще весьма массовое функционирование «арранского» (вероятнее всего, удинского) языка в районах именно собственно албанского левобережья. Подробно см. **А. А. Акоюн**, Албания-Алуанк..., с. 140.

⁴ **Н. А. Караулов**, Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане, – СМОМПК, Вып. XXXIX, Тифлис, 1909, с. 5-17.

⁵ Там же, с. 81-114. Под этой «страной Барда'а» следует понимать не район города Партава (как неверно понял оригинал Ибн Хаукаль), а весь Арран (как верно понял источник ал-Мукаддаси). Название стран по их политическим цент-

с'уди, побывавший в Албании в 943 г., называет христианское население царства Шакин (Шеки) отдельным племенем, употребляя этнопотестарный термин *шаккийцы* («У царства санаров находятся шаккийцы, племя христианской веры. Царем шаккийцев, когда мы писали эту книгу, был сын Хамама Адарнасе [Адзар-Нарса ибн Хумам]»)»¹.

Ответ на вопрос, какой народ скрывался в интересующую нас эпоху под терминами «Һэры», «аранцы» и «шаккийцы» грузинских, арабских и сирийских источников, могут дать сведения армянского автора начала X в., католикоса (898-924/929 гг.) Йовһаннэса Драсханакертци. В своей «Истории Армении» он пишет о своем пребывании во владениях царя Албании (Шаки-Эрети) Атрнерсеһа, сына һАмама, так: «прибыл в край Восточный – Алуанк', к царю их Атрнерсеһу, что на северо-востоке Кавказа, ибо и они из нашего народа, и паства пажити нашей [т. е. единоверцы – Г. А.]»². В другом отрывке автор, несомненно отлично знавший реалии всего региона, упоминает о соседних с армянами народах так: «народы, что живут окрест нас: греки и егеры, и гугары, и *утийцы* – северные племена, проживающие у *подножья Кавказа*, каждый у пределов своей страны...»³. Таким образом, перечисляя соседние с Багратидской Арменией со стороны Кавказских гор народы, после егеров (=Лазика-Абхазия) и гугаров (=Санария-Кахети) Йовһаннэс Драсханакертци прямо называет утийцами («утэацик'»), т. е. удинами, христианское население страны Алуанк' (царства Шаки-Эрети)⁴.

рам было свойственно и другим арабским авторам (см. **А. А. Акопян**, Албания-Алуанк..., с. 140).

¹ **Н. А. Караулов**, Сведения арабских писателей..., – СМОМПК, Вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, с. 57; **В. Ф. Минорский**, История Ширвана и Дербенда X-XI вв., Москва, 1963, с. 211.

² **Иованнес Драсханакертци**, История Армении, Пер. с древнеармянского, вступительная статья и комментарий **М. О. Дарбинян-Меликян**, Ер., 1986, гл. XLIV, с. 161. Ср. гл. LIII, с. 186.

³ Там же, с. 182 (в тексте подчеркнуто нами).

⁴ Царство Шаки-Эрети арабских и грузинских авторов со столицей в городе Шаки-Шеки (вместо древнего Капалака) в армянских источниках и у Константина Багрянородного называется просто Албанским («Алу'аниц» армянских источников) царством или княжеством. См.: **Иованнес Драсханакертци**, История

Возможно, что информация Йовһаннэса Драсханакертци не единична¹. Некоторые исследователи считают, что упоминание лезгиноязычных собственно албанцев-христиан под этнонимом уди-ути-«утэацик», а их страны (на левобережье Куры) – под названием «гавар Утиакан», можно встретить в «Истории Албании» историка конца X века Мовсэса Дасхуранци (Каланкатуац)². По сохранившемуся там свидетельству, Маштоц и его ученики «достигли пределов Востока», обосновались в тайном убежище «в области Ути, близ местечка Гис», и оттуда распространили «свою проповедь в стране Утик»³. Могли ли события, связанные с Маштоцем и его учениками в Гисе, иметь место не на правом, а на левом берегу реки Куры?⁴ Там тоже известно село с названием Гис или Киш, в Шекинском районе Азербайджанской Республики. В той же летописи сказано, что апостол Елиша «просветил только северную часть нашего востока, а не всех», что больше подходит к Кишу, расположенному в северной части бывшей Кавказской Албании, в зоне Закаталы – Шеки – Кабала, чем к Гиши-Гису, находившемуся на юге «нашего востока», в этнически армянской Албании⁵. К тому же в другом рассказе Мовсэса Дасхуранци есть перечисление: «...и на другом берегу реки Кура – дом Эджери, и в гаваре Ути, в Гисе – дом Вараз Пероза»⁶. Если допустить, что под левобережны-

Армении, Гл. XLIV, с. 161; **Анания Мокаци**, О восстании дома Албанского, Изд. Г. **Тер-Мкртчяна**, – «Арагат», 1897 (на арм. яз.), с. 144; **Дасхуранци**, гл. III, 21 (в изданиях ошибочно – III, 22), с. 335; Вселенская история **Степаноса Таронечи Асолика**, Изд. **Ст. Малхасянца**, СПб., 1885 (на арм. яз.), Гл. III, 3, с. 161; **Const. Porph.** De Ceremoniis. II, 48; ср. **C. Zuckerman**, À propos du Livre des cérémonies, II, 48, – «Travaux et Mémoires», t. 13, Paris, 2000, p. 532.

¹ Выше мы отметили, что ал-Мас'уди называет христианское население царства Шакин отдельным племенем, хотя и употребляет только этнопогестарный термин *шаккийцы*.

² См., к примеру, **Г. Харатян**, О культе апостола Елиша у удин..., с. 70-86.

³ **Дасхуранци**, гл. I, 27. Отметим, что Гис, таким образом, выступает как одно из самых почитаемых святых мест всей страны Албании.

⁴ См. **С. Г. Бархударян**, Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений, Ер., 2011, с. 45-46.

⁵ Ср. **З. И. Ямпольский**, Древняя Албания III-I вв. до н. э., Баку, 1962, с. 234.

⁶ **Дасхуранци**, гл. II, 32.

ми княжескими домами этого текста можно понимать не только Эджерийских князей, но и упомянутый после них род Вараз Пероза, владельца Гиса «в гаваре Ути», то край на левом берегу Куры, где ныне проживают удины, также можно считать «гаваром Утиакан или Утик-Ути»¹.

Так же можно интерпретировать и заметку «Географии» автора XIII в. Вардана Аревелци (Восточного), который пишет: «Гаргарацик [*var.* Гуггарацик, Гавгарацик, Гоггарацик, Гумгарацик – *Г. А.*] есть Шаки»². Здесь под термином «Гаргарацик», следует понимать не конкретное племенное название, а позднее иноназвание (экзоэтноним, возникший на основании общеизвестного эпитета, данного носителям «албанского» языка Мовсэсом Хоренаци)³ уже этноконсолидированных на удинской основе собственно албанцев-христиан зоны Закаталы – Шеки – Кабала (=бывшего царства Шаки-Эрети).

Следующее дословное упоминание удинов (после Йовханнэса Драсханакерци) содержится уже в «Челобитной удийцев к Петру I» от 20 марта 1724 г. на армянском языке: «мы, *алуванцы*, и по нации *утии...* [букв. *Алуванк'... Утик'*]»⁴. Хотя армянский автор второй пол. XVII в. Закарий Канакерци в своей «Хронике» пишет: «Некий человек из племени *алван*, которых ныне зовут *удинами*»⁵, однозначно ставя знак равенства между двумя

¹ См. **С. Г. Бархударян**, Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений, с. 45-46.

² См. Ашхархацуиц **Вардана**. Критическое издание **А. Перперяна**, Париж, 1960 (на арм. яз.), с. 10. Ср. **Г. Гумба**, Кавказская Албания по «Ашхархацуицу» Вардана Вардапета (XIII в.), – ВОН АН Арм. ССР, 1986, № 9, с. 64-73. В армянских рукописях термины «гуггарцы» и «гаргарцы» часто путаются, см. **О. Гамбарян**, Гаргарцы или Гуггарцы? – *ՉԼ*, 1910 (Вена, на арм. яз.), с. 242; **А. А. Акоюн**, Албания-Алуанк..., с. 64-74.

³ **Мовсес Хоренаци**, *История Армении*, III, 54, с. 194; Ср. **А. А. Акоюн**, К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин, с. 129.

⁴ См. **А. Абрамян**, Письмо удинов Петру I, – «Эджмиацин», 1952, № 4 (на арм. яз.), с. 29; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, Сб. документов, Т. II, Ч. II, Под ред. **А. Иоаннисяна**, Ер., 1967, с. 90-91. Ср. **А. А. Акоюн**, К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин, с. 129.

⁵ **Закарий Канакерци**, Хроника, Пер. **М. О. Дарбинян-Меликян**, Т. I, Москва, 1969, гл. XXIX, с. 61 (подчеркнуто нами).

понятиями. Сохранилась также рукопись, посвященная лексике удинского языка, под любопытным названием: «Начальные основания грамматики на *агванском* языке, писанные армянскими буквами». В ней переписаны около 150 удинских слов, парадигмы склонения имен удинского, спряжение глагола, фразеология, предложения и в конце (л. 19) список 43 слов с переводом на армянский. Как видно из названия, и этот автор не видел разницы между удинами и «агванами», *удинским* и «агванским» языками¹.

То, что этноним удины-утийцы в отношении собственно албанцев-христиан не встречается у других средневековых армянских авторов, вполне может объясняться тем, что в силу отсутствия конкретных контекстов (каковые были у Йовһаннэса Драсханакертци, а позже и у авторов письма царю Петру)², их продолжала вполне удовлетворять возможность обозначения уже этноконсолидированных на удинской основе лезгиноязычных собственно албанцев-христиан (т. е. удин на западе классической Кавказской Албании) под традиционным этнопотестарным термином «албанцы» – «Алуанк'» (или даже под бывшим пейоративным термином «гаргарацик»-«гугарацик»)³.

В связи с нашествием горцев «лезгин» в 1722 г. на левобережную Албанию историк Микайэл Чамчянц также упоминает «страну утийцев и гугарийцев... где владел некий князь Йованэс...»⁴. По его словам, «страна утийцев и гугарийцев есть Шаки». Он пишет, что исходит из традиции называть «Шаки или Шеки» «Гугарк'ом-Гаргарк'ом»⁵. Выражение «страна

¹ Рукопись хранится в рукописном фонде Ленинградского отделения Ин-та востоковедения АН СССР (Агм. С-7). Датировка неизвестна. В 1842 г. коллежский советник Эджмиацинского синода Товма Корганов вместе с другими рукописями, относящимися к Албании, передал ее Русской Императорской АН. См. **В. Л. Гукасян**, Удинско-азербайджанско-русский словарь, Баку, 1974, с. 17-18.

² **А. Абрамян**, Письмо удинов Петру I, с. 29; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, с. 90-91.

³ Ср. **А. А. Акоюн**, К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин..., с. 129-147.

⁴ **М. Чамчянц**, История Армении. Т. III, Венеция, 1786 (на арм. яз.), с. 784.

⁵ Там же, с. 142.

утийцев-удин» для левобережья Куры неоднократно упоминает в своей известной работе Казар (Лазарь) Овсепяц, удин по национальности¹.

Основываясь на анализе источников и теоретических положениях современной исторической и этнографической науки представляется возможным конкретнее поставить вопрос об этнических процессах, протекавших в Собственно Албании с античной эпохи до XI-XIII вв. (до появления в регионе в широких масштабах тюркоязычного этнического массива). Вышеприведенные сведения позволяют ретроспективно восстановить этническую картину населения царства Шаки-Эрети в интересующий нас период. Здесь мы можем наблюдать весьма показательное для динамики этнических процессов явление. Так, протекавший с разной степенью интенсивности процесс этноконсолидации в среде лезгиноязычных собственно албанцев-христиан привел в IX-X вв. к сложению совершенно нового охвата этноса (народа) под названием ути-уди-удины (по сравнению с античностью и ранним средневековьем). Этот охват в указанный период уже примерно совпадает с территорией христианского царства Шаки-Эрети, включая ареал нынешнего расселения части лезгин на севере Азербайджанской Республики, как в зоне Кахи – Куткашен – Исмаиллы (это потомки обращенных в XV-XVIII вв. в мусульманство удин), так и в районе Куба – Кусары (по А. Бакиханову, удины-уды жили в Шеки, Ширване и в Кубинском районе²). Анализ античных и средневековых источников показывает, что процесс этноконсолидации в среде лезгиноязычных собственно албанцев-христиан запада Кавказской Албании успешно завершился к IX-X вв. (на базе религиозной и этнолингвистической общности) образованием единого удинского народа³, который стал народом доминантом христианского царства Шаки-Эрети. И если к племени удинов-утийцев в IV-IX вв. приложимы собирательное, этнопотестарное название «албанцы» и пейоративное наименование «гаргарей»⁴, в узком смысле этих тер-

¹ К. Овсепяц, Очерки об утийских и магометанских армянах, Тифлис, 1904 (на арм. яз.), с. 21, 40, 48, 75, 90.

² А. К. Бакиханов, Гюлистан-и Ирам, Баку, 1991, с. 9-17.

³ Ср. А. А. Акоюн, К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин..., с. 129-147.

⁴ Ср. А. А. Акоюн, Албания-Алуанк..., с. 72-74.

минов, то вопрос о времени и обстоятельствах их слияния с «другими» албанцами и гаргареями, естественным образом, должен отпасть.

Под левобережной Албанией и собственно албанцами-христианами в указанный период (к IX-X векам) уже фактически понималось окончательно сложившееся удинское христианское этническое сообщество, подразумевающее единство в религии, языке, в социально-идеологической и культурной областях. Этноним «уди» к тому времени уже несомненно стал самоназванием (эндоэтнонимом) собственно албанцев-христиан. На Южном Кавказе никогда не было и нет народов под эндоэтнонимами «грузины» или «армяне»; это – экзоэтнонимы, точно такие же, как и «албанцы» в указанный период для удин. По сути, в упомянутую эпоху термин «албанцы» / «албаны» / «эры» стал ни чем иным, как синонимом обозначения удинского этноса. На основании такой этнодемографической и политической картины Собственно Албании эпохи развитого средневековья, несомненно, можно утверждать, что современный кавказоязычный¹, христианский² удинский народ (этнос) следует признать единствен-

¹ Язык современных удин относится к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи языков (или подсемьи северокавказской семьи языков, по другой классификации). Удинский язык имеет два диалекта: ниджский и вардашенский (вардашенско-октомберийский). Степень их расхождения не препятствует взаимному пониманию. Ниджский диалект в свою очередь имеет подговоры, делящиеся на три подгруппы – нижние, промежуточные и верхние. По версии Ворошила Гукасяна, эти подговоры исторически являлись отдельными говорами (диалектами) и соответствовали разным группам удин, переселившихся в село Нидж из других мест. См. **В. Л. Гукасян**, Удинско-азербайджанско-русский словарь, с. 251; **Г. Ворошил**, Ниджский диалект удинского языка (звуковой состав и некоторые фонетические процессы), – ИАН Азерб. ССР, серия обществ. наук, 1963, № 3, с. 79-89.

² Со времен христианизации Кавказской Албании (315 г.) удины являются последователями отдельной Албанской церкви, которая в свою очередь была в каноническом единстве с Армянской Апостольской церковью (ААЦ). Предстоятель Албанской церкви рукополагался армянским католикосом. Подобно ААЦ, Албанская церковь принадлежала к числу не халкедонитских восточных православных церквей, она не признала Халкедонский собор, исповедуя дохалкедонское (миафиситское) христианство, иногда называемое монофизитским. В 552 г. из Чора-Дерберта в Партав, т. е. с собственно албанского лево-

ным прямым этно-культурным потомком лезгиноязычных собственно албанцев-христиан¹.

Что касается вопроса дезинтеграции-деэтнизации удинского народа, обстоятельств его трансформации из этноса доминанта царства Шаки-Эрети в малочисленную народность на руинах этого царства², то следует отметить, что еще со времени относительного усиления Грузинского царства и активизации деятельности в регионе Грузинской диофизитской церкви начинается постепенный процесс перехода удин (особенно, в среде некоторой части их западных групп) в халкедонитство, который достигает определенного успеха уже в XI-XIII вв. Как известно, по средневековым критериям этническую принадлежность во многом предопределяла религия³.

Диофизитство набирало силу в северо-западной части царства Албания-Шаки-Эрети, по соседству с Грузией (точнее, с Кахетинским царств-

бережья на армянское правобережье, была перенесена резиденция Албанского католикосата, после чего его первым официальным языком стал армянский, который со временем также стал единственным языком богослужения, а затем и письменным языком для удин. Хотя формально Албанский католикосат просуществовал до 1815 г., а Албанская церковь – до 1836 г., в действительности она уже давно трансформировалась в одну из епархий ААЦ. Значительная часть верующих удин до последнего времени была прихожанами ААЦ. В периоды относительного усиления Грузии лишь сравнительно небольшая часть удин (западная группа – будущие ингилойцы), приняв диофизитство (халкедонитство), перешла к Грузинской Православной церкви (ГПЦ).

¹ Самоназвание этноса – «уди». Удины компактно проживают в северной части современной Азербайджанской Республики – в селе Нидж Куткашенского (ныне Кабалинского) района и в районном центре Вардашен (ныне Огуз), а также в Грузии (с. Зинобиани, бывшее Октомбери, Кварельского района; это – переселенцы из Вардашена; отсюда группа удин-диофизитов бежала в Грузию еще в 1922 г.). Удины дисперсно проживают также в России, Армении, Казахстане и т. д. Антропонимика удин-последователей ААЦ (имена, фамилии, отчества) до недавнего времени была преимущественно идентична армянской.

² По статистике, в мире насчитывается около 10 тыс. человек, сохранивших удинскую этническую самоидентификацию и национальное самосознание, в действительности же этнических удин гораздо больше.

³ См., к примеру, **П. Мурадян**, История – память поколений, – Проблемы истории Нагорного Карабаха, Ер., 1990, с. 19.

вом). В последствии население именно этих областей («эры» – это, вероятно, иноназвание западных групп удин в интересующий нас период), постепенно усвоило грузинский язык и ассимилировалось с грузинами¹. Касаясь этой темы, акад. Н. Марр писал, что в течении X в. население западной Эрети стало диофизитским и постепенно огрузинившись, присоединилось к Кахетии². С. Т. Еремян отмечает, что в долине Иори и Алазани жило «утийское население», которое ассимилировано восточногрузинскими племенами – картами и кахами («у албанского населения долины рек Иори и Алазани господствующим языком становится грузинский, что связано с распространением влияния грузинской церкви, а затем и политического господства феодальной Грузии на территории Эрети»)³. То, что часть населения Эрети огрузинилась, показано и в других работах⁴.

Существует также достаточно аргументированная гипотеза, что ингилойцы, проживающие компактно или чересполосно с тюрками-азербайджанцами, аварцами и цахурами в Закатальском, Кахском и Белоканском районах Азербайджана (они в основном мусульмане, но часть их – христиане)⁵, по происхождению являются этническими удинами. Эта часть

¹ **С. Г. Бархударян**, Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений, с. 85-86.

² **Н. Марр**, Аркауи, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонятах, – ВВ, XII, № 2, СПб., 1906, с. 168; **он же**: Вступительная лекция в Лазаревском Переднеазиатском институте, – Тексты и изыскания по кавказской филологии, Ленинград, 1925, с. 9; **он же**: Избранные работы, Т. V, Москва-Ленинград, 1935, с. 55.

³ **С. Еремян**, Раннефеодальные государства Закавказья в III-VII вв., – Очерки истории СССР (III-IX вв.), Москва, 1958, с. 304-305.

⁴ **А. Г. Шанидзе**, Язык и письмо Кавказских албанцев, – “Вестник” отделения обществ. наук АН Груз. ССР, Тбилиси, 1960, № 1, с. 170; **А. П. Новосельцев**, **В. Т. Пашуто**, **Л. В. Черенин**, Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика), Москва, 1972, с. 35.

⁵ В религиозном отношении ингилойцы делятся на христиан-диофизитов и мусульман-суннитов. Ингилойцы-мусульмане проживают в Белоканском и Закатальском районах, а ингилойцы-христиане в Кахском районе. Первые компактно проживают в селениях Алибад и Мосул Закатальского и Ититала Белоканского районов, а вторые – в селениях Ках-Ингилой, Бёюк Алатамир, Ках-Баш,

удин сначала перешла в диофизитство, постепенно усвоила грузинский язык и ассимилировалась с грузинами, а в последствии, в нач. XVIII в., приняла ислам, в связи с чем и возник этноним ингилой, что означает «новообращенный» (на тюркско-азербайджанском языке «йен/т/и» – новый, а «йол» – путь). Образование ингилойского диалекта грузинского языка, в котором выделяется удинский субстрат, вероятнее всего, является именно результатом перехода удин-диофизитов на грузинский язык (по мнению В. Гукасяна, которое мы разделяем, «на основе удинского диалекта этой зоны в средние века образовался ингилойский диалект грузинского языка»)¹. Следующий значимый этап перехода части удин в диофизитство приходится на время вхождения Закавказья в состав Российской империи, когда официальной политикой властей стало «восстановление православия» в регионе². Позже в Нухинском уезде даже те удины-диофизиты, которые не утратили национальную самоидентификацию, были известны под именем «гюрджи», т. е. «грузины»³. А удины-последователи ААЦ в Нидже и Вардашене называли себя «уди» или «кштон» (т. е. христиан)⁴.

Алибекли, Мешабаш, Зегем, Халаф-Тала, Карамеша и Гымыр Кахского района. Тюркоязычные ингилойцы проживают в селах Еникенд Закатальского района, Зейем, Тасмаллы, Марсан, Сотавар, Лале Паша.

- 1 **В. Л. Гукасян**, Кавказский языковый ареал и вопрос субстрата, – Лингвистическая география и проблема истории языка, Ч. 1, Нальчик, 1981.
- 2 Этим занималась специальная комиссия («Общество восстановления православного христианства на Кавказе»), работавшая в Тифлисе. Диофизитские миссионеры – удины И. Бежанов и другие, открытие православной церкви в 1822 г. в Вардашене и т. д. – звенья одной цепи. См., к примеру, **И. П. Петрушевский**, Джаро-белоканские вольные общества в первой половине XIX века, Махачкала, 1993, с. 48-49.
- 3 **А. Арасханианц**, Экономический быт государственных крестьян Нухинского уезда Елисаветпольской губернии, – Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, Т. IV, Тифлис, 1887, с. 21; **С. еп. Джалалянц**, Путешествие в Великую Армению, Т. II, Тифлис, 1858 (на арм. яз.), с. 397; **Г. Харатян**, Официальные этно-демографические показатели в Азербайджане..., с. 78.
- 4 **Е. Лалаян**, Удины Нижа и Вардашена с этнографической точки зрения, Ер., 1926 (на арм. яз.), с. 6; **Саргис Камал**, Об обычаях, праздниках и быте удин-

Характерно также, что удинами считались только христиане, а исламизированные удины воспринимались уже в качестве «татар» или просто «мусульман» (которые, кстати, к своим соплеменникам-христианам относились более враждебно, чем «собственно мусульмане»)¹.

Существует еще гипотеза, что ираноязычные таты-христиане, т.е. таты-последователи Албанской церкви и ААЦ, в частности, таты-армяне сёл Кильвар, Старый Хачмас (Дивичинский и Хачмасский р-ны) и, возможно, Мадраса (Шемахинский р-н), также были этнически удинами или представителями другого албанского племени, потерявшими свой язык и арменизированными в средневековье². За пределами указанных сёл таты-христиане (=этнические удины) со временем исламизировались и перешли, по большей части, на тюркский язык. В их языке также гипотетически ожидаемо наличие удинского субстрата.

В Вардашене тоже шел процесс арменизации удин. Так, в конце XIX в. здесь жили армяне, удины-григориане и удины-православные, перешедшие из миафиситства (ААЦ) в диофизитство (ГПЦ) в первой половине XIX в.³, а также «мусульмане и евреи»⁴. Этнических удин среди армян Вардашена, по всей видимости, было даже больше, чем собственно армян. В основном арменизировались и удины окрестных сёл Нухинского уезда.

ского села Нидж (рукопись), – ММ, архив Сенекерима Тер-Акопяна, папка 72, с. 51. Ср. **Г. Харатян**, Официальные этно-демографические показатели в Азербайджане..., с. 80.

- ¹ **К. Овсепянц**, Очерки об утийских и магометанских армянах, с. 79-81; **Г. Харатян**, Официальные этно-демографические показатели в Азербайджане..., с. 37.
- ² **А. П. Фигуни**, История последней столицы Ширвана, – «Известия» Азербайджанского комитета охраны памятников старины, искусства и природы, Баку, 1927, № 27, с. 83; **А. Акопян**, Царские и княжеские роды Собственно Албании и Восточных краев Армении с античности до XIII века (Историко-источниковедческий анализ), Ер., 2020 (на арм. яз.), с. 6.
- ³ **С. еп. Джалалянц**, Путешествие в Великую Армению, Т. II, с. 397; **К. Овсепянц**, Очерки об утийских и магометанских армянах, с. 11; **М. Бархутарянц**, Страна Алуанк и соседи (Средний Дагестан), Тифлис, 1893 (на арм. яз.), с. 289-293.
- ⁴ **М. Бежанов**, Краткие сведения о с. Варташен и его жителей, – СМОМПК. Вып. XIV, Тифлис, 1892, с. 213-262; **М. Бархутарянц**, Страна Алуанк и соседи, с. 293; **К. Овсепянц**, Очерки об утийских и магометанских армянах, с. 11.

После того, как часть удин-диофизитов Вардашена (они носили грузинские фамилии и фамилии с окончанием на *-ов*) в 1920-1922 гг. бежали в Грузию и основали село Зинобиани (в Кварельском р-не), у удин-диофизитов Вардашена преобладающими стали фамилии с окончанием на *-ов*, фамилии же на *-ян* стали считаться уже «чисто армянскими»¹. Эти случаи арменизации удин не единичны: так, часть удин при паспортизации в СССР по ошибке были записаны армянами² и т. д.

Однако уже в средневековье отчетливо прослеживаются тенденции дезинтеграции и деэтнизации удинского народа, хотя он всё еще продолжает играть весомую роль. В пользу этого косвенно может свидетельствовать и тот факт, что в XV в. в селе Чалет³, в трех километрах от Вардашена, возникает (или временно переносится туда), албанский антихалкедонитский (и антипрестольный) католикосат³. В связи с этим уместен вопрос: не было ли это связано с возможной тенденцией этнического «самовыражения» христианского удинского этноса (как осторожно предполагает, к примеру, М. Балаян⁴)?

Возможно также, что значительная часть современного лезгинского населения Азербайджанской Республики является потомками удин, обра-

¹ В частности, и из-за этого в 1988-1990 гг. значительная часть удин-приверженцев ААЦ (имена, фамилии, отчества которых были преимущественно идентичны армянским) была вынуждена бежать со своей родины, и численность удин в Вардашене сократилась с 3.000 в 1990 г. до 74 человек в 2009 году. Вардашенские удины переселились преимущественно в Пятигорск, Минеральные Воды и Краснодар. Вообще, в конце 1980-х – нач. 1990-х гг. число удин в Азербайджане резко сократилось – с 6.120 чел. (по переписи населения 1989 г.) до 3.800 (по переписи 2009 г.). Сегодня удин даже в Российской Федерации и других республиках бывшего СССР больше, чем осталось на исторической родине.

² Некоторые удинские семьи в Баку, Евлахе, Шеки, Мингечауре, Гандзаке, Гёкчае и т. д. при массовой паспортизации в СССР (в 1930-х гг.) были записаны армянами.

³ **А. В. Карапетян**, Слова «Чалаг», «Чала» и их топонимические применения, – ИФЖ, 1982, № 2 (на арм. яз.), с. 158; **М. Г. Балаян**, Албанский каталикосат в Чалет^е (XV в.), – «Albania Caucasia». Сб. статей. Вып. I. Предисловие, подгот. **А. К. Аликберов**, **М. С. Гаджиев**, Москва, 2015, с. 252-259.

⁴ **М. Г. Балаян**, Албанский каталикосат в Чалет^е, с. 252.

щенных в мусульманство в XV-XVIII веках (как мы отметили выше, по А. Бакиханову, удины жили в Шеки, Ширване и Кубинском районе)¹. Фактически, царство Шаки-Эрети, а позже и Шекинское ханство имели преимущественно удинское население², исповедовавшее в большинстве своем христианство армянского (антихалкедонитского) толка. Население данной зоны долгое время управлялось представителями династии из отмеченной этнорелигиозной среды³. Речь идет, в первую очередь, о династии правителей Шеки (Шаки, Нухи) из рода Кара-Кешиш (1444-1551 гг.). Основатель династии Джандар Кара-Кешиш Оглы в 1444 принял ислам и новое имя Али-джан. После него правителем Шеки стал его сын Кутул, затем внук Гасан-султан, а позже и правнук Дервиш. Характерно, что имя «Кара-Кешиш Оглы» в переводе означает «сын священника в черном»⁴, а Шекинский хан Гаджи Челеби (1743-1755 гг.), причислявший себя к потомкам рода Кара-Кешиш Оглы, по одному источнику, также был сыном «армянского священника»⁵. Не исключено, что он был по происхождению этническим удином, а его предки – армянами по вере. Ему наследовали потомки – сыновья Хасан-Ага-Киши-хан – 1755-1765(?) гг., Гаджи Абдул-Кадыр – 1783-1784 гг., внук Хусейн-хан – 1770-1783 гг., сыновья Хусейн-хана – Мохаммад Гасан – 1784-1795 и 1797-1800 гг., Селим-хан – 1795-1797 и 1800-1806 гг., Фатали-хан Слепой – 1800 г.⁶. П. Г. Бутков сообщает, что «Шекийское владение... состояло в управлении меликов или князей»⁷.

¹ **А. К. Бакиханов**, Гюлистан-и Ирам, с. 9-17.

² См. **В. Ф. Минорский**, История Ширвана и Дербенда..., с. 211 (ср. **Н. А. Караулов**, Сведения арабских писателей..., – СМОМПК, Вып. XXXVIII, с. 42-43, 57-58).

³ Ср. **И. П. Петрушевский**, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв., Ленинград, 1949, с. 138.

⁴ **С. А. Маркарян**, Независимое ханство Шаки XVIII-XIX вв., – “Caucasica”. Вып. I, Москва, 2013, с. 27-42.

⁵ **Абдул-Латиф-Эфенди**. Текст и пер. с тюркского **А. Дадашева**, Баку, 1926, с. 5; Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сб. документов. Т. IV. Под ред. **М. Г. Нерсисяна**, Ер., 1990, с. 95.

⁶ **С. А. Маркарян**, Независимое ханство Шаки XVIII-XIX вв., с. 39.

⁷ **П. Бутков**, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1, СПб., 1869, с. 231.

Согласно исследованиям И. П. Петрушевского, Кабала – «наследственное меликство в течение всего рассматриваемого периода»¹. Об управлении Кабалой даже в нач. XVIII в. меликом свидетельствует также Албанский (Гандзасарский) католикос Есаи Хасан-Джалалянц (1702-1729 гг.): «Провинция Кабала страны Ширвана находится под властью некоего мелика из села Куткашен»².

Сохранение местной знати (в зоне Закаталы – Шеки – Кабала) И. П. Петрушевский объясняет отсутствием в Ширване больших и сильных кочевых племен, знать которых могла бы претендовать на управление всей областью³. Этому также способствовало то, что в Сефевидском государстве к христианской вере временами проявлялась определенная терпимость. Однако в 20-х гг. XVIII в. в интересующей нас зоне положение меняется. Источники указывают на то, что политика веротерпимости сменилась на политику насильственного обращения христиан в мусульманство⁴. Вторая волна насильственной исламизации прошла по региону Закаталы – Шеки – Кабала в сер. XVIII в. Тогда усилиями Шекинского хана Гаджи Челеби, «сына армянского священника»⁵ (хотя, возможно, он был этническим удином), были насильственно обращены в мусульманство более 15 тысяч семей⁶ в 37 деревнях ханства Шеки¹. Жители этих деревень (удины,

¹ **И. П. Петрушевский**, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, с. 139.

² **Есаи Хасан-Джалалянц**, Истории некоторых событий страны Алуанк, Шуши, 1889 (на арм. яз.), с. 33.

³ **Петрушевский И. П.**, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, с. 147.

⁴ Армяно-русские отношения в XVIII в., Сб. документов. Т. II. Ч. II, с. 90-91, 231, 263-264.

⁵ **Абдул-Латиф-Эфенди**. С. 5; Армяно-русские отношения в XVIII веке, Сб. документов, Т. IV, с. 95.

⁶ Макар Бархударянц оценивал число «отуреченных армян» в 15.480 очагов (**М. Бархударянц**, Страна Алуанк и соседи..., с. 291-292). Казар Овсепянц оценивал число исламизированных армян (по вере) примерно в 77.400 – 100.000 чел. (**К. Овсепянц**, Очерки об утийских и магометанских армянах, с. 64-65). Саргис Джалалянц считал, что их было 14.000 семей (**С. еп. Джалалянц**, Путешествие в Великую Армению, Т. II, с. 368).

и армяне) позже утратили свой родной язык и перешли на лезгинский и тюркский. Если до победы Османской империи над Сефевидами в Арране и Ширване преобладало шиитское течение ислама, то после периодического установления ее кратковременного владычества над краем суннитское течение ислама получает значительное преимущество. А. Арасханийец пишет, что большинство суннитов Нухинского уезда это – исламизированные армяне² (армяне – в культурно-религиозном смысле, среди которых немалую часть, видимо, составляли этнические удины).

Насильственная исламизация удинских и армянских сёл в зоне Закаталы – Шеки – Кабала продолжалась и в конце XVIII – нач. XIX вв.³. У К. Овсепянца, который оценивал число исламизированных в XVIII в. удин и армян до 100.000 чел., сохранился и перечень исламизированных тогда

¹ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, Сб. документов. Т. II. Ч. II, с. 231.

² А. Арасханийец, Экономический быт государственных крестьян Нухинского уезда..., с. 19-20.

³ Несмотря на это, грузинский царь Ираклий II о Шекинском ханстве и его этноконфессиональном составе пишет: «В том владении живут многое число армянского закона [армян и удин – Г. А.] открыто, а нашего греческого закона со страхом». См. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. I, с 1768 по 1774 гт., Под ред. А. А. Цагарели, СПб, 1891, с. 434-435. О значительном количестве удин и армян, издревле населявших левобережье Куры, писал И. Гербер, отмечая, что армяне помимо армянского языка знали и разговорные языки районов, в которых жили (И. Г. Гербер, Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г., Кн. 1, – В кн.: История, география и этнография Дагестана (XVIII-XIX вв.), Москва, 1958, с. 116). Он также пишет, что население «Мушкурского уезда» происходит от древнейшего местного населения, называвшегося албанцами («Они говорят по-турецки смешанно с татарским и содержат везде магометанский закон по сунской секте. Прежде сего назывались они аваганами, которое название может быть по разному произношению не иное что значит, как Алваны или Албаны. Они были армянские христиане: ибо и поныне еще находятся там армянские деревни, в которые поставляются священники от архиепископа монастыря Георгия Великого [=Григория Просветителя – Г. А.], что в Ереване, яко священники аваганских христиан»). См. В. Н. Левиатов, Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке, Баку, 1948, с. 68.

удинских сёл¹. Перечисление этнически удинских сёл есть и у других авторов (в частности, у М. Бархударянца)². Некоторые из них оценивают число сохранившихся на рубеже XVIII-XIX вв. удинских сёл в 43, а количество их населения в 50.000 человек³. Мы считаем, что сёл было больше 50-и, а население – около 100.000 чел. В 1892 г. удинский автор М. Бежанов писал следующее: «Предание говорит, что прежде удины жили во всех селениях Нухинского уезда, еще не очень давно в разных селах были старики, которые знали по-удински»⁴.

Анализируя мнения авторов и сведения источников, ретроспективно можно восстановить следующую картину; в XIX в. этнически удинскими всё еще были населенные пункты: 1) Агджа-Кала, 2) Араш, 3) Балушен, 4) Баш-Кюнют, 5) Бум (Бумапан), 6) Вандам, 7) Вардашен, 8) Варданлу, 9) Геораглар, 10) Гис-Киш, 11) Джоурлу, 12) Енгикенд, 13) Зайзит, 14) Заразан-Заргун, 15) Кабала, 16) Карабулак, 17) Кишлаг-Кюнют, 18) Кохмух, 19) Кум, 20) Кур-Мух, 21) Куткашен, 22) Кюк(а)ял, 23) Малых, 24) Марсан, 25) Мирзабейлу, 26) Мухас, 27) Мыхлыговаг, 28) Нидж, 29) Новур-кишлак, 30) Орабан, 31) Падар, 32) Птез, 33) Сеид-Тала, 34) Согютлу (Большое и Малое), 35) Султан-Нухи, 36) Тала, 37) Теканлу, 38) Тосик, 39) Улудаш, 40) Халхал, 41) Хачмас, 42) Церик, 43) Эрманит⁵. Этнически отчасти удинскими могли быть также: 44) Баян, 45) Кандак, 46) Мазргу, 47) Хаварик, 48) Ч'алет' (Джалут), 49) Шеки (Нуха).

Автор конца XIX в. М. Бархударянец упоминает еще о двух группах удинских сёл, на этот раз уже на правом берегу Куры: это – 50) село Крзен

¹ **К. Овсепянц**, Очерки об утийских и магометанских армянах, с. 64-65.

² **М. еп. Бархутарянец**, История Алуанка. Т. I, Вагаршапат, 1902 (на арм. яз.), с. 16-17; **он же**: Арцах, Баку, 1895 (на арм. яз.), с. 33-34, 53-54, 59. Ср. **С. Г. Бархударянец**, Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений, с. 43-44.

³ **Г. Харатян**, Официальные этно-демографические показатели в Азербайджане..., с. 37.

⁴ **М. Бежанов**, Краткие сведения о с. Варташен и его жителях, с. 215.

⁵ См. **К. Овсепянц**, Очерки об утийских и магометанских армянах, с. 64-65; **М. Бархутарянец**, Страна Алуанк и соседи, с. 289-293. Ср. **Г. Харатян**, Удинская одиссея в 18-20 вв., с. 118-170; **она же**: Официальные этно-демографические показатели в Азербайджане..., с. 37.

(недалеко от города Тоуз) и сёла, располагавшиеся с двух сторон восточной границы Мартакертского района Нагорного Карабаха, к западу от города Барда (Партав): 51) Саров, 52) Маральян-Саров, 53) Гасан-кая, 54) Кагримар или Хорозлу, 55) Караманлу, 56) Йарымджан и 57) Сейсулан¹. Следует заметить, что хотя село Нидж и город Вардашен стали центрами притяжения для населения, всё еще продолжавшего осознавать себя этническими удинами² (особенно это касается Ниджа, куда переселялись семьи из оставшихся небольших окрестных селений, попавших в окружение чужеродного тюркского этнического элемента)³, однако сообщения М. Бархударянца можно рассматривать как фиксацию наличия и обратного процесса, а именно – процесса переселения определенной части удин с левобережья на правобережье реки Кура⁴. К примеру, М. Бархударянец рассказывает о переселении из Ниджа и Султан-Нухи на правобережье Куры 50 семей вместе с их меликом; о похожих случаях есть сведения и у других авторов⁵. Переселенцы с левобережья оседали преимущественно в Гюлистанском меликстве, в Гюлистане, Тальше и примыкающей равнине.

¹ **М. еп. Бархутарянец**, История Алуанка. Т. I, с. 16-17; **он же**: Арцах, с. 33-34, 53-54, 59; **А. Картвелашвили**, Кирзан и кирзанцы, – «Известия» Азерб. филиала АН СССР, 1937, № 2, с. 41. Ср. **С. Г. Бархударян**, Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений, с. 43-44.

² К XIX веку сёла, население которых продолжало осознавать себя удинами, были сконцентрированы в основном в пределах Шекинского ханства, которое вошло в состав Российской империи в 1805 г. Позже на его месте были образованы Нухинский и Арешский уезды Елисаветпольской губернии.

³ Вспомним и вышеотмеченную версию В. Гукасяна о том, что традиционное деление села Нидж на кварталы – результат заселения в нём удин из разных мест, а 3 подгруппы ниджского диалекта удинского языка исторически являлись отдельными говорами, соответствовавшими разным группам удин, переселившихся в Нидж с левобережья и правобережья Куры (**В. Л. Гукаси**, Удинско-азербайджанско-русский словарь, с. 251; **Г. Ворошил**, Ниджский диалект удинского языка, с. 79-89).

⁴ Ср. **А. Акопян**, Царские и княжеские роды Собственно Албании и Восточных краев Армении, с. 6.

⁵ См. **М. еп. Бархутарянец**, История Алуанка. Т. II, Тифлис, 1907 (на арм. яз.), с. 49. Ср. **Раффи**, «Меликства Хамсы» – классический труд по истории Арцах-

Из вышеприведенного материала видно, что даже на рубеже XVIII-XIX вв. удинский народ в любом случае составлял значительный процент населения на своей исторической родине. Самым подходящим эпилогом к нашему анализу о судьбе этого народа, этноса-доминанта времен христианского царства Шаки-Эрети, могут стать слова удина Казара Овсепянца, который писал: «В течение многих веков часть удин погибла, часть увелась [в плен], а часть приняла ислам... Теперь [после событий XVIII-XIX вв. – Г. А.] удиноязычное население [армянской веры] осталось только в поселках Вардашен и Нидж..., а тюркоязычное [также удины армянской веры – Г. А.] – в Джоурлу, Мирзабейлу, Султан-Нухи, Варданлу, Пада-ре»¹. Таким образом, пик процесса дезинтеграции и деэтнизации удинского народа приходится на позднее средневековье и XVIII-XIX века.

Карабах (1600-1827 гг.). Пер. с армянского **Л. М. Казаряна**, Ер., 1991 (гл. II). Албанский католикос Есаи Хасан-Джалалянц сообщает, что своими ежегодными набегами северокавказские кочевые племена опустошали области «на том и на этом берегу реки Куры: области Шакинскую, Капалак, Дасана до окрестностей города Шемахи и много сёл в районе Партава. Уцелевшие жители сёл, лежащих на равнинах, спаслись бегством и укрылись в горах Арцаха. Спасшись в его укреплениях, они здесь начали заботиться о своей жизни» (**Есаи Хасан-Джалалянц**, Краткая история страны Албанской /1702-1722 гг./, Баку, 1989, с. 14-15).

¹ **К. Овсепянц**, Очерки об утийских и магометанских армянах, с. 11-12.

**Книга М. Д. Исаева «Ковровое производство Закавказья» и
начало развития советского ковроткачества в Кавказско-
Прикаспийском регионе**

Монография М. Исаева «Ковровое производство Закавказья» издана в 1932 г. в Тифлисе Научно-исследовательским институтом Кавказоведения АН СССР и Управлением народно-хозяйственного учета Зак.СФСР. В предисловии книги отмечается, что это «специальное-всестороннее экспедиционное обследование положения закавказского ковроткачества, произведенное в основных районах и пунктах его распространения в 1929-1930 и 1930-1931 гг. при совместной инициативе того же Закавказского Центрального Статистического Управления и Заггосторга». Исследования для монографии проводились в Кубинском, Казахском (Тавуш), Гянджинском (Гандзак), Нижне-Карабахском (Утик) и Нагорно-Карабахском (Арцах) районах, которые за несколько лет до этого были включены в состав республики Азербайджан. Были также обследованы Ширванский, Бакинский районы Азербайджана, Зангезурский, Лори-Памбакский, Иджеванский районы Армении и «производство ковров в Борчалинском, Караязском и Карачопском гнездах Грузии»¹.

Исходя из того, что в книге М. Исаева приводятся документальные сведения описательного характера об экономическом, культурно-бытовом состоянии различных народов и этнических групп Кавказско-Каспийского региона, можно отметить, что для исследователей особый научный интерес представляют данные об экономических, культурно-бытовых различиях между коренными (армяне, лезгины, аварцы, даргинцы) и кочующими тюркскими народами (шахсеван, таракама, к 1932 году только что осевшие кенгерлинцы) Кавказско-Каспийского региона. Книга М. Исаева была написана в период становления новой – советской экономики и советского коврового производства, как отраслевой ветви легкой промышленности СССР. В процессе создания новой промышленности и новых ковроткацких фабрик учитывался пре-

¹ М. Исаев, Ковровое производство Закавказья, Тифлис, 1932, с. VIII.

дыдущий опыт начала XX в., когда усилиями армянских благотворителей и общественных деятелей (княгиня М. Туманян, г-жа Е. Саргисян, г-жа В. Вермишян, г-жа Оганян, г-жа Мелик-Бахтамянц, г-жа Е. Набатян, а также члены Бакинского Армянского Культурного Общества и др.) были созданы ковроткацкие фабричные мастерские в Тифлисе (1900-1901 гг.), в Гандзаке (1906 г.), в Шуши (1906 г.), в Баку (1908 г.).

Создание учебно-ремесленных мастерских и прочих ремесленных организаций на Кавказе в начале XX в. тесно связано с деятельностью Кавказского Кустарного Комитета¹. Для урегулирования организационных работ Комитет с 9 по 13 октября 1901 г. в Тифлисе, в зале Императорского Кавказского Общества Сельского Хозяйства созвал Первый съезд деятелей кустарной промышленности. Председателем съезда бюро Комитета избрало Артемия Степановича Пиралова (Пиралаян) – большого знатока кустарной промышленности Кавказа, труды которого М. Исаев использовал в своей книге. На съезде, были затронуты важнейшие аспекты развития кустарной промышленности на Кавказе, с учетом особенностей этнических групп, занимающихся различными ремеслами. Особое внимание съезда было обращено на ковровое производство, как важнейшую из всех отраслей кустарной промышленности края и наиболее известную присутствующим². Отмечалось, что «Главнейшие районы коврового производства в Закавказье следующие: Карабахский, Кубинский, Казахский, Дагестанский, Кагызманский, Ольгинский, Сурмалинский, Ленкоранский»³. Главной задачей, по мнению 60 участников съезда, было «проектирование общих мероприятий по восполнению и поднятию кустарных промыслов края»⁴. Таким образом решались не только вопросы организации производства качественных и художественно красочно оформленных ковров, с использованием новых инструментов и модернизированных станков, а также подготовки соответствующих кадров, но и вопросы сбыта ковров на российских и мировых рынках.

¹ Кавказский Кустарный Комитет был создан 31 декабря 1899 г. как правительственный орган при Мин-ве Земледелия и Гос. имуществ (см. Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа, Тифлис, 1902, с. 8).

² Там же, с. 61.

³ Там же, с. 30.

⁴ Там же, с. 62.

Будучи хорошо знакомым с опытом работы Кустарного Комитета Кавказа, М. Исаев пишет программную книгу для советской ковровой промышленности, в которой затрагивает основные вопросы, касающиеся коренной реконструкции коврового промысла в Закавказье, внедрения новых государственных форм организации ковров, подготовки новых кадров для развития ковровой промышленности и с этой целью создания специализированных техникумов, а также кафедры коврового производства при каком-либо высшем учебном заведении Закавказья. По его мнению, именно таким образом можно было подготовить специалистов: экономистов, техников, художников, специалистов красильного дела для производства ковров. Как отмечает сам М. Исаев: «Прочная растительная окраска, богатое разнообразие ее тонов, своеобразная художественная композиция рисунков, небольшие размеры изделий, их удобный формат, прочность, а также целый ряд других художественных особенностей ... обуславливало экспортное значение закавказских ковров (в первую очередь имеются ввиду знаменитые армянские и лезгинские ковры), сохраняя силу такового и по настоящий момент»¹. Высокое экспортное значение продукции закавказской ковровой промышленности, по мнению М. Исаева, дает ей право на дальнейшее ее сохранение в системе народного хозяйства Закавказья, при условии коренной реконструкции на основе концентрации и всесторонней механизации всего производства². Задачи, связанные с планомерным развитием отрасли, которые выдвигает М. Исаев, затрагивались еще на Первом Съезде Кавказского Кустарного Комитета (9-13 октября 1901 г.) в докладе княгини Марьи Марковны Туманян (Мариам Туманян) и на Съезде Армянского Кустарно-Промыслового Общества (3-5 апреля 1909 г.) в докладе г-на Александра Калантара³.

М. Исаев, как и его предшественники, считает, что основное внимание развития коврового промысла должно быть направлено в районы с высокой обеспеченностью пастбищных угодий, с развитым овцеводством и обилием шерсти. В его книге, также как и в докладах участников Первого Съезда Кав-

¹ М. Исаев, Ковровое производство Закавказья, с. 216.

² Там же, с. 220.

³ Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа, с. 12-32; *Տնայնագործական համագումար* (Материалы съезда Армянского Кустарного Общества), *Թիֆլիս, 1909, էջ 2-66*;

казского Кустарного Комитета (напр., доклад Е. Козубского)¹, особенно отмечается высокий уровень производства шерстяных ковров и других изделий в Дагестане. Интересные сведения о породах овец, шерсть которых использовалась в ткацком производстве, имеются в исследовании А. Пиралова о кустарных промыслах Кавказа². Так, с каждой породой овец, отмечает Пиралов, связано имя той или другой этнической группы. С *мазех* связано название армянской породы, татарская (тюркская) порода овец называется *бозах*³, – пишет он. Следовательно, знаменитую породу овец *карабах* должны были разводить в Карабахе. И так как ковры карабахских армян, изготовленные из шерсти местной породы овец, испокон веков пользовались мировой славой, значит и породу овец *карабах* испокон веков разводили карабахские армяне. Порода овец *шахсаван*, по всей вероятности, получила свое название от названия тюркского племени *шахсеван*. М. Исаев, продолжая начатые Пираловым исследования в этой области, пишет, что в Кубинском, Закатало-Нухинском и Бакинском ковроткацких районах «разводятся овца, под общим названием *лезгинская*»⁴. В его книге также использованы сведения армянского исследователя и большого знатока кустарных промыслов Кавказа Овсепя Кара-Мурзы (1874-1905 гг.). Говоря о ковровом промысле в Кубинском уезде Бакинской губернии, О. Кара-Мурза пишет о производстве высококачественных лезгинских ковров⁵. По его словам, были исследованы 27 сёл уезда, из которых 9 сёл лезгинских, 8 сёл тюркских, 9 сёл татов, 2 села армянских, 1 село будухцев. В уезде, по тем же данным, проживают также евреи, хиналуйцы⁶. О. Кара-Мурза отмечает, что лезгины (в данный промежуток времени) на Кавказе находятся впереди всех по ковроткачеству: 37,5 % лезгинских

¹ Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа, с. 76-82.

² А. Пиралов, Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, С.-Петербург, 1913, с. 20.

³ Там же.

⁴ М. Исаев, Ковровое производство Закавказья, с. 40.

⁵ О. Кара-Мурза, Кустарная промышленность на Кавказе, Вып. I. Ковровый промысел в Кубинском уезде Бакинской губернии, – «Ազգազրահան հանդէս», ժ զրրք, Թիֆլիս, 1903, էջ 317-320:

⁶ О. Кара-Мурза, Кустарная промышленность на Кавказе, с. 319.

женщин занимается ремеслом ковроткачества. Автор пишет о том, что крестьяне уезда из-за горных условий и малоземелья лишены возможности получения хорошего урожая и занимаются усовершенствованием некоторых ремесел, в том числе ковроткачества¹. Проживающие в Кубинском уезде лезгины для своих ковров используют хорошую шерсть из Дагестана. В итоге, из-за 6-7-месячного простоя или свободного времени, обилия сырья (шерсти), наличия необходимой собственности и сделанные местными мастерами инструментов, обособленной жизни местных женщин и малых затрат удалось сохранить и развивать дальше кустарное ремесло ковроткачества и изготовление прочных ковров².

Возвращаясь к книге М. Исаева, отметим, что кроме программных пунктов, касающихся развития коврового производства, автор проводит классификацию ковров Закавказья, разделяя их на различные типологические группы, наименования которых идентичны топографическим наименованиям Кавказско-Прикаспийского региона. Например, ковры типов «Куба», «Зейва», «Хила», «Чичи», «Пиребедиль», «Ширван», «Казах», «Лембалу», «Лори», «Гянджа», «Горадиш» и т. д. Наименование каждой из групп имеет отношение к той или иной этнической группе, проживающей в вышеназванных районах и причастной к созданию данных типов ковров: армяне, лезгины, таты и т. д. Еще Артемий Пиралов (Пиралян) в 1913 г. приводил перечень округов Дагестана (Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский Казикухумский, Кайтаг-Табасаринский, Кюринский, Самурский, Темир-Хан-Шуринский), уездов Бакинской губернии (Кубинский, Бакинский, Джеватский, Шемахинский, Ленкоранский), уездов Елисаветпольской губернии (Шушинский (Арцах), Джеванширский (Арцах), Карягинский (Арцах), Зангезурский (Сюник), Казахский (Тавуш)), уездов Тифлисской губернии (Борчалинский³, Ахалцыхский,

¹ О. Кара-Мурза, Кустарная промышленность на Кавказе, с. 318.

² Там же, с. 320.

³ Борчалу – уезд Тифлисской губернии, включает часть территории провинции Гугарк исторической Армении. Название «Борчалу», «Борчалинский уезд» получило от названия тюркских кочевников из племени борчалу, которых заселил в Армению Шах Аббас I в нач. XVII в. (см. թ. Խ. Հակոբյան, Սո. Տ. Մելիք-Բախչյան, Հ. Խ. Բարսեղյան, Հայաստանի եւ հարակից շրջանների տեղանունները բնաբան, հտ. 1, Եր., 1986, էջ 735):

Ахалкалакский), Эриванской губернии и Карской области, в которых производились ворсовые и безворсовые ковры¹. Однако А. Пиралов не проводит классификацию ворсовых ковров по композиционно-художественным типам и не упоминает о наименованиях ковров, как это делает М. Исаев. А. Пиралов отмечает наименования безворсовых изделий: сумах, думи, зили, шадда, верни². Однако это термины, которые имеют отношение к технике ткачества, изделий на ткацких станках, и не содержат информацию о местах зарождения видов данных текстильных изделий. Важными в книге А. Пиралова являются его сведения о том, что такие безворсовые ковры – килимы ткнут в Дагестане, Кубинском, Капристанском районах, в южном Ленкоранском уезде, а безворсовые ковры зили, шадда, верни – в Карабахе³. Продолжая начатую им работу, М. Исаев приводит подробный перечень народов и этнических групп на территории Азербайджана, которые причастны к созданию того или иного типа ковров. Так, из его книги узнаем, что в селах Хила, Сураханы, а также Зейва, Пиребедиль, Алиханлы, Конахкенд Кубинского района, в Хизи в Бермекском подрайоне Бакинского района (Шешпара, Бермеки) население преимущественно таты, а знаменитые ковры, изготавливаемые здесь, являются примером ковроткачества персоязычных татов, чьи корни и традиции сопряжены с Ираном⁴. Из Ширванского округа, М. Исаев выделяет ковроткацкий Карамарьянский подрайон, «включающий главным образом армянские сёла Кирк, Калагя, Солтанкенд и Уштал»⁵. Далее он пишет: «В нагорной зоне Гянджинского района, в Зурнабадском и примыкающим к Карабаху Агджакентском участках, ковроткацкое производство имеет место в ряде армянских сёл: Чайкенд, Мирзик, Мурут, Эркеч и др.»⁶.

Таким образом, можно сказать, что получившие широкое признание топографические наименования ковров Кавказско-Прикаспийского региона были окончательно утверждены в советские годы. Наименования коврам разрабатывали и в Центральном Совете Промысловой Кооперации СССР, который в

1 А. Пиралов, Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, с. 51-67.

2 Там же, с. 54, 59.

3 Там же, с. 58-59.

4 М. Исаев, Ковровое производство Закавказья, с. 25.

5 Там же, с. 121.

6 Там же, с. 123.

1952 г. под специальной редакцией А. А. Ахмедова издает каталог «Ковры Армянской ССР»¹. С тех пор все советские и зарубежные издания, используют вышеуказанные наименования, под которыми уже давно подразумеваются азербайджанцы тюркского происхождения. И ковроткацкая традиция и искусство ковроткачества различных народов Кавказско-Прикаспийского региона выдается за культурное наследие азербайджанских тюрков². Во многих случаях знаменитые армянские ковры имеют искаженные тюркские наименования, такие как «Борчалу» (Гугарк), «Лембалу» (Баграташен-Тавуш), «Казах» (Тавуш), «Гянджа» (Гандзак), «Чалаберд» (Джраберд-Арцах) и т. д., которые административно закрепились за армянскими областями и уездами после вхождения их в состав Российской Империи.

В этом смысле книга М. Исаева, несмотря на недостатки в аналитических подходах к некоторым тематическим вопросам, имеет важное значение для объективного восприятия процессов, происходивших в отрасли коврового производства Закавказья в начале советских лет, вплоть до 1932 года. Автор также дает правдивую оценку традициям ковроткачества армян и лезгинов. В частности, он пишет: «...высокоразвитые формы ковроткачества хранили до недавнего времени коренные жители Закавказья – армяне и лезгины. Но, к сожалению, к началу нынешнего столетия у этих последних ковроткачество успело значительно выродиться, и теперь не найти уже ни ценных изделий карабахских армян, известных на международном рынке, как «armenien carpets», и сохранившихся лишь в европейских и американских музеях, ни знаменитых лезгинских изделий, получивших известность, как высокое подражание персидским образцам (дигбаши)»³.

Одна из достойных внимания сторон исследования – фрагменты, где автор проводит исторический экскурс по некоторым историко-этнографическим районам. Так, говоря о Лори-Борчалинских коврах, М. Исаев проводит обобщенный исторический экскурс по истории двух армянских областей: «...родственные художественные влияния легко заметить в ковровых изделиях Карабаха (Арцаха) и лорийских ткачей. В конце 18-ого, в начале 19-

¹ Ковры Армянской ССР, Москва 1952.

² Azerbaijan carpet museum, Baku, 2017; Азербайджанский ковёр, Каталог Министерства Культуры и Туризма, Баку, 2016.

³ М. Исаев, Ковровое производство Закавказья, с. 25-26.

ого столетий группа карабахских меликов, стесняемая суровым персидским режимом, переселилась в Грузию, в имевшиеся здесь еще с 10-ого века поселения карабахцев (Дагет-Хачин и Шулаверы)¹. Часть из них распространилась на юг и расселилась по сёлам Лорийского плато (например, с. Шахназар). Эти карабахские переселенцы вместе с домашними вещами и утварью завезли сюда и свои ковры, которые стали образцами для лорийских ткачей и положили собой начало новой фазы в развитии ковроткачества этого района, имея здесь для этого соответствующее текстильное и красильное сырье. Но одной из основных причин успешного внедрения новых видов ковров в этом районе также является и то, что ковры, привезенные карабахскими переселенцами, являлись предметом творчества народа, вышедшего из такого района, естественно-исторические особенности которого мало чем различались от таких же условий района, в который они переселились. И по своей массивности, и по рисункам образцы карабахских ковровых изделий оказались весьма подходящими для привития их в новых условиях»², – пишет автор.

Говоря о переходе процессов обработки на рельсы крупного социалистического фабричного производства, М. Исаев отмечает, что: «раньше дело это развернулось у Айтнаркоопа (Союза промысловой кооперации Армении), который в 1928 году открыл в Эривани небольшую механическую прядильню, оборудованную германскими машинами и, урегулировав с 1929 года дело получения сырья в плановом порядке, стал вырабатывать сравнительно приличную, ровную пряжу, применяемую для изготовления как ворсовых ковров типа *казах, гянджа, карабах*, так и тонковорсовых – *типа куба, баку, ширван*, причем, ворсовая пряжа окрашивается в центральной мастерской, также находящейся в Эривани. С 1931 года этот опыт Армении ставится уже в закавказском масштабе на Тифлисской суконной фабрике... При заказе этой пря-

¹ Дагет-Хачин или Дагес-Хачен – село, расположенное в районе Тетрицкаро в Грузии, население состоит из армян, переселившихся сюда из арцахского (карабахского) уезда Хачен в 1789 году. Шулаверы (ныне – Шаумян): население – армяне, переселившиеся сюда из Арцаха-Карабаха, Гандзака-Гянджи, Севана, Тавуша в XVIII веке (Թ. Խ. Հակոբյան, Ստ. Տ. Մելիք-Բախշյան, Հ. Խ. Բարսեղյան, Հայաստանի եւ հարակից շրջանների տեղանունների բառարան, հտ. 2, Եր., 1988, էջ 14; հտ. 4, Եր., 1998, էջ 61):

² М. Исаев, Ковровое производство Закавказья, с. 202.

жи, республиканские союзы кустарно-промысловой кооперации сообщают фабрике требуемый для выполнения их программы ассортимент пряжи»¹. М. Исаев, говоря о сдвиге в реконструкции коврового производства в Закавказье к 1929-1930 гг., деятельности кустарно-промысловой кооперации, а также о социально-экономических реформах в области коврового производства в 1931-1932 гг., как пример качественной работы в отрасли отмечает работу Айтнаркоопа (Союз промысловой кооперации Армении), работу ковроделов Ереванской мастерской, работающих под руководством художника Довлата Гаранфиляна – основоположника портретного жанра в изобразительном искусстве ковров в СССР².

М. Исаев неоднократно отмечает, что в деле конструктивных изменений армянские ковроделы идут впереди и уже имеют опыт нововведений в деле производства ковров. Более подробные сведения о конструктивных изменениях армянского ковроткачества в годы становления ковроткацкой промышленности имеются в книге Овсеп Абрамовича «Ковроткачество в Армении»³, которая вышла в свет в 1935 году, через три года, после издания программной монографии М. Исаева. Авторы обеих книг – деятели и ответственные работники новой развивающейся отрасли ковроткацкой промышленности. С 1925 года О. Абрамович выполнял важные и ответственные работы в области организации производства ковров. И его краткий очерк о развитии ковроткачества в Армении, является важным дополнением к программной работе М. Исаева. Особенно большой интерес представляют документальные сведения, приводимые О. Абрамовичем о деятельности в советские годы Промыслового Комитета Армении, о создании и работе ковроткацких артелей по всей республике, организации учебных курсов по подготовке кадров. Есть сведения о выпускниках 1931-1932 годов, которые в дальнейшем были зачислены в Управление Объединения Ковроделов Армении, например Грануш Айнаджян, Беджан Атабекян, Согомон Багдасарян и другие⁴.

В работе О. Абрамовича можно встретить сведения о дальнейших внедрениях художественных и технических знаний в область ковроткачества путем

¹ Там же, с. 77.

² Там же, с. 206, 214.

³ Հ. Աբրամովիչ, Գորգագործուհյունը Հայաստանում, Երևան 1935:

⁴ Там же, с. 17, 21.

обучения и подготовки специалистов: ткачей, художников, красильщиков, инженеров-проектировщиков станков, экономистов и др. Автор говорит о развитии производства ковров в Армении к 1935 г., о достижениях армянских ковроделов и взаимодействии армянских специалистов с работниками других ковроткацких центров Закавказья и Средней Азии. Большим достижением стала химическая обработка или мойка фабричных ковров, которая впервые на территории Союза стала применяться в Ереване¹. Ковры, поставляемые из разных республик СССР для экспорта и продажи на международных рынках прежде должны были пройти химическую обработку за рубежом. Такие мастерские по химической обработке ковров существовали только в европейских странах и Америке. В СССР такой возможности не было из-за отсутствия специализированных мастерских по обработке ковров. Ежегодно Наркомат Внешней Торговли предоставлял большую сумму в валюте для химической обработки или мойки ковров зарубежом. В 1933 г. Управление Коврового Объединения Армении при поддержке Всесоюзного Народного Комиссариата Внешней Торговли приняло решение построить в Ереване мастерскую по химической обработке ковров: в Ереване уже работал единственный специалист с навыками химической обработки ковров, это прибывший вместе с другими армянами из Греции Хорен Махтесян. Мастерская, руководимая Х. Махтесяном начала свою работу в 1934 г. Вскоре он предложил проект механизации новой мастерской, а также оборудование и уже готовые к работе три машины для химической мойки ковров. Т. о. ковры из всех союзных производственных центров для химической обработки поступали в Ереван. Самым крупным из них было Ковроткацкое Объединение Туркменистана, откуда по просьбе их руководства в 1934 г. в Ереван были отправлены студенты с целью обучения химической обработки ковров².

Обобщая, отметим, что книга М. Д. Исаева «Ковровое производство Закавказья» (Тифлис, 1932 г.) является важным информационным источником для исследовательских работ по теме о становлении советского ковроткацкого производства, которое проводилось с учетом установившихся веками ковроткацких традиций народов и этнических групп, населяющих Кавказско-Прикаспийский регион. В книге отражены все вопросы и задачи, связанные с

¹ Там же, с. 26-31.

² Там же, с. 31-32.

развитием ковроткацкого производства в регионе. Труд М. Д. Исаева можно отнести к программным пособиям для развития отраслевой ветви промышленности (в данном случае представлена отрасль ковроткацкого производства). Книга является важным источником информации для исследователей начала становления советского ковроткацкого производства. В основу труда легли экономические, этнографические, культурологические исследования различных народов Кавказско-Прикаспийского региона, традиционно занимавшихся ковровым промыслом. М. Исаев, продолжая начатую в 1901 году работу Кустарного Комитета Кавказа (первые исследования ковроткацких районов Кавказско-Прикаспийского региона с целью создания фабричных мастерских проводили в нач. XX в. представители этого Комитета при активном участии Армянского Кустарно-Промыслового Общества), проводит подробные исследования о состоянии ковроткацкого ремесла в Дагестане, в Армении и недавно созданном Азербайджане. В его книге собраны интересные и важные сведения описательного характера об экономическом, культурно-бытовом состоянии различных народов и этнических групп региона, а также данные об экономических, культурно-бытовых различиях между коренными народами (армяне, лезгины, даргинцы, аварцы и др.) и кочующими тюркскими племенами края. Для пояснения некоторых вопросов автор считает важным делать исторические экскурсы, например, армянских областей. Анализируя работу тружеников ковроткацкого производства, М. Д. Исаев дает высокую оценку работе армянских специалистов. Сегодня в культурном восприятии мировой общественности бытует мнение, что искусство ковроткачества Кавказско-Прикаспийского региона зародилось у кочевников и является нематериальным культурным наследием тюрков края. Книга М. Исаева «Ковровое производство Закавказья» является своего рода опровержением этого ошибочного клише, а также подтверждением активного участия всех народов и этнических групп Кавказско-Прикаспийского региона, традиционно занимающихся производством ковроткачества.

Судьба талышского народа Юго-Восточного Кавказа: Этногенез, этническая история и традиционная архитектура в контексте памяти об историческом пространстве и времени

Посвящается светлой и нетленной памяти ведущих отечественных ученых-талышевцев, исследователей архитектуры, строительной техники, монументального и декоративно-прикладного искусства легендарного Талышстана эпохи древности и средних веков.

Аннотация

В докладе, представленном на участие в Международной научной конференции «Коренные народы Кавказско-Каспийского региона в свете научных реалий и фальсификаций» (Ереван, 6-7 декабря 2019 г.), автор – историк архитектуры – доказывает, что изначальное местозарождение и месторазвитие творческой идеи купола на квадрате происходило в архитектуре древнейшего центрического жилища Армянского нагорья и прилегающих частей Иранского и Малоазийского плоскогорий. В дальнейшем именно оттуда, с территории локализации ядра индоевропейского праязыка и протокультуры, архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища распространялся на территории Передней и Средней Азии, Южного и Центрального Кавказа, а также и в Балканских странах.

Весьма удивительно, что биосферный этнокультурный резерват Армении, Восточной Грузии и Центрального Кавказа – это не только благодатная среда жизнедеятельности и жизнеобеспечения древнейших племен и античных и средневековых народов, но также воспринимается как лоно формирования архитектурного морфотипа древнейшего центрического жилища.

Вследствие закономерности процесса непрерывного развития и совершенствования на протяжении тысячелетий архитектурного морфотипа древнейшего центрического жилища, в последующем, с первых веков нашей эры, состоялось ее блестящее воплощение в центрально-купольных сооружениях мемориальной и культовой архитектуры раннесредневековых стран Христианского Востока и исторической Византии.

В исследовании выявляется, что архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом явился исходной генерирующей основой и творческим импульсом процесса формирования композиции плана, структуры внутреннего пространства и архитектоники наружных масс центрально-купольных мемориальных и культовых сооружений эпохи раннего и зрелого средневековья в странах и регионах Христианского и Мусульманского Востока.

Идеи автора подкрепляются многочисленными конкретными примерами монументальных сооружений из Армянского нагорья, соседних территорий Южного и Северного Кавказа, а также юго-западного Прикаспия, в том числе исторического Талышстана эпохи древности и средних веков.

**Արեւելեան Այսրկովկասի մահմեդական բնակչութեան էթնիկ
համախմբման գործընթացի սկիզբը գրաւոր թւութալեզուութեան
հիմքի վրայ եւ թաթերի էթնոհամախմբման
առանձնայատկութիւնները**

Ուշագիր հետազօտելով թիւրքական ցեղերի գաղթը Արեւելեան Այսրկովկաս, XIX դարում Ռուսական կայսրութեան քաղաքականութեան պայմաններում տարածքի մահմեդականների հասարակական կեանքում տեղի ունեցած փոփոխութիւնները, թիւրքալեզու գրաւոր մշակոյթի սկզբնաւորումը եւ դրա ազդեցութեան տակ թիւրքախօս նոր մտաւորականութեան ինքնութեան վերափոխումը՝ կարելի է անել մի շարք ուշագրաւ եզրայանգումներ այս երկրամասի մահմեդական բնակչութեան էթնիկ համախմբման գործընթացների վերաբերեալ:

Ինչպէս ցոյց է տրուած հայ կովկասագէտների եւ յատկապէս՝ Վարդան Գալստեանի աշխատանքներում¹, XIX դ. սկզբում Արեւելեան Այսրկովկասի անցումը Ռուսաստանի տիրապետութեան տակ բեկումնային ազդեցութիւն է ունեցել երկրամասի մահմեդական բնակչութեան կեանքում: Նախ՝ մտնելով Ռուսական կայսրութեան վարչա-տարածքային համակարգի մէջ՝ Արեւելեան Այսրկովկասը կտրուել է դարեր շարունակ Պարսից տէրութեան հետ ունեցած քաղաքական կապերից: Ցարական իշխանութեան վարած քաղաքականութիւնը նպաստել է մնացեալ իսլամական աշխարհից տեղի մահմեդականների նաեւ մշակութային, լեզուական եւ կրօնական առաւելագոյն մեկուսացման

¹ Վ. Ա. Գալստեան, Արեւելեան Այսրկովկասում թիւրքալեզու գրաւոր մշակոյթի ձեւաւորումը XIX դ. երկրորդ կէսին, – ԼՀԳ, 2017, № 1, էջ 103-112; նոյնի՝ ԺԹ դարի երկրորդ կէսին թիւրքալեզու գրաւոր մշակոյթի ձեւաւորման դերը Արեւելեան Այսրկովկասի մահմեդական բնակչութեան էթնոհամախմբման գործընթացում, Պատմական գիտութիւնների թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման ատենախօսութիւն, Եր., 2017:

նը: Պարսկերէն լեզուն, որը մինչեւ XIX դար հանդիսանում էր Արեւելեան Այսրկովկասում պաշտօնական գրագրութեան եւ գրականութեան հիմնական լեզու, ռուսական իշխանութեան կողմից, փաստօրէն, աստիճանաբար արգելուել է: Դրան զուգահեռ ամեն կերպ խրախուսուել է մինչ այդ տիրապետող խօսակցական լեզու եղած, սակայն գրաւոր ձեւով գրեթէ չկիրառուած թիւրքերէնի ամրապնդումն ու տարածումը: Նշուած փոփոխութիւնների հետեւանքով երկրամասի մահմեդականների շրջանում տեղի է ունեցել կրօնական ինքնութեան տեղայնացում՝ հիմնականում Արեւելեան Այսրկովկասի սահմաններում: Իսկ արդէն դարավերջին ցարական ազգային քաղաքականութիւնն ու ազգայնական ինչ-ինչ շրջանակների գործունէութիւնը նպաստել են թիւրքախօս մահմեդականների էթնիկ ինքնագիտակցութեան ձեւաւորմանն ու «աղբբեջանցի» արհեստական ինքնանուան ներմուծմանը:

XIX դ. երկրորդ կէսին Արեւելեան Այսրկովկասը ներկայացնում էր մահմեդական բնակչութեան մեծամասնութեամբ, էթնիկապէս խայտաբղէտ տարածաշրջան: Մահմեդական պարսիկների (թաթերի), թաւրիների, քրդերի, լեզգիների, աւարների զգալի ներկայութեան պայմաններում համեմատական մեծամասնութիւն էր կազմում թիւրքալեզու ցեղային բնակչութիւնը: XIX դ. երկրորդ կէսին երկրամասում առաջին անգամ անցկացուած ռուսական պաշտօնական մարդահամարներն ամրագրել են թիւրքախօսների քանակական գերակայութիւնը, ինչը, անշուշտ, ազդել է տուեալ հանրոյթի գիտակցութեան վրայ: Բացի այդ՝ մարդահամարներում ռուսների կողմից ժամանակ առ ժամանակ «աղբբեջաներէն» եւ «աղբբեջանական թաթարներ» արհեստական եզրոյթների կիրառումը նպաստել է, որպէսզի երկրամասի համար խորթ տուեալ անուանումները շրջանառութեան մէջ մտնեն:

1850-1860-ական թթ. Միրզա Ֆաթալի Ախունդովի գրական եւ հասարակական գործունէութիւնը դրել է Արեւելեան Այսրկովկասում թիւրքերէն գրական լեզուի եւ գրականութեան հիմքերը: Ախունդովի կերպարն ինքնին իր մէջ խտացուած կերպով ներկայացնում էր XIX դ. սկզբից Արեւելեան Այսրկովկասում տեղ գտած փոփոխութիւնների ազդեցութիւնը: Ըստ էութեան, նա միաժամանակ եւ՛ ռուսական մտածելակերպով առաջնորդուող նոր տիպի մահմեդական մտաւորական էր, եւ՛ աստիճանաբար թուլացող պարսկական գրաւոր մշակոյթի ազ-

դեցույթեան կրող: Նման երկուութեան պայմաններում մեծապէս Ախունդովի շանքերով ստեղծուեց նոր թիւրքալեզու գրաւոր մշակոյթը, որը բաւականին արագ դուրս մղեց նախկինում արմատացած պարսկալեզուութեան աւանդոյթները:

XIX դ. վերջին չորս տասնամեակների ընթացքում աստիճանաբար հանրայնացող թիւրքերէնով գրուել եւ տպագրուել են գրական երկեր՝ դրամաներ, կատակերգութիւններ, բանաստեղծութիւններ, ինչպէս նաեւ հրապարակախօսական երկեր: Արեւելեան Այսրկովկասի համար լիովին նոր երեւոյթ էր թիւրքալեզու մամուլի ի հայտ գալը: Թիւրքերէնով գրականութիւնն ու մամուլը ստեղծուեւ էին թիւրքալեզու նոր սերնդի մտաւորականութեան կողմից, որի շրջանում աստիճանաբար ձեւաւորուեւ էր եւ դարավերջին ի հայտ եկաւ էթնիկ ինքնագիտակցութիւն՝ հիմնուած թիւրքերէն լեզուի եւ թիւրքական ծագման գաղափարի վրայ: Այդ ինքնագիտակցութիւնը դրսեւորուեւ էր վերոնշեալ գրական երկերում եւ մամուլի հրապարակախօսական յօդուածներում: XIX դ. վերջերին այս մտաւորականութիւնը թիւրքախօս հանրոյթի միակ շերտն էր, որի մօտ ձեւաւորուել էր էթնիկ ինքնութիւն:

Կարելի է պնդել, որ էթնիկ ինքնութեամբ օժտուած թիւրքալեզու մտաւորականութեան շրջանում միասնական էնդոէթնոնիմ (ինքնանուանում) չկար: Առաւել յաճախ հանդիպուեւ էր «մահմեդական» կոնֆեսիոնիմը, որի տակ, սակայն, արդէն ենթադրուեւ էր Արեւելեան Այսրկովկասի թիւրքախօս հանրոյթը: Թիւրքախօսների ինքնութեան փնտռտուքի վրայ էական ազդեցութիւն է գործել 1880-ական թուականներին Ռուսական կայսրութիւնում ծնունդ առած պանթիւրքիզմի գաղափարախօսութիւնը: Տուեալ ազդեցութեան արդիւնքում պանթիւրքիզմի կողմնակից մի խումբ մտաւորականների մօտ դարավերջին ծնուել էր Արեւելեան Այսրկովկասն «Ադրբեջան» անունով, իսկ նրա թիւրքախօս բնակչութեանը՝ «ադրբեջանցի» կոչելու գաղափարը: Այսինքն՝ Արեւելեան Այսրկովկասը հարեւան պարսկական «Ադրբեջան» նահանգի անունով կոչելու միտումն ի հայտ է եկել ոչ թէ XX դարի սկզբում, այլ XIX դարի վերջին:

Արեւելեան Այսրկովկասի թիւրքախօս հանրոյթը XIX դ. վերջին ընդհանուր առմամբ որպէս լիարժեք էթնոս դեռ չէր ձեւաւորուել: Այն իրենից ներկայացնում էր համախմբման միջանկեալ փուլում գտնուող

էթնո-սոցիալական հանրոյթ, որը մատնանշելու համար նպատակա-
յարմար է կիրառել տեսական ազգագրութեան կողմից առաջարկուած
մետաէթնո-լեզուական հանրոյթ գիտական եզրոյթը:

Այսպիսով՝ XIX դ. երկրորդ կէսը հանդիսացել է թիւրքախօս մե-
տաէթնո-լեզուական հանրոյթի էթնոհամախմբման եւ ժամանակակից
ադրբեջանցի էթնոսի ձեւաւորման առաջին՝ սկզբնական փուլը, որը
հող է նախապատրաստել եւ վճռորոշ նշանակութիւն ունեցել հետա-
գայ փուլերի համար: 1905-1906 թթ. հայ-թաթարական բախումներով
սկսուել է այդ թիւրքախօս հանրոյթի էթնոհամախմբման կամ այլ
կերպ ասած՝ ժամանակակից ադրբեջանցի էթնոսի ձեւաւորման երկ-
րորդ փուլը: Այն տեւել մինչեւ 1918 թուականին «Ադրբեջան» անունով
անկախ պետութեան հիմնումը, երբ ի հայտ են եկել ազգի ձեւաւոր-
ման համար անհրաժեշտ կենսատարածք եւ սեփական իշխող դաս:

Իրանալեզու ժողովուրդները եղել են Հիւսիս-արեւելեան Այսրկով-
կասի հնաբնակ ժողովուրդներից մէկը եւ իրենց գոյութիւնն էին
շարունակում նաեւ XVIII դ. երկրորդ կէսին՝ որոշ թուային առաւելու-
թեամբ: Նշուած ժամանակաշրջանում Դերբենդից մինչեւ Բաքու եւ
Սալիան այցելած ռուսական ակադեմիական արշաւախմբի ղեկավար,
գերմանացի գիտնական Սամուիլ Գմելինն իր գրաւոր վկայութիւննե-
րում յիշատակում է «պարսիկների», հայերի, հրէաների ու թաթարնե-
րի մասին¹: Այդ մասին վկայում են նաեւ Վ. Զուբովի պարսկական
արշաւանքի ընթացքում (1796 թ.) ռուս սպաներ Ֆ. Սիմոնովիչի, Ն.
Դրեննակինի, Պ. Բուտկովի, Ա. Սերբերովի կատարած պատմա-աշ-
խարհագրական եւ ազգագրական հետազօտութիւնները²: Դրանցում
ներկայացուած ծխերի վերաբերեալ վիճակագրական, սոցիալ-տնտե-

1 С. Гмелин, Путешествие по России для исследования трех царств естества, часть III, I половина, СПб., 1785.

2 Ф. Симонович, Описание Южного Дагестана. 1796 г.; Н. Дренякин, Описание Ширвана. 1796 г.; П. Бутков, Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде письем». 1796 г.; А. Серебров, Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. – В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева, Москва, 1958.

սական ու ազգագրական տուեալները խօսում են բացառապէս հայերի, հրէաների եւ պարսիկների մասին:

Խանութիւնների մահմեդական հանրութեան համար նշում են շիա եւ սուննի դաւանական տարբերութիւնները: Օրինակ՝ Ֆ. Միմոնովիչը Դերբենդում յիշատակում է 2090 շիա եւ սուննի դաւանանքի մահմեդականների եւ 90 հայկական տների գոյութեան մասին¹: Ի. Դրենեակիրի մօտ հանդիպում է տեղեկանի Շամախի քաղաքի 710 պարսկական եւ 70 հայկական տների, իսկ խանութեան 87 գիւղերում՝ 3250 պարսկական եւ 15 հայկական գիւղերում՝ 470 տների մասին²: Ըստ Ա. Սերբերովի՝ Շամախիի, Բաքուի խանութիւններում եւ Սալիանի գաւառում մահմեդականների մեծ մասը շիադաւան էր³, որի տակ պէտք է հասկանալ իրանական էթնիկ խմբերի: Դերբենդի շիադաւան էթնիկ հանրութեանը Ա. Սերբերովը կոչում է քրդեր եւ թաթեր անուանումներով՝ վերջիններս տակ հասկանալով բոլոր պարսիկներին: Ըստ նրա՝ վերջիններս Դերբենդ էին տեղափոխուել շահ Աբասի օրօք եւ խօսում էին «փշացած պարսկերէնով»⁴:

Թաթերի մասին յիշատակում է նաեւ Պ. Բուտկովը XVIII դ. վերջին՝ նշելով, որ Ղուբայի խանութեան Մուշկուր, Բերմեք եւ Սաադան մահալներում գերակշռում էր շիա դաւանանքի մահմեդական էթնիկ տարրը, որի խօսակցական լեզուն «թաթերէնն» էր⁵: Այս երեք մահալների գիւղերի ընդհանուր թիւը կազմում էր 75, իսկ տներինը՝ 1410⁶: Ս. Գմելինի խօսքերով՝ Բաքու քաղաքի «գլխաւոր օրէնքը» շիա ուղղութիւնն էր⁷, փաստելով իրանական էթնիկ շերտի գերակայ լինելու մասին: XVIII դ. վերջի տուեալներով՝ Բաքուի խանութեան 34 գիւղերում ապրում էին պարսիկներ (580 տուն), իսկ քաղաքում՝ 580 տուն

1 Փ. Симонович, Описание Южного Дагестана, с. 143.

2 Н. Дренякин, Описание Ширвана, с. 164-167.

3 А. Серебров, Историко-этнографическое описание Дагестана, с. 177-178.

4 Там же, с. 177.

5 П. Бутков, Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции...», с. 204.

6 Ф. Симонович, Описание Южного Дагестана, с. 146, 148-149. Ղուբայի խանութեան 288 գիւղերում հաշուառւում էր 6425 տուն (անդ, էջ 144-149):

7 С. Гмелин, Путешествие по России..., с. 81.

պարսիկներ եւ մօտ 40 տուն հայեր (թիւրքական էթնիկ խմբերի մասին յիշատակութիւն չկայ)¹:

Տեղին նշենք, որ Թաթլի (Татлы) անունով գիւղ հանդիպում է Ղրիմի տարածքում, որի բնակիչները, ըստ 1778 թ. ուսուսական պաշտօնական տեղեկագրի, հայեր էին²: Ընդ սմին, «թաթ» եզրոյթը հանդիպում է դեռ XV դարի աղբիւրներում. ըստ դրանց՝ թուրքերը «թաթ» եզրոյթով էին կոչում Ղրիմի հարաւային շրջանների բոխտոնեայ բնակչութեանը³: Արեւելքում դիւանագիտական աշխատանք կատարող իտալացի հեղինակ Ի. դը Գալոնիֆոնտիբուսը XV դարում նշում էր, որ Սեւ ծովի փամերձ տարածքներում ապրում էին «երկու փոքր ժողովուրդներ՝ թաթեր եւ որոշ թուով գոթեր»⁴: Խորհրդային պատմաբան Ն. Վոլկովան փաստում է, որ ժամանակի ընթացքում Ղրիմի նվաճուած ոչ թաթար բնակչութիւնը կոչուեց «թաթ», իսկ արդէն XVIII դ. երկրորդ կէսի թուրքական փաստաթղթերում Ղրիմի բնակչութիւնը բաժանուած էր երկու խմբի՝ թաթարների ու թաթերի (այսինքն՝ ոչ թաթարների)⁵:

Ա. Սերբերովի եւ Պ. Բուտկովի մօտ հանդիպող «թաթեր» եզրոյթը պէտք է դիտարկել պատմա-քաղաքական ու էթնո-մշակութային զարգացումների լոյսի ներքոյ: Ի սկզբանէ թիւրքերն այսպէս էին կոչում ի-

1 **И. Дренякин**, Описание Ширвана, с. 168.

2 **Н. Ф. Дубровин**, Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. II, 1778, с. 713. *Հմմ.* Армяно-русские отношения в XVIII веке. 1760-1800 гг. Сб. документов. Под ред. **М. Г. Нерсисяна**. Т. IV, Ер., 1990, с. 133. *Ի դէպ, տեղանունը յուշում է գիւղի իրանական ծագման մասին:*

3 *Ըստ Ի. Շիլտբերգերի՝ այդպէս էին կոչուած յունական դաւանանքի քրիստոնէակաները* (The bondage and travels of **Johann Schilberger**, a native of Bavaria, in Europe, Asia and Africa, 1396-1427. London, 1879, p. 50). *Հմմ.* Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. /Записки Императорского Новороссийского университета. Год 1. Т. 1, Одесса, 1867, с. 58.

4 **М. А. Полиевктов**, Европейские путешественники по Кавказу, 1800-1830 гг., Тбилиси, 1946, с. 13.

5 **Н. Г. Волкова**, Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, Москва, 1973, с. 47. *Հեղինակը հղում է «Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма» (СПб., 1881) աշխատութիւնը:*

րանայեզու ժողովուրդներին՝ լոկ իբրեւ թիւրքերէնին վատ տիրապետողների: Բնականաբար, ժամանակի ընթացքում իրանական զանազան էթնիկ հանրոյթների համար այդ նկարագրական եզրոյթը վերածուում է էթնանունման, ընդ որում այդ հանրոյթները լիովին տարբեր էին իրենց ծագումով ու մշակոյթով¹:

Շիրւանի էթնո-քաղաքական պատկերը հական փոփոխութիւնների է ենթարկւում XVIII դ. սկզբին: Իրանի Սեֆեան պետութեան կազմալուծման եւ Շամախիում 1720-ական թթ. Սուրխայ խանի ու Դաւուդ բէկի իշխանութեան հաստատման հետեւանքով շրա մահմեդական բնակչութիւնը վախից թաքցնում էր այդ փաստը, յաճախ էլ ստիպուած դառնում էր սուննի: Պատճառն այն էր, որ խռովարար խանն ու բէկը օսմանամէտ քաղաքականութիւն էին վարում եւ շրա լինելը սպառնում էր ֆիզիկական ոչնչացմամբ: Մինչդեռ XVIII դ. սկզբին Շամախի այցելած Ջ. Բելլի խօսքերով՝ բնակիչների մեծամասնութիւնը պարսիկներ էին, եւ բացի այդ կային «զգալի թուով» հայեր ու վրացիներ: Շիրւանի նահանգում խօսակցական լեզուն պարսկերէնն էր, իսկ թիւրքերէնը հեղինակն անուանում է վուլգար լեզու²:

XIX դ. առաջին ուսուպարսկական պատերազմից (1804-1813 թթ.) անմիջապէս հետո Հիւսիս-արեւելեան Այսրկովկասի էթնո-քաղաքական նկարագրութեան մէջ նշւում են հայեր, հրէաներ եւ սուննի ու շրա դաւանանքի մահմեդականներ³: Վերջիններիս տակ պէտք է հասկանալ թաթարներին եւ տարածաշրջանի էթնիկ ամենահին շերտերից մէկին՝ իրանայեզու ժողովուրդներին: Դրանով Կովկասի ուսական բարձրաստիճան գիւնվորական հրամանատարութիւնը հիմք էր դնում տարածաշրջանից «պարսիկ» էթնանուն բնաջնջմանն ու փոխարենը Հիւսիս-արեւելեան Այսրկովկասի արհեստականորէն թիւրքացման փառապաշտարարութեան: Տեղացի ժողովուրդների համար, ըստ էութեան, վտանգաւոր այդ քաղաքականութիւնը միտուած էր ամրապնդելու ուսաս-

1 **Г. Асатрян**, Этническая композиция Ирана: от “Арийского простора” до Азербайджанского мифа. Ер., 2012, с. 81.

2 **J. Bell**, A journey from St.-Peterburg in Russia to Ispahan in Persia with an Embassy from his Imperial Majesty Peter the First. Vol. I. London, 1806. p. 45-46.

3 **Ф. Ртищев**, Сведения о Дагестане. 1813 г. ИГЭД, с. 250.

կան տիրապետութիւնը Հիւսիս-արեւելեան Այսրկովկասում, պոկելու այն Իրանից՝ արմատախիլ անելով «պարսիկ» անունը: Իրանական տարրին որպէս այլընտրանք ընտրում է «մահմեդականներ» անուանումը՝ շեշտը դնելով թաթարների վրայ: Արդէն XIX դ. երկրորդ կէսին Կովկասի փոխարքայի գրասենեակի կողմից կազմուած «Կովկասեան օրացոյցի» (1856 թ.) էջերում գիւղերը ներկայացուած էին ըստ լեզուական ու կրօնա-դաւանական պատկանելութեան: Աշխատութեան մէջ ի սպառ բացակայում էր «պարսիկներ» կամ իրանալեզու որեւէ էթնիկ խմբի մասին յիշատակութիւն: Այսպէս, Ղուբայի խանութեան Սուխտա կալա (Сухта-кала) /Сухта кале/, Թեքիե-շիխի (Текье-шихи) /Текие/, Թուլեկերան (Тулукеран) /Тюлекузан/, Թիւլեր (Тюляр) /Тюлер/ գիւղերում սուննի թաթարներ են յիշատակուած, որոնք խօսում էին «թաթերէն»¹: Բիլիճի (Билиджи) /Билиджи/, (Гендоб) /Гендов/, (Заргова) /Заргубат/, (Зейва) /Зейве/, Зюграмли) /Сюграми/, (Идрисы) /Идреси/, (Иснов), Կալագե (Калаге) /Калага/, Լեջեթ (Леджет) /Ладжеды/ գիւղերում բնակիչները համարում էին սուննի թաթարներ եւ հրէաներ, իսկ օգտագործուող լեզուն՝ «թաթերէն»²: Ռուստով (Рустов) /Рустой/, Սաֆիքենդ (Сафи-кент) /Суфи/, Սումագովա (Сумагова) /Сумаговат/, Թալաբի (Талаби) /Талабы/, Խինագե (Хинаге) /Ханаге/, Չիչի (Чичи), Շուդուդ (Шудуг) /Шадук/ գիւղերում ապրում էին սուննի թաթարներ, իսկ լեզուն՝ «թաթերէն»³: Ղուբայի խանութեան Բուդուղի մահալում Ադուր, Կարխուն, Կունախքենդ (Кунахкент) /Кунак Кент/, Ուտուղ (Утуг) /Утух/, Խալթան (Халтан), գիւղերի բնակիչները XIX դ. նշում են որպէս սուննի թաթարներ, իսկ լեզուն՝ «թաթերէն»⁴: Ղուբայի խանութեան Ղուբայի մահալում հանդիպում են Սուխթա կալա (Сухта-кала) /Сухата кала/, Թեքիե շիխի կամ Թեքիե (Текье-шихи) /Текие/, Տուլեկերան (Тулукеран) /Тюлекузан/⁵, Թիւլար (Тюляр) /Тюлер գիւղերը, որոնց բնակիչներին յիշատակում են որպէս սուննի թաթարներ, իսկ

¹ Кавказский календарь, 1856, с. 378-379. ИГЭД, с. 145.

² Кавказский календарь, 1856, с. 380. ИГЭД, с. 148.

³ Кавказский календарь, 1856, с. 379-380. ИГЭД, с. 147-148.

⁴ Кавказский календарь, 1856, с. 376. ИГЭД, с. 144.

⁵ Кавказский календарь, 1856, с. 378. ИГЭД, с. 145.

խօսակցական լեզուն՝ «թաթերէն»¹: Նոյն վիճակն էր նաեւ Նաբբալ /Наббран/ գիւղում, որի բնակիչներին համարում էին սուննի թաթարներ եւ հրէաներ, լեզուն՝ թաթարերէն ու «թաթերէն»²: Ընդ սմին, այն գիւղերում, որտեղ թաթարների կամ լեզգիների կողքին ներկայացուած էին հրէաները, խօսակցական լեզուն ընտրուած է «թաթերէնը»³:

Ծագելով ու զարգանալով ուսական կայսրութեան ներսում՝ քաղաքական այս գործընթացն իր գագաթնակետին հասաւ Խորհրդային Միութեան մէջ, երբ 1936 թ. նախկին «կովկասեան, ադրբեջանական թաթարներ», «թիւրք» կամ «թաթար» անուանումները⁴ պաշտօնապէս փոխարինուեցին «ադրբեջանցի» անուամբ⁵:

Ինչ վերաբերում է հրէաներին, ապա Պ. Բուտկովը գրում էր, որ Կուլբատ գիւղում (200 տուն) հրէաները խօսում էին իրենց լեզուով եւ ունէին չորս սինագոգ: Անգամ նշում է, թէ ինքը տեսել է հրէաների մօտ «իրենց լեզուով» տպուած (Լեհաստանում) գրքեր⁶: XVIII դ. սկզբին տարածաշրջանում գտնուող Ի. Գերբերի վկայութեամբ՝ հրէաները խօսում էին այն նահանգի լեզուով, որտեղ ապրում էին, սակայն հոգեւորականները գիտէին նաեւ հրէաների լեզուն⁷: Հեղինակը գրեթէ նոյնն է ասում նաեւ հայերի մասին՝ նշելով, որ նրանք խօսում էին իրենց հայերէն լեզուով, սակայն գիտէին նաեւ այն նահանգի լեզուն, որտեղ ապրում էին⁸: Սկսած XVI դարից Արեւելեան Այսրկովկասում գերակշռում էր իրանական էթնիկ տարրը եւ տեղի ժողովուրդները պիտի

¹ Кавказский календарь, 1856, с. 379. ИГЭД, с. 145.

² Кавказский календарь, 1856, с. 385. ИГЭД, с. 146.

³ *Մանրամասն տե՛ս* Кавказский календарь на 1857 г, Тифлис, 1856, с. 369-407.

⁴ **В. Худалов**, Современный Азербайджан, – «Новый Восток». Москва-Ленинград, 1925, № 3, с. 167; **А. Алекперов**, Азербайджанцы. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960, с. 71-77.

⁵ **А. Алекперов**, Азербайджанцы, с. 71.

⁶ **П. Бутков**, Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции...», с. 205.

⁷ **И. Г. Гербер**, Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728, – В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Под ред. **М. О. Косвена** и **Х. М. Хашаева**, Москва, 1958, с. 117.

⁸ *Անդ, էջ 116*:

փոխառէին հենց նրանց լեզուն: Սակայն վերջինս իր վրայ կրելու էր թիւրքական լեզուների զանազան բառբառների ազդեցութիւնը: XVIII դ. երկրորդ կէսին լեզուական այդ միախառնումները ստանում էին նաեւ որոշ առումով էթնիկ երանգաւորում: Այսպէս, Ս. Գմելինն անձնական դիտարկումներ է կատարում Հիւսիս-արեւելեան Այսրկովկասի XVIII դ. երկրորդ կէսի քաղաքական, սոցիալ-տնտեսական պատմութեան ու էթնիկ պատկերի վերաբերեալ եւ արժեքաւոր տեղեկութիւններ հաղորդում: Նա Գերբենդից մինչեւ Բաքու ընկած տարածքի մահմեդական բնակչութեան մասին նշում է, որ նրանք թաթարական ու պարսկական արիւններից առաջացած «խառնուրդ» են¹, որը դեռեւս ձեւաւորուած ժողովուրդ չէր: Աւելին, իր ճանապարհորդութեան վերջում նա բացառում է, որ Ղզլարից մինչեւ Մուղանի դաշտ ընկած տարածքներում, ներառեալ Կասպից ծովի արեւմտեան ափին, ներքին լեռնային շրջաններում իշխող իշխանիկները «պարսկական արիւնից» սերուած լինէին. նրանց հարեւանութիւնը եւ անընդհատ շփումները թաթարների հետ այդ իշխանիկներին դարձրել էր «խսկական թաթարներ, թեեւ իսկապէս նրանցից չեն սերուած»²:

Կրկնենք, որ էթնոսը սոցիալական առանձնահատուկ խմբաւորում է, որն առաջանում է մարդկանց կամքից անկախ, որպէս պատմական երկարաժամկէտ գործընթացի արդիւնք³: էթնոսների ձեւաւորումը հիմնուած է ոչ թե զանազան էթնոսների «խառնուրդի», այլ դրանց համախմբման (կոնսոլիդացիայի) արդիւնքի վրայ՝ հիմքում ունենալով էթնիկ դոմինանտ սուբստրատ: Ըստ իրանագէտ Գ. Ասատրեանի՝ «ադրբեջանցի էթնոսի» առաջացման համար որպէս դոմինանտ հանդէս է եկել տարածաշրջանի իրանական մահմեդական էթնիկ հանրութիւնը՝ կովկասեան ժողովուրդների «խառնուրդով» հանդերձ, որի վրայ էլ շերտաւորուել է թիւրքական սուբստրատը⁴:

¹ С. Гмелин, Путешествие по России..., с. 19, 81.

² Անդ, էջ 208:

³ Этнография, Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова, Москва, 1982, с. 5.

⁴ Г. Асатрян, Этническая композиция Ирана, с. 75. Այս հարցի մասին տե՛ս նաեւ Գ. Ստեփանեան, Արեւելեան Այսրկովկասում «ադրբեջանցի» էթնիկական գործառնման հարցի շուրջը, – ՄԱ, պր. V, եր., 2008, էջ 137-145:

Խորհրդային պատմագիտութեան մէջ այս հարցը խիստ քաղաքականացուել է՝ արմատաւորելով Հիւսիս-արեւելեան Այսրկովկասի էթնիկ պատկերի իրականութեան որոշակիորեն գիտակցուած խեղաթիւրման քաղաքականութիւնը: Այսպէս, ուսումնասիրելով Հիւսիս-արեւելեան Այսրկովկասի XVIII դ. քաղաքական պատմութիւնը՝ մերօրեայ պատմաբան Օ. Մարկովան «ուղղում է» արխիւային վաւերագրերի «թաթարներ» եւ «պարսիկներ»¹ ընդհանրական անուանումները՝ դրանք փոխարինելով «ադրբեջանցի» եւ «թաթ» եզրոյթներով իրենց ժամանակակից ընկալմամբ²: Սակայն այսօր XVIII դ. աղբիւրագիտական յենքի վրայ հարցի նորովի լուսաբանումը կոչուած է՝ վերաիմաստաւորելու տարածաշրջանի էթնո-քաղաքական պատմութիւնը որպէս «ադրբեջանագիտութեան» զարգացման բաղկացուցիչ մաս:

Իրականում, XVIII դ. երկրորդ կէսին Հիւսիս-արեւելեան Այսրկովկասը ժողովրդագրական վառ արտահայտուած բազմէթնիկ պատկեր ունէր: Այդ դարի ուսական տպագիր սկզբնաղբիւրներում ու պաշտօնական գրագրութեան մէջ հանդիպող «թաթարներ» եւ «պարսիկներ» էթնիկական անուանումների նոյնացումը «ադրբեջանցիների» հետ ժամանակակից ընկալմամբ չի համապատասխանում պատմական իրականութեանը: Ադրբեջանցի ժողովրդի էթնոհամախմբման (էթնոկոնսոլիդացիայի) գործընթացը սաղմնաւորուեց լոկ տարածաշրջանում Ռուսաստանի իշխանութեան հաստատման պահից: Այդ ժամանակ էր նաեւ, որ սկզբնաւորուեց նոր թիւրքալեզու մահմեդական զանգուածի մէջ շմիհաձուլախառնուած (էթնոմիքսացիայի շենթարկուած) պարսիկների՝ պարտադրաբար «թաթեր» անուանուելու եւ որպէս այդ անունով առանձին իրանական ժողովուրդ-էթնոս համախմբուելու գործընթացը:

¹ Հարկ նշել նաեւ, որ Իրանի պատմութեան իսլամական շրջանից մինչ այսօր «պարսիկ» անուանումը պարտադիր էթնիկ նշանակութիւն չունի (տե՛ս Դ. Аса-
трян, Этническая композиция Ирана, с. 31-49: XVIII դարում այդպէս էին կոչում
իրանական ծագմամբ ժողովուրդներին, իսկ վաճառականների պարագայում
այն կարող էր նշանակել իրանահպատակ (Իրանի քաղաքացի), օր.՝ հայ:

² **Օ. Маркова**, Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. Москва, 1966, с. 77, прим. 53.

О почитании св. Григориса в Южном Дагестане: история и современность

В первые века христианства одним из мест, куда его последователи несли христианские идеи, стал южный Дагестан, в то время – территория Кавказской Албании (Алуанка) и ее соседей. Одна из таких миссионерских историй связана с проповедничеством отрока Григориса, внука отца армянской церкви Григория Просветителя. Она дошла до нас в трудах армянских историков Мовсеса Хоренаци, Фавстоса Бузанда, Мовсеса Дасхурани (также – Каланкатуаци) и других. Согласно тексту последнего автора (X век), юный Григорис был рукоположен в «епископы Иверии и Албании» и отправился из Армении туда, чтобы утвердить эти страны в христианской вере¹.

После проповедей в Иверии и в ряде районов Албании, по словам Фавстоса Бузанда (V век), «католикос Иверии и Албании» Григорис «прибыл в стан аршакидского царя мазкутов, имя которого было Санесан...». Историк отмечает, что мазкуты-язычники были недовольны христианской проповедью Григориса, говоря: «Если мы не будем похищать, если не будем грабить, если не будем отнимать чужого имущества, то как же можем мы прокормиться с таким множеством войска?»². Слова «отца армянской истории» Мовсеса Хоренаци (конец V века), красочно рисуют нам картину мученической кончины Григориса и позволяют определить время его трагической гибели: «Но когда пришла весть о кончине Трдата, варвары <...> убили блаженного, растоптав его копытами лошадей на поле Ватнеан близ моря, называемого Каспийским»³. Как

¹ **Мовсэс Каланкатуаци.** История страны Алуанк. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий **Ш. В. Смбатяна**, Ер., 1984, Кн. I, Гл. 14. Источником этой главы Мовсеса Дасхурани является уникальное сочинение самого начала VI века «Повесть о Вачагане» (см. **А. А. Акопян**, Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках, Ер., 2022, с. 159-169).

² **Фавстос Бузанд.** История Армении, Ер., 1953, Кн. III, Гл. 6.

³ **Мовсэс Хоренаци.** История Армении, Ер., 1990, Кн. III, Гл. 3, с. 149.

известно, Трдат III умер в 330 году, следовательно гибель Григориса произошла ненамного позднее. Фавстос Бузанд так описывает это событие: «Тогда они поймали дикого коня, привязали юного Григориса к хвосту его и пустили по полю вдоль берега великого северного моря, за пределами своего лагеря, по полю Ватнеан, и таким образом они погубили добродетельного проповедника Христова, юного Григориса»¹.

Григорис причислен Армянской Апостольской церковью к лику святых. День памяти сыновей и внуков Григория Просветителя, в том числе и Григориса, отмечается ежегодно. Согласно церковным календарям, гибель св. Григориса датируется 335 либо 337 годами², однако Б. Арутюняном и А. Акопяном весьма убедительно показано, что достоверной датировкой следует считать 331 год³.

Ученики Григориса перевезли его тело в монастырь Амарас (на юге совр. Нагорного Карабаха) и похоронили его там, после чего его могила была потеряна. Мощи святого были вновь обретены примерно в 489 г. албанским царем Вачаганом II Благочестивым.

Традиционно, место гибели св. Григориса локализуется в Южном Дагестане, у села Моллахалил (совр. село Нюгди Дербентского района Республики Дагестан).

Имеются свидетельства о том, что к часовне в Нюгди совершалось паломничество верующих христиан, прежде всего армян. Об этом писал в 1906 г. Евгений Козубский в «Истории Дербента», добавляя, что и «мусульмане чтут это место за святыню»⁴.

Память св. Григориса в Южном Дагестане почиталась в течение многих столетий. Это было связано с тем, что прихожане двух христианских церквей, имевших общие истоки и родственную обрядность, – армянской и албанской, населяли эти территории как в период государства Кавказской Албании, так и после его исчезновения.

¹ **Фавстос Бузанд.** История Армении, Кн. III, Гл. 6.

² Церковный календарь. Краснодар: Епархия юга России Армянской Апостольской церкви, 1998; Церковный календарь. Москва: Ново-Нахичеванская и Российская епархия Армянской Апостольской церкви, 2009.

³ См. **Б. Арутюнян,** Поход Мазкутского царя Санесана в Армению, – ВОН, 1981, № 6 (на арм. яз.), с. 76-77; **А. А. Акопян,** Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках, с. 277).

⁴ История Дербента, Темир-Хан-Шура, 1906, с. 12.

Как писал С. Т. Еремян, в VI веке для охраны дербентских стен необходимы были значительные силы, причем местных воинов было недостаточно, поэтому Сасаниды переселяли сюда целые племена, которые селились у важных участков защитной линии как вооруженное население. Среди таких «надежных» воинов-переселенцев, согласно информации арабских источников, числятся жители Армении и «сиясиджины», под этим именем, по мнению Еремяна, имелись в виду жители области Сюния (Сисакан) на территории современных Сюника и Карабаха, входившей в состав Армении¹.

Арабский географ Ибн-ал-Факих в «Книге стран» ссылается на произведения другого автора – Ахмеда ибн-Вадыха Испагани. А он, говоря о дербентской стене, писал: «Говорят, что мужчины из жителей Армении обязаны охранять эту стену и ворота»². Евгений Козубский в «Истории Дербента» приводит также выдержки из «Книги о податях» Абуль Фараджа Кудамы, который пишет, что Ануширван заселил земли вблизи Дербента «отрядами из своего войска по имени сиясаджийцы»³. Еремян отмечает, что «население этих военных поселений, конечно, осталось на месте и в эпоху арабов и позже играло видную роль в этих районах»⁴.

Армянский историк-хронограф первой половины XII в. Маттэос Урхайеци пишет: «Были и другие армянские цари в стране Дарбанд, что именуется и Капанк, граничащей с Озами и Аланами...». Среди имен армянских царей в конце упоминается Григор, сын Синекерима⁵. С. Бархударян считал, что усыпальница этих царей находилась южнее Дербента, на кладбище нынешнего села Хачмаз, так как исследователи XIX в. епископы Саргис Джалалянц и Мака́р Бархударянц переписали в Хачмазе и издали эпитафии царей «Сенекарима и Григора Крейсара», которые имели родственные связи с царской династией Сюника⁶. Он отмеча-

1 С. Т. Еремян, Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов, – “Известия” Армянского филиала АН СССР, 1941, № 7, с. 36.

2 СМОМПК, Вып. XXXI, Тифлис, 1902, с. 24-25.

3 Е. И. Козубский, История Дербента, с. 35.

4 С. Т. Еремян, Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов, с. 40.

5 Маттэос Урхайеци, Хронография, Вагаршапат, 1898 (на арм. яз.), с. 231.

6 С. Г. Бархударян, Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений, Ер., 2011, с. 97.

ет также, что к IX-X векам исламизированные албанцы в основном стали союзниками господствовавших арабских эмиров и во многом были вовлечены в сферу ирано-арабской культуры, а христиане стали этнической основой для албано-армянских политико-административных единиц – царства Багратидов в Шаки-Эрети и Дербентского армяно-албанского царства¹.

С. Бархударян подчеркивает еще одну примечательную особенность: до конца XVII в. в долине реки Самур вплоть до окрестностей Дербента армяне жили плотной массой, в некоторых селах, расположенных по соседству с татами, они говорили на татском, так как из-за своей оторванности от основных областей обитания армян потеряли родной язык, хотя и сохранили религию и самоназвание «армяне»².

Евгений Козубский пишет, что в 1669 г. астраханец Иван Исаев был послан проводить патриарха Александрийского до Шемахи и на обратном пути остановился под Дербентом, и именно туда «Дербентский салтан» прислал своего человека, чтобы «Иван со всеми государевыми людьми из армянской деревни ехал в Дербент»³.

Более того, в селе Ньюджи и близлежащих селах до конца XVIII в. компактно проживали армянские семьи. Императрица Екатерина II в феврале 1796 года направила военный отряд графа В. Зубова для «освобождения царств Армении и Грузии». Его части при поддержке местных армян штурмом заняли Дербент в мае 1796 г., освободив его от власти Персии. Но вскоре российская армия по приказу нового императора Павла I отступила, и над местными армянами нависла угроза физического уничтожения. Католикос Иосиф Аргутинский (1743-1801) писал командиру одной из частей отряда Зубова генералу Сергею Булгакову: «Армяне, обитающие в Мушкурской и Дербентской провинциях, просили е. с. графа Валерьяна Александровича Зубова, так как они довольно уже претерпели от варвар обид и притеснений, избавив от власти их, принять под покровительство России». В приложении к этому письму приводится «Список именной девяти деревням армянским, состоящим в Дербентской и Мушкурской провинциях, и управляющим оными юзбашам и старостам, составленный августа 19-го дня 1796 года». В этом списке 9

¹ Там же, с.123.

² Там же, с. 132-133.

³ **Е. И. Козубский**, История Дербента. С. 69.

селений, 7 – в Мушкурской провинции (Гачмиас, Гараджалу, Великой Барахум, Малой Барахум, Килявар, Гарагутлу и Азатогла) и 2 – в Дербентской (Мулахалил и Нугды)¹. В мае 1797 года Павел I издал указ, по которому дербентским армянам было разрешено переселиться в Астрахань или Кизляр².

Именно армяне, проживавшие в селе Нюгди и близлежащих селах до конца XVIII в., сохраняли память о том, что здесь много веков назад погиб мученик за веру святой Григорис, почитая это место, и данная традиция была настолько сильной, что вызывала уважение у мусульман и иудеев-татов даже после вынужденного отъезда армян из-за персидской угрозы. Об этом свидетельствует тот факт, что в XIX в. на окраине села Нюгди, в котором к тому времени христиане не проживали, находилась часовня святого Григориса.

После присоединения Дагестана к России в начале XIX века численность армянского населения Дербента вновь начинает расти.

В 1806 г. часть армян из Кизляра переехала в Дербент. Переселение небольших групп армян происходило и позже. Так, в 1871 г. в город приехали 16 мастеровых армян из Ирана. В 1824 г. армянская община Дербента, состоявшая в основном из переселенцев из России, Закавказья и Персии, насчитывала 239 чел., а к 1913 году она увеличилась до 3104 человек³.

В письменных источниках сохранились свидетельства посещения часовни св. Григориса в селе Нюгди в середине и второй пол. XIX в. Около 1850 года ее посетил архиеп. Саргис Джалалянц (1819-1879), о чём он написал во второй части «Путешествия по Великой Армении» («...построена маленькая часовня, внутри которой – квадратная могила...»)⁴.

Ростом-бек Ерзинкян – военный публицист и исследователь быта народов Дагестана, который о своем посещении часовни осенью 1857 г. написал в статье «Гора Абасова и часовня святого Григориса», опубликовав ее в газете «Мегу Айастан», выходившей в Тифлисе на армян-

¹ Армяно-русские отношения в XVIII веке. 1760-1800. Сб. документов. Т. IV. Ер., 1990. Док. № 297, с. 434.

² Козубский Е. И., История Дербента, с. 306.

³ З. У. Махмудова, Дербенд в XIX – начале XX века: этническая мозаичность города на «вечном перекрестке», Москва, 2006, с. 65.

⁴ С. Архим. Джалалянц, Путешествие по Великой Армении, ч. 2, Тифлис, 1858 (на арм. яз.), с. 419.

ском языке. Он писал: «...построенная из кирпича часовня в Алуанке, на берегу ручья Гурган, на краю холмистой равнины. Длина часовни – 18 футов, ширина – 10, а высота – 20. В южной стене этой маленькой часовни открыто два окна, строение сводчатое, в интерьере – маленькие кирпичные арки, а в верхней части бостонной стены висят старые изображения Распятия, Страстей Христовых и Богоматери без надписей. В центре святой часовни есть маленький купол, высота которого 5 с половиной пядей, ширина – 3, а длина – 4. Имеет 3 очень маленьких окна и дверь на восточной стороне, поэтому в честь святых мощей, блаженных реликвий и счастливого мученика курят фимиам, купол имеет остроконечный шатер, который увенчан железным крестом»¹. В продолжение этих заметок автор давал описание кладбища у села Белиджи, которое местные жители называли «Армен Дабрсангли», т. е. «армянское кладбище», и расшифровал армянские надписи на могильных камнях, относящиеся к концу XII – XIV и XVIII векам².

С. Г. Бархударян отмечает, что в селе Молла-Халил на границе еврейского кладбища и станции Гуллар находилось древнее кладбище, кото-

рое называется Погос-булаг (арм. «родник Погоса») по названию родника, находящегося под сенью больших деревьев, растущих вокруг. Над-

¹ Отрывки путешествий Ростом-бека Ахпатского по Дагестану. Гора Абасова и часовня святого Григориса, – “Мегу Айастани”, 1859, № 1 (на арм. яз.), с. 3.

² Армянское кладбище у села Белиджи (там же, с. 3).

гробные плиты здесь были полностью покрыты колючим кустарником и были почти недоступны¹.

В конце XIX в. епископ Мака́р Бархударя́нц (1836-1906) в своей книге «Страна Алуанк и соседи» (на арм. яз.) смог расшифровать 27 надписей на этом кладбище, которые имели датировки с 571 по 1721 гг.². Он оставил также следующее описание часовни св. Григориса: «На месте старой часовни, построенной на месте мученичества [св. Григориса], какая-то благочестивая и досточтимая госпожа построила от основания красивую и великолепную часовню из чисто тесаных камней и известкового раствора, кровлю которой покрыли толстым и покрытым зеленой краской железом. Часовня имеет маленький, но красивый алтарь, две ниши в его стене, освященный престол и камень для него, благовидную виму³, отделенные железными решетками клиросы и пять окон. Окна, восточное и западное, прорезаны в монолитном камне и имеют крестообразную форму, а два южных и одно северное – узкие и длинные. Маленькая элегантная хрустальная люстра висит посередине, между молельным залом и предалтарной частью»⁴.

Материальное свидетельство этого описания сохранилось благодаря тому, что жители села Нюгди не разрушили памятник, и наоборот, они почитали его. Это подтверждает и такой факт: один из местных жителей хранил у себя в доме плиту с непонятной ему надписью на армянском языке. Он завещал своему сыну, уже нашему современнику, отдать этот камень, когда придет время, «хозяевам».

Эта надпись на камне повествует о том, что Елизавета Кочкачянц построила часовню «в память о себе и своей семье». Она завершается словами: «Господи, помни нас, когда закончатся слова и будет царствовать дело! 1879 год».

По снимкам конца XIX – нач. XX веков видно, что стоявшая на окраине села до 1916 года часовня св. Григориса по архитектурному типу повторяет в уменьшенном размере церковь Амарасского монастыря, став-

¹ С. Г. Бархударя́нц, Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений, с. 135.

² М. Бархута́рянц, Страна Алуанк и соседи (Средний Дагестан), Тифлис, 1893 (на арм. яз.), с. 106.

³ Вима – центральная часть алтаря в христианском храме.

⁴ М. Бархута́рянц, Страна Алуанк и соседи, с. 106.

шего местом захоронения святого епископа. При этом М. Асратян отмечал, что усыпальница Григориса в Амарасе своей архитектурой принадлежит к типу армянских мавзолеев IV-V веков (в церквях св. Гаяне, св. Рипсима) и с точностью повторяет композицию мавзолея св. Месропа Маштоца в Ошакане (442-443 гг.)¹.

На снимке из семейного архива Артура Паповяна, который датируется 1899 годом, на фоне часовни стоит группа армян, среди которых – впереди справа дед Паповяна Айрапет Мелкумович Бек-Нерсесов (стреляет в воздух из пистолета).

Еще один фотоснимок, который датируется, по всей видимости, самым началом XX века, позволяет увидеть вблизи, как выглядел фасад часовни св. Григориса в Ньюнди.

¹ Асратян М. М., Архитектурный комплекс Амараса, – ВОН АН Арм. ССР, 1975, № 5, с. 49.

Современный облик храм св. Григориса приобрел в 1916 году. Длина новой часовни 17 м, ширина 12 м, высота с куполом около 18 м. На каждой стене сделаны углубления в виде прямых треугольных призм, которые вверху завершаются пятью расходящимися линиями. С четырех сторон в стенах под крышей имеются отверстия в форме креста.

Над одним из входов в церковь сохранилась надпись на армянском языке: «Храм построен на месте мученичества С. Григориса, внука отца нашего Григория Просветителя, [построен] на средства родных братьев **Ванецяни, Григора и Лазаря Петросовичей**, в год Господень 1916, по армянскому летоисчислению – 1365».

Ванецянц (Ванецовы) – армянский купеческий род, обосновавшийся в Астрахани, имевший предприятия в Дербенте и Петровске. Один из братьев Ванецовых, которые в 1916 г. финансировали возведение новой часовни, Григорий Петрович Ванецов (1863-1928), волею судьбы закончил свою жизнь в Берлине, и был похоронен на русском кладбище «погост Тегель». На сайте некрополя сообщается, что он был совладельцем товарищества «Ванецовы и Маиловы», которому принадлежали сельдяной промысел на реке Гюльгеричай, а также рыбные промыслы на реке Рубас, имевшие годовой оборот в 1,1 млн. рублей, председателем правления общества «Терская нефть», членом правления Общества Суражских бумажных и картонных фабрик, членом правления Нижегородского акционерного пароходного общества «Хива» и рыбопромышленного общества «Рыбак»¹.

В советский период церковь в Нюгди была признана памятником истории, но внутри многие десятилетия государственного атеизма царил запустение. Замысел о необходимости современной реставрации возник, когда после падения атеистической власти люди стали возвращаться к вере своих предков.

С 2004 г. работы по восстановлению святыни возглавлял председатель дагестанского регионального отделения «Союза армян России» и лидер армянской общины Дербента, Виктор Данилян (1952-2019) при поддержке местных властей и группы единомышленников. Стены, крыша и купол церкви были укреплены, восстановлены двери и окна. Местные жители указали, в каком месте реки находятся затопленные неизвестно кем ворота церкви. В реке же были найдены камень алтаря и другие каменные атрибуты храма. Администрация села и его жители оказывают помощь в восстановлении церкви.

Возродилась традиция, по которой армянская община Дербента и армянские семьи из других местностей ежегодно приезжают к церкви поклониться св. Григорису в конце августа (в советское время поклониться святому приходили лишь отдельные семьи дербентских армян). В 2009-2016 годах в день поклонения св. Григорису в Нюгди собирались семьи армян из Дербента, Махачкалы, Кизляра, села Карабаглы Кизлярского района, Кисловодска, Пятигорска, а также из Москвы, Санкт-Петербурга и Нагорного Карабаха. По приглашению организаторов – лидеров ар-

¹ URL: <http://pogost-tegel.info/index.php?id=333>

мянской общины Дербента – в мероприятия принимают участие руководители города Дербента и Дербентского района, представители Русской православной церкви, мусульманской и иудейской общин Дербента.

В 2008 г. вышел документальный фильм «Дорога к храму» (ГТРК «Дагестан», авторы: Карен Арзуманов и Гуллера Камилова), посвященный истории св. Григориса и возрождению его церкви у села Нюгди в контексте истории армянского этноса в Дагестане. В августе 2010 г. в Нюгди, у церкви св. Григориса состоялось награждение медалью «10 лет Союзу армян России» дагестанцев, внесших вклад в восстановление и изучение этого исторического памятника.

К августу 2011 года храм значительно преобразился. Внутри была закончена отделка стен, устроен каменный пол и алтарное возвышение, изготовлен купольный крест, местный художник – Мелик-Мамед Агабаев, консультируясь с духовенством, написал в армянском религиозном стиле храмовые иконы. 20 августа 2011 г. главой епархии Юга России Армянской Апостольской церкви, епископом Мовсесом Мовсесяном

был проведен обряд помазания восстановленного купольного креста и икон. В 2014 г. крест был установлен на свое место.

В декабре 2014 года в Дербенте по инициативе Главы Дагестана Рамазана Абдулатипова был открыт Музей истории мировых культур и религий, в экспозиции которого отведено место для материалов об истории и обрядах Армянской Апостольской церкви, в том числе и об истории храма св. Григориса в Ньюнди. В музей передана каменная табличка, сообщающая о строительстве часовни в 1879 году. В 2016 г., 21 августа в Ньюнди торжественно отметили 100-летие церкви святого Григориса, состоялись молебны, обряд крещения новых прихожан и праздничная трапеза, на празднике присутствовали дагестанские армяне, гости из Еревана, Пятигорска, Кисловодска, представители разных конфессий, органов республиканской власти. В августе 2019 г. силами жертвователей был восстановлен алтарь и алтарный занавес церкви.

В связи с тем, что поклонение св. Григорису, погибшему в первой пол. IV века, являлось прочно укоренившейся традицией, можно предположить, что само это место непрерывно, на протяжении веков, почиталось верующими и отмечалось культовыми сооружениями. К XIX веку это была часовня, которая периодически реставрировалась, а в нач. XX в. братьями Ванецовыми на ее месте была воздвигнута церковь, которая не была разрушена в атеистическое время, была почитаема жителями села Ньюнди – мусульманами и иудеями и, благодаря усилиям дагестанских, прежде всего дербентских, армян, возрождена в современный период. Этому способствовало и возобновление традиции ежегодного поклонения одному из первых епископов Кавказской Албании, святому отроку Григорису.

Giunashvili Helen

Georgi Tsereteli Institute of Oriental Studies / Ilia State University
(*ჭიორენაშვილის ცენტრი*)

Tamar Abuladze

Korneli Kekelidze National Centre of Manuscripts of Georgia
(*ბერძენაძის ცენტრი*)

The 17th Century Unpublished Georgian-Persian and Persian Documents from the Collections of the Korneli Kekelidze National Centre of Manuscripts¹

Miscellaneous collections of Persian historical documents (farmans and hoqms) preserved at the Korneli Kekelidze National Center of Manuscripts are absolutely unique in terms of their composition, historical and artistic value. Their total number reaches 511 units and dates by the 16-19th centuries, covering the Safavid, Avshar, Zand and Qajar dynasties reign periods.

Georgian-Persian documents of the mentioned epochs are kept in the collection of Georgian historical documents. The most ancient among them is issued by the second half of the 16th century, under the king Simon I reign.

The great part of these documents is edited, though a considerable amount of Persian and Georgian-Persian still remains unpublished up to the present.

We would like to present some of unedited Persian and Georgian-Persian documents from the K. Kekelidze National Centre of Manuscripts collection:

The Georgian-Persian document (Pd-64) issued by Nazarali Khan (Erekle I), the king of Kartli and later Kakheti in 1698. It refers to the donation for the Davit Gareji monastery complex. The event is related to the attempt of the Georgian kings in the 17th century to restore the monastic life in Gareji, which was destroyed during Tamerlane and Shah-Abbas II times, and it became possible to renew in 1690 during the times of the abbot Onopre.

The addressee of Shah Suleiman's order (Pd-443) is Murtaza Quli Beg, who was the beglarbeg of Qarabaghi and the ruler of the southeastern part of Kakheti.

¹ This paper was presented at the International Conference "Problems of the History of the Caucasus" (Yerevan, 15-16 March, 2023), Dedicated to the 75th Anniversary of Prof. Pavel Chobanyan (1948-2017).

The deed concerns several problems of Turkmen tribes (communities) installed in the territory of Georgia.

Shah-Sultan Husayn's decree (Pd-500, 1693) concerns social activities of the beglarbeg of Qarabaghi and the ruler of Kakheti in correspondence to the Sharia laws. An order to the ruler of Kakheti, Kalbali Khan, is attached to the document.

The considered Persian documents are illuminated (shah's seals are placed in richly ornamented rosettes, decorated frames) and extremely significant from an artistic point of view.

Захаров Владимир (1946-2021)

Институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона (Москва)
(Զիւրիկ Վլադիմիր)

Иосиф Сталин и проблема тюркских народов Кавказа

В докладе, представленном на участие в Международной научной конференции «Коренные народы Кавказско-Каспийского региона в свете научных реалий и фальсификаций» (Ереван, 6-7 декабря 2019 г.), рассказывается об отношении партии большевиков к тюркским народам Кавказа. Приводятся тексты редких документов, показывающих, как новые власти заигрывали с мусульманским населением, поскольку искали поддержки со всех сторон, повсюду и, в первую очередь, от кого зависела, по их мнению, дальнейшая судьба совершенной ими революции, к тем, кто легко мог задушить большевиков. Принятие мусульманской интеллигенцией и духовенством идей большевиков было, как это не покажется странным, повсеместно. Известно высказывание имама мухтасиба Ханафи Музафара из селения Псак (Татария), считавшего, что коммунизм объединит все мусульманские народы: «Как и коммунизм, ислам отвергает узкий национализм...». И далее: «ислам интернационален и признает братское единение всех народов только под знаменем ислама».

В первые два послереволюционных года большевики весьма умело проводили промусульманскую политику. Так, с их участием была создана «Российская мусульманская коммунистическая партия большевиков». Правда, по окончании Гражданской войны все деятели этой партии были арестованы, а потом и расстреляны.

1 января 1921 г. И. В. Сталин произнес речь при открытии совещания коммунистов тюркских народов РСФСР, в котором, в частности, сказал: «...тюркский коммунизм, зародившийся в ходе практической борьбы за социализм, бок о бок с русскими товарищами, имел возможность использовать практический опыт русских товарищей, минуя ошибки. Это обстоятельство служит гарантией того, что коммунизм на Востоке имеет все шансы развития и укрепления быстрым темпом».

Автор останавливается на союзе большевиков с кемалистской Турцией, в результате которого 16 марта 1921 г. был заключен Московский договор «О дружбе и братстве», по которому Турции предоставлялась финансовая и во-

енная помощь и передавались большие территории Западной (Турецкой) Армении.

Однако объединение тюркских народов вовсе не входило в планы большевиков. Автор приводит малоизвестные сведения о знании И. Сталиным идей создания Великого Турана за счет Закавказских и других республик СССР, полученные из разведисточников.

Автор вскрывает причины высылки тюркских народов Северного Кавказа в 1943-1944 гг. Приводит тексты редких постановлений ЦК ВКП(б) о запрете изучения истории тюркских народов, проживавших в СССР.

Автор документально доказывает также фальшивость обоснования версии В. И. Абаева, согласно которой осетины являются предками в действительности тюркского народа – алан. Он подробно рассказывает об авторе этой фальшивки, до сих пор существующей в науке, и о том, для чего и по чьему заданию она была сделана.

Попытка этимологизации некоторых географических названий, имеющих отношение к Кавказской Албании

Территория Кавказа соседствует с Арменией, и в языках народов Кавказа наблюдаются многочисленные заимствования из армянского, а в армянском – из кавказских языков. В данной статье рассмотрены три термина (гидроним, топоним и этноним), возможно, заимствованных, по нашей версии, кавказскими языками из армянского¹.

Кура

Названия многих рек мира означают на каком-либо языке либо «вода», «река», либо – какое-либо свойство воды: «текущая», «быстрая», «мутная» и др. Например, по достаточно распространенным и вполне вероятным этимологиям: *Дон* – от иран. *dānu* «вода», *Енисей* – от эвенк. *ионесси* «большая вода», *Лена* – от эвенк. *елю ене* «большая река», *Рейн* – от протоиндо-европ. (далее – ПИЕ) **rey-* «течь», *Арагви* – от арм. *arag* (*шршц*) «быстрый» и др.

В основе названия *Кур(а)* специалисты также видят понятие «вода», выраженное на некоторых кавказских языках. Например, Г. Джаукян пишет: «Восточно-кавказское происхождение имеет название реки Кур: на крызском и будухском языках кур означает «река», на удинском – «ущелье», на гунзибском – куро означает «канава»»². Однако заметна близость слова *Кур* также и к армянскому *գիւր* (*գլուր*) «бассейн, поляна». Близость особенно заметна в салмастском диалекте – *կուր* (*kuir*).

¹ Данный материал впервые был представлен 10 лет назад. См. Р. Тарумян, Этимология некоторых названий, имеющих отношение к Кавказской Албании), – Международная конференция “Албания-Алуанк-Арран: проблемы этно-политической истории и христианской культуры”, Ер., 17-18 октября 2012 г. – https://www.academia.edu/9089263/Попытка_этимологизации_некоторых_географических_названий_имеющих_отношение_к_Кавказской_Албании.

² Փ. Բ. Ջահուկյան, Հայոց լեզվի պատմություն. նախագրային ժամանակաշրջան, Եր. 1987, էջ 615:

Однако само армянское слово Р. Ачарян считает заимствованным из сирийского *gūrṇā* «ведро, кувшин». К тому же семитскому корню он относит и араб. *jurn* «банный каменный бассейн». С другой стороны, все эти слова чрезвычайно созвучны арм. *jur* (շւր) «вода».

По данным словаря Покорного, арм. *jur* может быть производным ПИЕ **ūr*. наряду с лат. *ūrīna*, грек. *αὔρα* «вода» (Р. Ачарян в итоге принимает именно эту версию), а арм. (շւր) «грязь», «тина» – от формы **uer* той же праформы, как и авест. *vairi-* «море», тохар. *war* «вода» (Р. Ачарян оставляет этимологию этого корня неопределенной).

Примечательно, что Р. Ачарян прус. *wurs* «болото» считает связующим звеном двух этих индоевропейских форм. Однако, в таком случае, арм. *guṛn* также можно воспринимать в качестве такого связующего. Что касается окончательной фонемы, то данный корень находится в ряду арм. пар *duṛn* – *dur*, *maṛn* – *mayr*, *beṛn* – *ber*. Во втором случае имеем в точности наш случай: *gur*, а с учетом диалектной формы *kuṛ*, именно – *kur*.

Таким образом, данный корень, скорее всего, является исконным и созвучность с близкими по значению корнями из неиндоевропейских языков является результатом либо совпадения, либо заимствования – уже из армянского. В случае с араб. *jurn* о заимствованности опосредованно свидетельствует небольшое число деривативов данного корня в арабском. Другим непрямым свидетельством заимствованности этого корня в семитских языках можно считать отсутствие данного корня в аккадском¹. В противоположность этому, согласно Корневому словарю Р. Ачаряна, это слово есть во многих армянских диалектах и используется в самых разнообразных значениях: «водоем перед родником», «водоем в стойле», «корыто», «таз для теста», «изготовленный из навоза сосуд для хранения шелкопряда», «миска для собаки», «давальня», «каменный водоем кузнеца», «водосток». В этом последнем смысле данный корень уже максимально близок к понятию «река».

Свидетельством индоевропейского происхождения данного корня и возможность отражения им именно такого смысла является существование реки с тем же названием в центральной России, что делает маловероятным производность этого корня как от кавказских, так и от семит-

¹ По материалам: I. J. Gelb, Th. Jacobsen, B. Landsberger, A. L. Oppenheim, The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, Chicago, 1956.

ских языков. Речь идет о реке *Кур*, от названия которой, как полагают, произошло название города *Курск*. Считается, что название реки происходит от слова *курья* «залив, заводь»¹. Надо отметить, что М. Фасмер не этимологизирует данный корень, но упоминает мнение о заимствованности его из коми, однако приводит и мнение Вихм. – Уотила, считающих финское слово заимствованием из русского. Сравнение с арм. *kur* является дополнительным доводом для утверждения исконности данного корня и в русском, и в армянском.

Интересно также, что, согласно словарю В. И. Даля *курья*, это еще и «*старица, старое русло, заметанное с концов*». Так вот, такие *старицы*, т. е. *курьи*, есть также и в долине *Куры*. Причем они распространены только у истоков и в нижнем течении, где река меандрирует по равнине и именно там, где она и называется *Кур(ой)*, тогда как в среднем течении, где она течет по ущелью и где *курьи* в принципе отсутствуют, река называется иначе – *Мтквари*, которое объясняют или как груз. «хорошая вода», или как груз. переработку мегрел. *тквар-уа* «грызть, разгрызть», т. е. «река, прогрызающая себе путь в горах»². Впрочем, и в названии *Мтквари* прослеживается фонетический след корня *кур*, и не исключено, что в данном случае налицо народное переосмысление первоначального названия.

Что касается отношения арм. *kur* к созвучным словам из кавказских языков, то на территории Армении есть большое число топонимов, содержащих в основе *кур* (или *кор* – с тем же значением). Их приводит О. Карагёзян (для обоснования заимствованности этого корня в армянском – из кавказских): *Бердакор, Куранк', Кураванк', Лосукор, hОйноцкор*³. Согласно устному замечанию М. С. Гаджиева, подобные топонимы встречаются также и на левобережье *Куры*. Но в словаре топонимов Кавказа А. В. Твёрдого топонимов с такими компонентами нет⁴. Если бы

¹ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. 1, Москва, 1986, с. 431.

² Е. М. Поспелов, Географические названия мира, Москва, 2002.

³ Յ. Կարաղեզյան, Սեպագիր տեղանուններ (Այրարատում եւ հարակից նահանգներում), Հայկական լեռնաշխարհը սեպագիր աղբյուրներում, 1, 1. Եր., 1998, էջ 225:

⁴ А. В. Твёрдый, Кавказ в именах, названиях, легендах: опыт топонимического словаря, Краснодар, 2008.

данный корень был исконным для кавказских языков, он должен был быть распространен повсеместно, а не только в районах соприкосновения с армянонаселенными территориями. А наблюдаемый характер распространения данного корня свидетельствует как раз о заимствовании из армянского. Кроме того, топонимы с компонентом *кур* присутствуют не только на восточных армянских территориях. По крайней мере одно такое название *Мелескур*, известное также и как *Мелесджур*, есть и в регионе hАмшена¹.

Утик

Утик (Utiq, Owtik') одна из провинций Великой Армении (12-я по «Ашхарнацоц»-у VII в.²). Название больше интерпретировали как «страна утиев» – народности, идентифицируемой с предшественниками современных *удин*. Предложены также и иные этимологии. Например, исходя, из сообщения биайнийского царя Русы I, согласно которому «*по ту сторону в морской области*» есть 19 стран, находящихся «*у подножия*» (в клинописи – *ku-ru-ne*), О. Карагёзьян предполагает, что часть этих стран могла находиться в Арцахе и Утике и предлагает выводить название «Утик» из армянского корня *ot(q) nni(p)* «нога» < ПИЕ **pedo*-³. Однако в тексте клинописи слово «подножие» употреблено в достаточно нейтральном контексте, никак не намекающем на какую-либо связь с возможным обобщенным названием группы стран. С другой стороны, в ряду армянских топонимов есть гавары – *Арагацотн, Масацотн, Ц'ал'*

¹ В упомянутом словаре А. В. Твёрдого есть один топоним на *-кур* позднего происхождения: «*Алекур – целебный серный источник в Туапсинском районе Краснодарского края, находится в 30-ти км от поселка Терзиян. В основе перевода гидронима лежит армянское ал' – «соль», кур – «вода». «Соленая вода» (амшен.). Название дано в начале XX века армянскими переселенцами из Турции*». На чём основывался автор, этимологизируя компонент *-кур* именно как арм. «вода» выяснить не удалось. Возможно, ему известна какая-либо диалектная форма близкая к салмастскому диалектному *kur*, сохранившая также и значение «вода».

² Անանուն (է դար), Աշխարհացոյց, Գրտա-քննական բնագիր՝ Ա. Յակոբեանի, – ՀԱ, Վրեհնա-Եր., 2013, սն. 140:

³ Կարապետեան Յ., Սեպագիր տեղանուններ (Այրարատում եւ հարակից նահանգներում), էջ 185:

котн, в состав которых входит компонент, несомненно, со смыслом «подножие», но в виде *отн*, между тем, *-q* (*p*) в названии *Утик* является топонимообразующим суффиксом, указывая на область распространения понятия, обозначенного корнем данного слова, ср. с топонимами *Сюник* (*Syuniq*), *Тморик* (*Tmoriq*), *Вайкуник* (*Vaykuniq*) и др.

Выведение названия *Утик* из этнонима представляется нам гораздо убедительным, однако в этом случае остается невыясненным происхождение самого этнонима – *uti* (*yti*). Тем не менее, эта гипотеза может быть развита. Возможно, *Утик* действительно происходит из понятия *ути*, которое, однако является не этнонимом, а изначально означало «восточанин», «житель востока», развившееся из реконструируемого корня **ut* «свет, восток». В этом смысле, представляется уместным сопоставление слова *uti* со словами, связанными со светом или его отсутствием, такими как арм. *mut'* (*մութ*), рус. *муть*¹, герм. *matt* «мутный», англ. *mud* «грязь», *muddy* «мутный, тусклый» и др. Общий смысл всех этих понятий можно сформулировать как «нечистый, несветлый». Ю. Покорный выводит арм. *mut'* из ПИЕ **meut*, однако в словах с данной конструкцией частица *m-* может оказаться отрицательной частицей, от ПИЕ **mē*. А прямая, утвердительная форма может быть представлена в рус. *умро*, гот. *ūhtwō* «восход», и особенно в арм. *zut* (*զուտ*) «чистый». ПИЕ праформу этого корня можно восстановить как **(e)ut* «свет», который в арм. дает *ut'* «свет» (с отрицанием – **mē-eut* «темнота, не-свет»), или **ut*, что с усилительным префиксом *z-* дает *zut* (*զուտ*). Что касается потери придыхания конечной фонемы, то его возможность демонстрирует наличие диалектного *mut* (*մութ*):

С этнонимобразующим суффиксом *-i* (*-h*) данная форма *ut* может дать (по образцу *vrac-i* «ивериец», *asor-i* «сириец») *uti* «восточанин», а с топонимообразующим суффиксом *-q* – *Utiq* (страна восточан). Возможность такой интерпретации обосновывается также высокой частотностью прилагательного «восточный» (*սրհակյից*) в более поздней «Истории

¹ Надо заметить, что рус. *муть* М. Фасмер и П. Черных выводят из ПИЕ **menth* «мешать». Но данный корень хорошо соотносится только с глагольными формами: *мутить*, *смуцать* и производными из него существительными: *смута*, *мутовка*. Однако слово *муть* изначально является существительным, и вероятнее, что оно, и производное прилагательное *мутный* лишь внешне напоминают предыдущие слова и являются производными другого корня.

Албании» Мовсеса Дасхуранци: «Восточные страны», «восточные границы», «Восточное море» и др. То есть, возможно, термин *uti* первоначально не имел этнического значения и, скорее всего, обозначал всего лишь жителей восточных областей Великой Армении: первоначально, возможно, только армян. Но еще в античное время это понятие могло перейти на всех жителей к востоку от Армении, независимо от этнической и политико-административной принадлежности.

Конечно, это могло привести к путанице, что, видимо, и произошло. Античные авторы пишут о нескольких различных этнических образованиях к востоку от Армении, у берегов Каспийского моря, с созвучными названиями, от корней *ud/ut*¹. Но в дальнейшем, этот, по сути, экзоним мог быть присвоен какому-либо конкретному этносу, в данном случае – восточнокавказскому, который с течением времени мог бы принять его и в качестве *эндонима* – самоназвания. Естественно, что этот восточный этнос должен был быть к тому времени максимально похож на восточных армян. А таким этносом закономерно был бы какой-либо христианский этнос, в том числе и казказоязычный.

Кстати, в рамках изложенной версии, формирование этнонима *uti* напоминает процесс формирования самоназвания европейского этноса *австрийцев* (*Österreicher*), которое также первоначально означало «восточное государство».

В связи с этим обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Древнейшая известная нам форма названия *Утик* это греч. *Ὀττινη* (*Отэ-нэ*). Однако название другой восточной области Армении – Арцаха – нам известно не только в виде греч. *Ὀρχιστηνῆ* (*Орхистэнэ*), но и в клинописной форме, из надписи биаинийского царя *Сардурэ II*, в виде *Urtehini* (*Уртехини*). Основой этого слова является *Urteh*, корень которого, по видимому, *Urt*, а *-eh* – топонимообразующий суффикс, возможно, соответствовавший арм. *-q*. А в этом корне фонема *-r-* детерминатив, распространенный в армянских корнях, как например, в случае *Βασίλειος > Barsel'* (*Բարսիլի*)². В результате собственно корнем данного слова оказывается *Ut*. То есть оно совпадает с корнем названия *Утик*. Таким обра-

¹ См. А. А. Акопян, *Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках*, Ер., 1987, с. 77-80.

² Ср. *Չարափեղեգան Զ., Սեպագիր տեղանուններ (Այրարատում և հարակից նահանգներում)*, էջ 165, 234, 291:

зом, топонимы *Арцах* и *Утик* предстают, как две различные эволюционные формы одного корня, обозначающего понятие «восток». И, возможно, именно вследствие этого до нас не дошло клинописное представление топонима *Утик*, поскольку в то время эти две области рассматривались как единое целое, которое распалось позже. Если эта догадка верна, это разделение должно было произойти в промежутке приблизительно между концом клинописной эпохи и древнейшими античными упоминаниями двух армянских областей, т. е. в промежутке VII-I вв. до н. э.

Лезги

В этой форме данный этноним известен, по крайней мере, с XII века. Арабские авторы X в. упоминают царство *Ал-Лакз*. Рассказывая о населении Албании, Страбон, Плутарх сообщают о *легах* – *λήγες*, *legoi*. К ним наиболее близок этноним современных *лаков*, и на сегодняшний день их тоже принято считать потомками античных *легов*¹. Более-менее общепринятой этимологии для этих этнонимов не предложено. Наиболее известна попытка увязки этнонима *лак/лек* с осет. (и др. кавк.) *лаг* «человек» у В. Минорского² и В. Абаева³, а этноним *лакз* принимается уже как производная от *лак*. И наконец – *лезг(и)* как результат метатезы.

Согласно М. Г. Магомедову, «*Легами в закавказских источниках называют все народы Дагестана*»⁴. А И. Х. Абдуллаев считает, что название *лезги (лезгин)* «*совершенно чуждо дагестанским горцам*»⁵, что оно было общим для всех дагестанских народов, и только в новейшее время его стал использовать в качестве самоназвания один конкретный народ⁶.

Таким образом, налицо две группы этнонимов – *лег/лек/лак* и *лекз/лезг*, взаимосвязь между которыми необходимо выяснить. Первые фор-

¹ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда X-XI веков, Москва, 1963, с. 30.

² А. Л. Монгайт, Исторический комментарий к Абу Хамид Ал-Гаранти, Москва, 1971, с. 91.

³ В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. II, Ленинград, 1973, с. 19-21.

⁴ М. Г. Магомедов, История аварцев, Махачкала, 2005.

⁵ И. Х. Абдуллаев, К. Ш. Микаилов, К истории дагестанских этнонимов *лезг* и *лак*, – В кн.: Этнография имен, Москва, 1971, с. 13-26.

⁶ По: Р. Маршаев, Б. Бутаев, История лакцев, Махачкала, 1991.

мы в каждой группе сравнительно древние (античные или средневековые), а последняя – современная. Возможная связь обеих групп, учитывая, что *лаки* и *лезги* являются представителями одной языковой семьи (хоть и не одной группы), выглядит вполне вероятной, но, в общем, неясной. Самое очевидное предположение, это то, что появление пары *лекз/лезг* – результат метатезы, но неясно, который из вариантов первоначальный и каково происхождение фонемы -з. Предполагается, что это иранский суффикс -з, показывающий происхождение. Но почему существует еще и этноним *лак* – без этого суффикса? С другой стороны, метатеза характерна при смене языковой среды¹, т. е., если самоназвание лезгин именно *лезги*, то, скорее всего, это должно быть исходной формой, и результатом метатезы является именно *лекз*. Но тогда -з – уже не иранский суффикс. Если же вся последовательность: добавление -з, а затем метатеза *лек* > *лекз* > *лезг* произошла в персидском, то вследствие чего?

Учитывая вышесказанное, имеет смысл рассмотреть данные этнонимы с иной точки зрения. А именно, что обе группы этнонимов первоначально использовались в качестве собирательных экзонимов восточнокавказских народов, и только затем стали самоназваниями тех или иных конкретных этносов. В основе такого названия мог бы быть какой-либо признак, характеризующий все народы региона в целом. Одним из таких признаков является разноязычие и разнородность этнического состава населения, известная, по крайней мере, с античных времен. Особенно эта разнородность могла бросаться в глаза, контрастируя с соседней однородной, в языковом отношении, Арменией, наблюдателю с территории которой было бы естественно, не детализируя население Кавказа, назвать его собирательным термином, означающим *народы, нации, языки*. Этот последний термин в некоторых языках означает также и народ. Существовал он и в русском языке, до его вытеснения заимствованным *нация*: *язы́ки, язычники*. В армянском языке ему соответствует слово *lezu* (լէզու), множественное число – *leziq* (լէզուք).

При этом нужно учитывать, что, являясь производным ПИЕ корня **dnǵʰuā* он должен был дать в армянском *tandzu* (տանձու), но приобрел сегодняшнюю форму, оказавшись под влиянием ПИЕ корня **leiǵʰ* «лизать», который дает в армянском *lez* (լէզ). В данном случае, можно предположить, что в течение определенного исторического периода смысло-

¹ А. А. Реформатский, Введение в языковедение, Москва, 1967, с. 210.

вое значение «язык» мог полностью взять на себя корень *lez*. Форма его множественного числа – *lezq*. Под воздействием предыдущей *-z* произошло озвончение окончной фонемы, и слово приобрело вид *lezg*. В дальнейшем к корню был добавлен этнонимобразующий суффикс *-i* (*h*) (по образцу *vrac-i* «ивериец», *asor-i* «сириец»), и слово приобрело известную ныне форму *lezgi*. При этом вследствие перехода в иную языковую среду могла произойти метатеза – *legz*.

Но в таком случае получается, что вторая группа этнонимов произошла не от первой. Иными словами, *leg/lek* не является корнем *legz*, что может показаться неправдоподобным, поскольку на это указывают исторические, географические данные. Однако из того, что *leg/lek* не является корнем *legz*, еще не следует, что эти слова не связаны друг с другом. Связь могла быть на другом уровне. Как уже было сказано, палатовелярная звонкая придыхательная в ПИЕ **leiǵʰ* переходит в арм. *-z*, но для завершения фонетического перехода необходимо время. В древнейшие времена, когда переход не был завершен, ПИЕ **leiǵʰ* могло перейти в промежуточную форму **legʰ*, последняя фонема которой могла бы в дальнейшем передаваться соседними языками велярной звонкой *g* и сохраниться уже вне армянской языковой среды. Сам этноним должен был иметь форму множественного числа **legʰq* (**lʰqʰʰ*). В этом виде она и была зафиксирована у античных авторов в форме *λήγες*, *legoi*. Впоследствии, должно было произойти закономерное оглушение в конечной позиции: *legq* > *lek/lak*.

Таким образом, в рамках данной гипотезы, от слова, означающего «языки», в значении – «народы», в среде достаточно раннего периода существования армянского языка произошел экзоним *leg*, который был заимствован соседними языками, в качестве термина, обозначающего по крайней мере восточно-кавказские народы в целом. В дальнейшем, он закрепился за конкретным этносом, в т. ч. и в качестве самоназвания. Позже, когда в армянском языке произошел переход палатовелярной звонкой придыхательной в арм. *-z*, собирательный экзоним кавказских народов принял форму *lezq*. В этом виде он повторно был заимствован соседними языками, в т. ч. и с метатезой *legz/lakz*, и закрепился за конкретным этносом, но уже другим. Оглушение *g* > *k* могло произойти под воздействием уже существующей формы *lek/lak*. Однако необходимо особо заметить, что в рамках данной гипотезы, фонема *k* из *lak* и *k* из *lakz* это генетически две различные фонемы: первая произошла из кор-

невой фонемы ǰ^h , тогда как вторая – из окончания множественного числа -զ.

Как видим, этноним *лек/лезги* как и рассмотренный выше *ути* первоначально не имел определенного этнического значения и только в дальнейшем приобрел его и закрепился за конкретными этносами. Это несколько напоминает историю этнонима *немец*, который первоначально обозначал всех неславян, и лишь впоследствии закрепился за германцами. Хотя, в отличие от данного случая, он не стал их самоназванием.

Наконец, поскольку этот экзоним первоначально не имел этнического смысла, он мог закрепиться и за любым иным этносом, не только восточно-кавказским. Возможно, от него происходит и название иранского этноса *леков*. Еще одним этнонимом, производным от того же корня, может оказаться название западно-кавказского этноса *лазов* (по-армянски – *լազք* (լազք)). Кроме того, в числе армянских топонимов встречаются несколько созвучных *Lekq* (լէկք), *Lezq* (լէզք) и др. Была попытка связать первый – с этнонимом *лек*¹, а второй – традиционно выводится из понятия «лизать», и народная этимология связывает его с мифическими *аралезами* (*արալէզք*). Если верна предложенная гипотеза, то подобные топонимы могут быть свидетельством проживания в данном населенном месте смешанного иноязычного населения (но не какого-либо конкретного), которое выделялось на фоне однородного армянского населения.

¹ См. Կարազեղեղեան Յ., *Սեպագիր տեղանուններ (Այրարատում և հարակից նահանգներում)*, էջ 216:

Некоторые заметки о глиняной печати с армянской надписью, найденной в арцахском Тигранакерте

Благодаря открытиям последних лет в области политической истории, кодикологии, лингвистики, археологии, этнографии и социологии, албанистика вступила в новую исследовательскую фазу. В частности, в статьях первого тома научного сборника “Albania-Caucasica” (вышедшего в Москве в 2015 г. под редакцией А. А. Аликберова и М. С. Гаджиева), в котором подытожены материалы прошедших в Москве, Ереване и Баку научных конференций, намечены совершенно новые тенденции в интерпретации цивилизационного феномена Кавказской Албании (арм. Алуанка)¹.

Сказанное, в частности, относится к результатам раскопок, проведенных в разных областях страны Алуанк. Результаты этих раскопок освещают явления, подтверждающие или отрицающие локальную идентичность племен и народов той или иной страны. В этом контексте существенную роль играет анализ результатов раскопок Тигранакерта в провинции Арцах Великой Армении как весомых фактов и аргументов для изучения состава и историко-культурного облика части армянского этноса, проживающего в нижнем течении реки Хаченагет.

В ходе археологических раскопок городища Тигранакерт, начатых в 2006 г. (рук. экспедиции доктор ист. наук Г. С. Петросян), наряду с исследованием участков античного периода были проведены работы в Центральном квартале городища, насыщенном средневековыми культурными слоями, постройками и захоронениями. За период раскопок 2007-2009 гг. (археологи Г. Петросян, А. Жамкочян, архитектор Л. Киракосян) была расчищена раннесредневековая церковь значительных размеров (21,4×6,8 м), которая по своему композиционному плану, а также художественному облику капителей и других архитектурных деталей обнаруживает определенные связи с синхронными храмами центральной Армении в Текоре, Касахе, Еревуике (V-VI вв.).

¹ Ср. Г. Айвазян, К публикации научного сборника “Albania Caucasica”, – *ՉԷ*, 2015 (Գրինիս-եր.), с. 483-494.

Настоящая публикация посвящена изучению глиняной печати, обнаруженной близ северной стены названной церкви, на полу тянувшегося к западу двухметрового участка. Анализ печати систематизирован по следующим принципам: а) как проявление воли в укреплении христианского веры в Албанском царстве в период правления Вачагана II Благочестивого (Барепашта, 485-523)¹, с учетом всей территории одноименного марзпанства-царства со столицей в Капалаке-Кабале после 428 г.; б) полного доминирования армянского языка в Восточном Крае Армении и частичного в Собственно Албании к концу V – нач. VI в.; в) вещественного свидетельства историчности албанского царя Вачагана II Аршакида; г) печати как ценного памятника сфрагистики.

Дошедшие до нас сведения о печатях Албании-Алуанка весьма скудны. Известны только оттиски печатей с надписями на пехлеви с именами царей Арсвал'ена (Есвал'эн, Асвал'ен), Асая и неизвестного по имени “католикоса Арана и Баласакана”, которые довольно детально изучены и имеют широкое научное обращение².

Обнаруженная в результате раскопок Тигранакерта дисковидная глиняная печать (диаметр – 7,5-7,8 см, толщина – 0,5-1,0 см) как по технике изготовления, так и по тематико-смысловому содержанию надписи на армянском языке уникальна. Она изготовлена из каолина, на котором до обжига по сырой поверхности острым инструментом нанесен рисунок, в котором отражен канонический стиль эпохи (V-VI вв.) с элементами

¹ О нём подробно см.: Ա. Յակոբեան, «Վաչագանի լէպ»-ը եւ Արշակունեաց թագաւորութեան խնդիրը Գ-Ձ դարերի Աղուանքում, – ՀԱ, 2003 (Վիեննա-Եր.), սն. 45-142; Անանուն, Կեանք եւ վարք Վաչագանայ արքայի, Առաջաբանը եւ գրտա-քննական բնագիրը Ա. Յակոբեանի, – ՄՀ, հտ. Գ, 2 դար, Անթիլիսս, 2004, էջ 51-112:

² См.: М. С. Гаджиев, Гемма-печать царя Албании, – ВДИ, 2003, № 1, с. 102-119; он же, Атрибуция геммы-печати Великого католикоса Баласакана и вопрос очередности патриаршества владык Албанской церкви, – “Проблемы истории, филологии, культуры”, Вып. XIV, Магнитогорск, 2004, с. 465-479; Э. С. Хуршудян, Печать наследного принца Арана Асая, – “Commentationes Iranicae”, Сб. статей к 90-летию В. А. Лившица, Под ред. С. Р. Тохтасьева и П. Б. Лурье, СПб., 2013, с. 191-201; О. Хорикян, Печать «Великого Католикоса Албании и Баласакана», – “Иран-наме”. Научный востоковедческий журнал, Алматы, 2014, № 3-4, с. 363-366.

христианской символики и иконографического типа фигуры властителя. Известно, что возведенный на албанский трон в 485 г. сасанидским царем царей Валаршем (Балаш, 484-488) Вачаган II Аршакид должен был следовать традициям иранской культуры, что и нашло свое отражение в определенном иконографическом каноне. Тигранакертская печать выполнена в художественном стиле сасанидских монет с изображением правителя на лицевой стороне, а на оборотной – вписанным в круг равносторонним крестом – символом христианства. У правителя овальное лицо, большие миндалевидные глаза, маленький рот, короткие усы и борода. Атрибуты царской власти, одежда, плащ, лента не просматриваются (возможно, после того, как диск попал в огонь). Видны детали головного убора, однако невозможно определить, это корона или шапка. Выполненный схематическим рисунком равносторонний крест на круглом поле диска соответствует художественному стилю V-VII вв. Постепенно расширяющиеся от средокрестия крылья креста завершаются округлыми окончаниями. Благодаря прочерченным линиям в поле между крыльями креста, получен растительный узор в виде четырехлепестковой розетки. Разнообразие вариантов в изображении креста в декоре культовых зданий Арцах периода раннего средневековья было продиктовано необходимостью укрепления христианского вероучения в этом регионе. Аналогичные изображения креста были одним из распространенных декоративных элементов на капителях, базах колонн, стенах абсид и других центральных частях церковных зданий. Обширный сравнительный художественный анализ скульптурного декора арцахских культовых зданий выходит за рамки нашей статьи, однако близкий вариант равностороннего креста, изображенного на тигранакертской печати, мы видим в центре притолок церковей Байбурда (Западная Армения) и селения Парпи в области (гаваре) Арагацотн (Центральная Армения), датируемых V-VII вв.¹ Наиболее близкая аналогия встречается на капители колонны, найденной внутри базилики Тигранакерта². В этом случае крест вписан не в

1 **Петросян Г.**, Хачкар. Генезис, функции, иконография, символика, Ер., 2008 (на арм.яз.), с. 32, Рис. 24, с. 33, Рис. 26.

2 **H. Petrosyan, L. Kirakosyan, V. Safaryan, A. Zhamkochyan, R. Vardanyan, I. Karapetyan, T. Vartanesova**, The discovery and first results of archeological investigation in Artsakh, 2005-2009, – “Archaeology of Armenia in regional context”: Proceedings of the International conference dedicated to the 50th anniversary of the

линейный круг, а в поле, образованное точечной гирляндой, которая характерна для сасанидского искусства V-VII вв. и встречается на различных образцах серебряных монет и изделий художественного металла¹. Проходящий по верхней части капители орнамент, состоящий из мелких растительно-геометрических элементов, является одним из стилистических вариантов гирлянды. По обеим сторонам креста изображены виноградные гроздья с окружающими их изогнутыми стеблями. Различные варианты этого орнамента повсеместно встречаются в настенных рельефах культовых архитектурных сооружений и памятников V-VII вв. (город Двин, церковь Циранавор в Аштараке и т.д.).

Подытоживая вышеприведенные примеры этого сюжета и, в частности, сходство изображений креста на тигранакертской капители и глиняной печати, отметим, что равносторонний крест занимал прочное место в культуре Арцаха указанного времени. Что касается вопроса об истоках подобной тематики, вокруг которого возникли различные теории о сирийском² или византийском происхождении, то для нас приемлемой является точка зрения А. Ю. Казаряна³ по следующим причинам: а) до нач. VII в. церкви Албании и Иверии (Грузии) были в известной мере подчинены армянской автокефалии; б) сходство христианских композиций и декоративных моделей Христианского Востока; г) передвижения представителей архитектурных школ внутри региона, которые наряду с общностью стиля в декоре зданий часто вносили свой местный самобытный художественный почерк. Таким образом, универсализм формулы Христианского Востока обоснован не только духовной сферой и ее нормами, но и материальной культурой и искусством (о чём свидетельствует тигранакертская печать), и как Армения, так и ее северо-восточная окраина

Institute of Archaeology and Ethnography (Yerevan, September 15-17, 2009), Yerevan, 2012, p. 234, fig. 18.

¹ **К. В. Тревер, В. Г. Луконин**, Сасанидское серебро, Москва-Ленинград, 1987, Рис. 35, 38; **Е. Khurshudian, A. Zohrabian**, Sassanian coins of Armenia, Almaty, 2002.

² **Март Н.**, Ереруйская базилика (армянский храм V-VII вв. в окрестностях Ани), Ер., 1968, с. 32; **А. Л. Якобсон**, Армения и Сирия, Архитектурные сопоставления, – ВВ, Т. IV (37), Москва, 1976, с. 204.

³ **А. Казарян**, Архитектура Армении V-VII вв. и раннехристианское зодчество Каппадокии, Киликии и Исаурии, – В кн.: “Армения и Христианский Восток”, Ер., 2000, с. 247.

– Арцах, вносили свой значительный вклад в архитектуру и искусство христианского мира.

Отдельные образцы глиняных печатей известны только из раскопок селения Бабараб и Изгант в 35 км к северо-западу от Ашхабада (Туркменистан) и в округе крепости Беркут-Кале в Центральной Азии¹ (табл. IV, рис. 3). Прimitивные по содержанию и используемые в быту эти печати важны для нас только по факту того, что были найдены среди сасанидских изделий V-VI вв. и датируются указанным временем.

Другой важной особенностью нашей печати является надпись на армянском, которая с самого начала оказалась в центре нашего внимания. Она детально исследована руководителем экспедиции Г. Петросяном, который предложил два варианта прочтения (перевод на русский наш)².

а) Я, / Вач/э/, раб Господа / Бога

б) Я, Вач/аган/, раб / Господа / Бога

Исходя из определенных соображений, в ходе исследования печати мы следовали второму варианту прочтения. В первую очередь, мы обратили внимание на формулировку надписи. Выражающая смирение форма “РАБ ГОСПОДЕНЬ (Божий)” в эпиграфике Центральной Армении впервые встречается в надписях Аванского храма в форме “Владыка Езр, католикос армян, верный раб Божий”, “Самэл, слуга Христа” (633 г.)³. Подобная надпись известна несколько позже в Византии на монетах императора Юстиниана II (685-695, 705-711). Авторы, опубликовавшие эту надпись, не указывают источник и при этом считают, что данная формула впервые была использована арабами⁴, с чем нельзя согласиться.

В результате наших изысканий выяснилось, что могильные плиты с арабской надписью “Раб божий” ранее X века не известны и встречаются

¹ А. Росляков, Глиняная печать из села Изгант, – “Труды” Южно-Туркменистанской археологической экспедиции, № 5, Ашхабад, 1955, с. 104-106; С. П. Толстов, Древний Хорезм, Опыт историко-археологического исследования, Москва, 1948, Табл.8/1 и 84/3.

² Г. Петросян, А. Жамкочян, Диск с армянскими надписями из арцахского Тигранакерта, – ИФЖ, 2009, № 1 (на арм. яз.), с. 166-176.

³ См. К. Кафадарян, Ереван, Средневековые памятники и надписи, Ер., 1975 (на арм. яз.), с. 191, Рис.139, надпись 194.

⁴ А. Berlinger, P. Grierson, Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whitettenmore collection, Washington, 1968, p. 100.

ся на территории Северного Кавказа¹. В результате датировки тигранакертской надписи (V-VI вв.) и более поздней аванской надписи (VII в.) становится очевидно, что стереотипная формула “Слуга Господа” имеет армянский характер. Наряду с формой “Раб Божий”, принятой в эпиграфических надписях Арцаха, использовалась также форма “Раб/раба Христа” (“ВОЛЕЮ БОЖЬЕЙ, Я, ВАХТАНГ, СЫН СМБАТА РАБА...”², “ВЛАДЫКА МКРТИЧ, РАБ БОЖИЙ...”³; “РАБА ХРИСТА, ДАРОМ ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ ГОСПОДА И СЫНА ЕГО ЕДИНОРОДНОГО ИИСУСА ХРИСТА ... Я, АРЗУХАТУН, РАБА ХРИСТА”)⁴.

Указанная формула непрерывно повторялась на протяжении долгого времени вплоть до надписей на киликийских монетах⁵. На монетах киликийского князя и будущего основателя Армянского царства Киликии Левона II (1187-1198) встречается надпись “ЛЕВОН, РАБ БОЖИЙ”⁶. Эта формула надписи очевидно была выбрана для того, чтобы отличать ее от формы надписей “ПОМОЩЬЮ БОЖЬЕЙ”, зафиксированной на монетах киликийских царей⁷.

Применение. Известно, что перстни-печати имели важное значение в решении экономических, политических и теологических проблем и задач. Геммы с вырезанными на них различными сюжетами вставлялись в гнезда перстней, которыми заверяли различные документы, государственные решения по внешним и внутренним вопросам страны, различные торговые лицензии, личные переписки, послания и т. д. Такие документы известны из раскопок и личных коллекций⁸. В армянской историо-

¹ Эпиграфические памятники Северного Кавказа X-XIII вв. На арабском, персидском, турецком языках. Ред. **Л. И. Лавров**, ч. I, Москва, 1966, с. 70-80, 131.

² Корпус армянских надписей, Вып. V, Арцах, Ер., 1982 (на арм. яз.), с. 202, № 715.

³ Там же, с. 238, № 857.

⁴ Там же, с. 199, № 708.

⁵ **P. Grierson**, From Phocas to Theodoros, III, Vol. 2, Part 2, Washington, 1968, p. 340.

⁶ **R. Vardanyan**, Silloge Nummorum Armenorum Armenia, Yerevan, History museum of Armenia, Cilicia, Vol. I, Yerevan, 2014, p. 18.

⁷ Там же, с. 202.

⁸ См., к примеру, **А. Калантарян**, Раннесредневековые буллы Двина, (Археологические памятники Армении, Вып. V), Ер., 1982, № 13.

графии упоминаются типы печатей с различными титулами – царскими, католикосскими, епископскими, очерчивающими сферу деятельности, духовный сан, юридический статус владельца и т. д. В дополнение отметим, что с помощью случайно найденного на территории Еревана золотого перстня-печати с армянской надписью “Помощь моя от Креста” специалисты (Э. Хуршудян, Н. Акопян) смогли обосновать достоверность письменных источников¹.

С упразднением в Армении династии Аршакидов в 428 г., Сасанидами было сформировано марзпанство Алуанка (Арана) с включением в него Восточного Края Армении и со своеобразной политической структурой, при которой в Собственно Албании сохранялась царская (Аршакидская), а в Арцахе и Утике – местная княжеская (нахарарская) власть. Через несколько десятилетий и после около четвертьвекового “бесцарствия”, связанного с поражением восстания албанского царя Вачэ II в 461/462 году (“Повесть о Вачагане” – анонимный армянский источник самого начала VI в., дословно переписанный в X веке Мовсэсом Дасхуранци в свою “Историю Албании”, – называет этот промежуток “бесцарствия” “тридцатилетним”) царь царей Валарш (Балаш) Сасанид назначил на албанский трон Вачагана II Аршакида (485-523), которому, по всей вероятности, были даны соответствующие его титулу царские символы – головной убор (кулах), пояс и перстень-печать (мухр)².

В целях уничтожения следов насильственного вероотступничества, неприемлемых для христианства обычаев и беспорядков в общественной жизни, унаследованных от времени четвертьвекового деспотического правления царя царей Пероза, а также для утверждения национальных, культурных традиций и вероисповедания армян правобережья Куры, более преданных христианству, чем разноплеменное собственно-албанское население левобережья Куры, усилиями Вачагана II Благочестивого был созван церковный собор в Алуэне (на правобережье), на котором были приняты программные документы уставного порядка. Обсуждение вопросов, связанных со временем созыва и принятием постановления Алуэнского собора, к которым в свое время обращались авторитетные иссле-

¹ Э. Хуршудян, Н. Акопян, Сасанидский золотой перстень с геммой на древнеармянском (V-VII вв.), – В сб.: “Страны и народы Ближнего и Среднего Востока” (*Միլիտ*), Т. XVIII, Ер., 1999, с. 182-193.

² Ср. А. Борисов, В. Луконин, Сасанидские геммы, Москва, 1963, с. 22.

дователи (Н. Акинян, Я. Манандян, Б. Улубабян, С. Ованнисян, Г. Свазян, А. Акопян и многие другие), выходит за рамки настоящей статьи. Но всё же, отметим, что постановление Собора, ныне датируемого серединой 510-х годов, с уникальным списком его участников (у Мовсеса Дасхуранци и в армянской “Книге канонов”; критический текст издан А. А. Акопяном в антологии “Матенагирк hАйоц” в 2004 г.)¹, имеет для нас важное значение, как ценный первоисточник. В списке участников отмечен и сам Вачаган Благочестивый, председательствовавший на соборе, который обладал перстнем-печатью. Вот данный отрывок:

“Эти условия установили епископы, иереи и азаты в присутствии царя. Устами нашими – епископов, иереев и всей церкви да будут благословенны царь и царица с чадом своим, и остальные [миряне], присутствующие на этом соборе, да будут благословенны.

К этому предписанию свои перстни приложили: полководец царский Муцик, назарапет Мирфориц, родоначальники: Марут, Тиразд, Аспаракос, Шама, Бакур, Аратан, Аршес, Вардан Храбрый, владетель Гардмана Хурс, Германосан, Хосгеан, наһапет Фирог и все [другие] наһапеты и азаты Алуанка. И для пущего подтверждения грамоты к ней приложен и перстень Вачагана, царя Алуанка”².

Несмотря на то, что из вышеприведенного фрагмента сложно делать какие-либо выводы и сопоставления с известными нам печатями, однако упоминаемая печать должна была в какой-то степени быть близка к тигранакертской, так как в эпоху Сасанидов иконография изображений на перстнях и монетах была строго канонизированной. На лицевой стороне изображался царь, на оборотной – культовые атрибуты, подчеркивающие статус правителя, что мы как раз видим на тигранакертской печати.

Возвращаясь к функциям этой печати, мы считаем возможным предложить гипотезу о том, что Вачаган Благочестивый, стремясь восстано-

¹ См. Վաչագան Աղուանից արքայ, *Սահմանադրութիւն կանոնական՝ եղեալ ի ժողովոյն, որ յԱղուէնն եղել, Գրտա-քննական բնագիրը՝ Ա. Յակոբեանի, – ՄՀ, հտ. Գ, 2 դար, Անթիլիաս, 2004, էջ 127-140:*

² Վաչագան Աղուանից արքայ, *Սահմանադրութիւն կանոնական, էջ 140;* Мовсэс Каланкатуаци, История страны Алуанк, Пер. с древнеармянского, предисловие и комментарий **Ш. В. Смбацяна**, Ер., 1984, с. 59-60 (кн. I, гл. 26); The History of the Caucasian Albanians by **Movsēs Daxsurançi**, Translated by **C. J. F. Dowsett**, Oxford-London, 1961, p. 54.

вить ослабленные позиции христианской веры, приступил к строительству церквей (согласно автору X в. Мовсес Дасхуранци, “из них [царей Албании] один только Вачаган Благочестивый построил церквей в Восточном [Крае] по числу дней в году”¹), с заложенными в их фундамент мощами святых, вероятно, запечатывая их собственной печатью. В случае тигранакертской печати это сделать невозможно, поскольку перстни-печати изготавливались из полудрагоценных твердых камней для оттисков на глине, тигранакертская же печать выполнена из глины и из-за хрупкости материала не могла быть использована для оттискивания. Следовательно, мы полагаем, что тигранакертская печать с именем верного сподвижника и проповедника христианского вероучения Вачагана Благочестивого лишь прикреплялась к ковчежцу (скинии); как было сказано выше, сохранились два сквозных отверстия верхней части диска.

В армянской историографии сохранились многочисленные сведения о традиции запечатывания святых мощей. Об одном из этих ритуалов историк Корюн пишет: “И там, в часовне мучеников, с благовонным ладаном положили [тело] святого [Маштоца] в гроб и, *осенив знамением Христа*², отслужили над ним установленную панихиду, и затем каждый [из армянских князей] возвратился [к себе домой]”³. Автор “Истории Албании” Мовсэс Дасхуранци и его источники (в том числе “Повесть о Вачагане”) придавали особое значение святым мощам, приводя в качестве примера эту сферу деятельности великого христианского поборника Вачагана Благочестивого. Последний использовал обычай закладывания мощей в фундамент построенной им той или иной церкви в качестве своеобразного способа проповедывания христианского вероучения. В целях полного искоренения неприемлемых для христианства ересей,

¹ Мовсэс Каланкатуаци, кн. III, гл. 23, с. 169.

² В этом русском переводе Ш. В. Смбабяном и К. А. Мелик-Оганджяняном, на наш взгляд, допущена ошибка. В отмеченном предложении фразу «*Կնքեալ քրիստոսական կնքովն*» (см. Կորյուն, Վարք Մաշտոցի, բնագիրը, ձեռագրական այլ ընթերցվածներով, թարգմանություններ, առաջաբանով եւ ծանոթագրություններով ի ձեռն արոճ. դ-ր Մ. Աբեղյանի, Եր., 1941, ԻԳ, 15) скорее следует переводить: “запечатали христой, монограммой Христа”.

³ Корюн, Житие Маштоца, Пер. Ш. В. Смбабяна и К. А. Мелик-Оганджяняна, Ер., 1962, гл. 24, с. 116-117.

обычаев и следов зороастризма, сохранившихся со времен язычества при владычестве Сасанидов, царь Вачаган II Аршакид проводил целенаправленную программу по распространению и укреплению христианства. В ее рамках он, в частности, перевез из собственно Армении в Албанию мощи “армянских” святых Гаянэ и Рипсимэ, а также организовал поиск мощей “алуанских” святых Захарии, Пандалеона, Григориса, и вновь обретенные мощи закладывались в фундаменты новых церквей. Об этом свидетельствуют многочисленные красочные описания в тексте Мовсеса Дасхуранци, которые, на наш взгляд, не лишены исторической аутентичности. Так: “Остальные мощи с великой осторожностью он [царь] запечатал своим перстнем и велел хранить в чистой и роскошной комнате...”¹. В другом случае историк описывает ковчежец следующими словами: “Обернув мощи святых в разные царские одеяния, положили их со множеством благоухающих цветов и ладаном под обитый ярко-красной кожей и белым полотном балдахин святых, над которым возвышался золотой крест, весь усыпанный драгоценными камнями”². В данном фрагменте повествования описывается сам ковчежец, а в предыдущем – ритуал запечатывания мощей.

Итак, если принять за реальный факт то обстоятельство, что тигранокертская печать использовалась в качестве печати для ковчежца, то в таком случае, где же искать сам ковчежец?

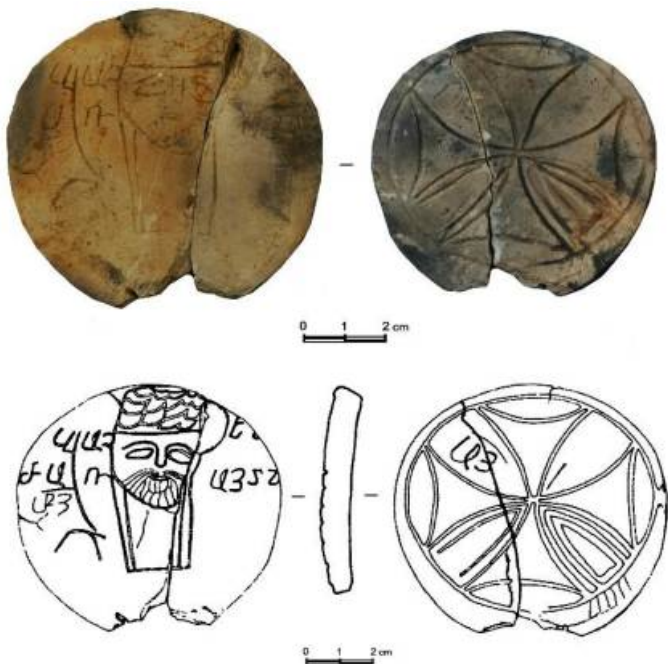
В результате раскопок выяснилось, что церковь была действующей до сер. IX в., когда войска арабского полководца Буги полностью опустошили край и разрушили церковь, в которой, несомненно, хранилась роскошная церковная утварь, в том числе и предполагаемый нами ковчежец. В ходе раскопок не обнаружено никаких предметов церковной утвари. Более того, на вымостке церкви был обнаружен помещенный на очаге кувшин, датируемый IX веком и превращенный в ступу один из тесаных камней из стен церкви, что свидетельствует о том, что в указанное время церковь использовалась в качестве жилища. Обилие глазурованной и кухонной керамики, найденной повсеместно на территории церкви свидетельствует о том, что в ней обосновалось нехристианское население. Особенно надо отметить, что обнаруженная здесь в большом количестве глазурованная керамика IX в. как по техническим качествам,

¹ Мовсэс Каланкатуаци, кн. I, гл. 23, с. 56.

² Там же, кн. I, гл. 21, с. 49.

так и художественным признакам занимает особое место среди керамики всего Закавказья и находит ближайшие аналогии в Орен Кале¹.

Подытоживая наши предположения о тигранакертской печати на основе комплексных данных о конструктивных особенностях, скульптурных деталях и данных исторических исследований о царе Вачагане II Благочестивом (Б. Улубабян, А. Акопян, Г. Свазян), можно заключить, что она датируется V-VI веками. Армянская надпись с упоминанием исторической личности Вачагана II является материальным доказательством для фиксации факта преобладания армянского этноса в Восточном Крае Армении. При этом данная печать, как и другие образцы, относящиеся к печатям Алуанка, является важным первоисточником для освещения проблем истории и вероисповедания во всём регионе.

¹ Ср. А. Якобсон, Художественная керамика Байлакана (Орен Кала) (по материалам раскопок 1953-1955 гг.), – “Труды” Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции, Т. 1, МИА, № 67, табл. I, II, XIII, XIV, XV.

A structural approach to the ethnogenesis of Azerbaijanis

Abstract

This article deals with the problem of ethnogenesis of Azerbaijanis. Despite the existence of different approaches to this issue, this article attempts to trace the ethnogenesis of Azerbaijanis on the basis of the scheme of ethnogenesis proposed by Soviet ethnologist M. Kryukov. It should be noted that there is no definite and universally recognised scheme of ethnogenesis in ethnology. For this reason, we chose an approach that basically corresponds to the historical development of the modern Azerbaijani population in the last few centuries. However, the study of specific ethno-political events in East Transcaucasia has made it possible to make certain changes to the original scheme of the ethno-formation process. In particular, we are talking about the problem of breaking the natural chronological sequence between the consolidation of the ethnonym “Azerbaijani” and the creation of Azerbaijani ethnic identity. Theoretically, the creation of the ethnonym should follow the creation of identity, but in this case the reverse process takes place.

Introduction

In ethnography, there are many approaches to the question of the formation of ethnicities. They differ from each other both in terms of different and sometimes diametrically opposed approaches to the concepts of ethnicity and nation, as well as in the assessment of the role of the factors of ethnoformation.

Soviet ethnologist M. V. Kryukov proposed a diagram of ethnoformation, which consists of the following categories: A – ethno-structuring factors, B – expressions of ethnicity, C – ethnic identity, and D – ethnonym¹. These components are hierarchically dependent on each other, i. e. the final point of ethno-formation is considered to be the creation of an ethnonym derived from ethnic identity. Based on the above, in our version of the ethnogenesis of Azerbaijanis, a correction was made based on the substantive objective sequence of historical events.

¹ **М. В. Крюков**, Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза, – “Расы и народы”: Ежегодник, № 6, Москва, 1976, с. 61.

If in the normal process of ethnoformation, components A, B, C, D should follow each other in a logical and chronological sequence, then in the case of Azerbaijanis, components A and B are chronologically followed by D (the ethnonym “Azerbaijanis”), then components B and D condition C – creation and construction of ethnic identity. For a deep and comprehensive interpretation of the problem, it is necessary to refer to all categories and their underlying components.

A – Ethnoforming factors

First stage suggested by M. Kryukov is ethnoforming factors (A). In the case of Azerbaijanis, we considered the following realities as ethnoforming factors: Inflow of Türkic-Oghuz tribes into the Eastern Transcaucasia (14th-15th centuries, 16th-17th centuries), Islam, Turkic language, establishment of Russian rule at the beginning of the 19th century, transition from a nomadic lifestyle to a sedentary (mostly), emergence of Muslim intellectual class in the second half of the 19th century (the beginning of the search for ethnic identity), predominance of written Türkic culture (creation of Muslim press and literature), Armenian-Tatar clashes in 1905-1906.

The 19th century can be considered as the beginning of active ethnic processes among the Türkic-speaking Muslim population in the Eastern Transcaucasia. At the beginning of the 19th century, the Eastern Transcaucasia was administratively and politically composed of the khanates of Ganja (Gandzak), Baku, Ghuba, Shirvan, Shaki and Talish, which were semi-independent from Persia. As a result of the ethnic movements that took place during the previous centuries, a number of Türkic, Turkmen and Oghuz tribes settled next to the Iranian-speaking peoples (Talishs, Tats, Persians), and the native Caucasian speakers (Udis, Lezgis, Avars and others).

The most famous of the tribes of Türkic, Turkmen and Oghuz origins were Paddar¹, Ayrum², Shahsevan³, Kengerli¹, Mughanlu², Teqellu³, Shamlu⁴, Bayat⁵, Af-

1 **Г. Д. Агаев**, Данные этнотопонимии о расселении тюркоязычных племён в Азербайджане XI-XV вв., Этническая ономастика, М., 1984, с. 148; **Рашид-ад-Дин**, Сборник летописей, Т. I, Москва-Ленинград, Изд. АН СССР, 1946, кн. I, гл. 88.

2 **А. Бакиханов**, Гюлистан-Ирам, Баку, “III-й интернационал”, 1926, с. 66; **В. Кобычев**, Айрумы (К вопросу о происхождении этнонима), – СЭ, № 3, 1962, с. 140.

3 История Азербайджана, т. I, Баку, 1963, с. 266; **R. Tapper**, Shahsevan in Safavid Persia, – BSOAS, Vol. 37, № 2, London, 1974, p. 331; **J. Malcolm**, The History of Persia: From the Most Early Period to the Present Time, Vol. 1, London, 1829, p. 369.

shar⁶, Khajar⁷. The influx of these tribes into Eastern Transcaucasia began in the 11th century with the Seljuk invasions⁸. Then, in the 13th century the new influx was happened connected with the Mongol invasions⁹, but a sharp increase in political influence of Türkic tribes in the region took place in the 14th-15th centuries as a result of the supremacy of the Aq Qoyunlu and Qara Qoyunlu states and the Timur Lenk's invasions¹⁰. But these mass of Turkic speaking population wasn't a homogenous ethnicity. It's rather a conglomerate of peoples and tribes united only by a linguistic feature – a common Türkic spoken language. Therefore, not only a certain ethnic identity, but also a proper ethnonym, which could be acceptable for all members of that community, was absent.

Due to the nomadic and semi-nomadic way of life, these tribes kept their tribal names and tribal identity for a long time in combination with Shia Islam. They lac-

1 EI, Vol. XV, Fasc. 5, 2010, p. 495. URL: KANGARLU – Encyclopaedia Iranica (iranicaonline.org) (date of circulation: 05.10. 2023).

2 **И. Г. Гербер**, Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728, – В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы, Под ред. **М. О. Косвена** и **Х. М. Хашаева**, Москва, 1958, с. 100-101.

3 Islam ansiklopedisi, Cilt 40, 2011, Istanbul: Türkiye Diyanet Vakfı, 606, s. 348.

4 **И. П. Петрушевский**, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв., Ленинград, 1949, с. 197.

5 EI, Vol. III, Fasc. 8, 1988, p. 882-884: URL: BAYĀT – Encyclopaedia Iranica (iranicaonline.org) (date of circulation: 05.10. 2023); Islam ansiklopedisi, Cilt 1, 1988, Istanbul: Türkiye Diyanet Vakfı, p. 373- 390.

6 **Рашид-ад-Дин**, Сборник летописей с. 89-90, Islam ansiklopedisi, Cilt 4, 1991, Istanbul: Türkiye Diyanet Vakfı, p. 160.

7 **И. П. Петрушевский**, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении с. 95; **А. Бакиханов**, Гюлистан-и Ирам, с. 172; **J. Woods**, The Aqquyunlu (clan, confederation, empire), The University of Utah press, 1999, p. 195.

8 **С. Г. Агаджанов**, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв., Ашхабад, 1969, с. 6, 212; **В. Ф. Минорский**, История Ширвана и Дербенда X-XI вв., Москва, Изд. восточной литературы, 1963, с. 60.

9 **С. Г. Агаджанов**, Очерки истории огузов..., с. 255.

10 **И. П. Петрушевский**, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, с. 66.

ked a common proper name, and “Qizilbash”, being the name of a tribal union on political grounds, did not turn into a ethnonym¹. The establishment of Russian rule over the region brought new administrative, economic, socio-cultural changes.

With the establishment of Russian rule, an identity crisis arose among the local Muslim population². An inevitable process of ethno-political “crystallization” began among a rather large ethnic mass separated from its former state and deprived of a dominant position in that ethno-political structure³. The Russian regime tried in every possible way to separate the Muslims from the Iranian environment. One of the steps taken in this direction was to encourage the written Turkic language. The expression and consequence of this aspiration was the emergence of a new Muslim intelligentsia in the second half of the 19th century, which created a new Turkic-language literature and press⁴. The latter became one of the important components of the process of ethno-unification of the Muslims of the Eastern Transcaucasia, along with religion.

With the establishment of Russian rule, the approach of dividing the population based on religion was also introduced. The word “Muslim” referring to all Türkic speaking population, began to turn from a confessional name into a kind of ethnonym. The Russian regime generally called the tribes of Türkic origin “Tatars” or

¹ In this commonality of tribes, there was a preliminary manifestation of the “us-them” contrast, the two main indicators of which were language and religion. The spoken language of these tribes was the Turkic language, and although the latter were religiously Shia, like the Persians, they differed from the latter in their spoken language, and they differed from the Ottoman Turks based on religion, the Sunni-Shia contrast, and waged an irreconcilable military struggle with the latter for several centuries.

² See: **Е.-М. Аух**, Между приспособлением и самоутверждением. Ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и возникновение нового общества на юго-восточном Кавказе (1875-1905 гг.), Азербайджан и Россия: общества и государства, Москва, 2001, с. 50.

³ **Д. Бабаян**, Формирование азербайджанского народа (от татаризации до азербайджанизации) в контексте административно-территориальной и этнонациональной геополитики в Закавказье в XIX-XX вв., – “Страны и народы Ближнего и Среднего Востока” (*Ünvan*), т. XXXII (1), с. 173.

⁴ **A. Aşırılı**, Azərbaycan mətbuatı tarixi: 1875-1920, Bakı, 2009; **A. Şahverdiyev**, Azərbaycan mətbuatı tarixi, 2006, Bakı, Təhsil nəşriyyatı, 2006.

“Caucasian Tatars”, “Azerbaijani Türks”, so the common name “Tatar” given to these tribes can be considered an exoethnonym¹.

The Armenian-Tatar military conflicts of 1905-1906 also created new realities for the new manifestations of the identity of the Muslims of the Eastern Transcaucasia. At the given historical period, Armenophobia became one of the important factors of their ethnic crystallization². Due to this conflict all Transcaucasian Tatars began to understand that they belong to one tribe and are connected to each other by close ties. Of course, the main ideological factor of unity continued to be religion, on the basis of which the "us-them" distinction was strengthened. Inter-ethnic conflicts gave that distinction a content of ethnic enmity.

At this stage, the Turkic-speaking Muslim community can be defined as a meta-ethno-cultural community, localized in the Eastern Transcaucasia with a sense of religious identity, but without a common proper name.

B – Expressions of ethnicity

Second stage of ethnoformation of Azerbaijanis was deeply related to the issues of previous stage. At this stage, we see not only and not so much chronologically following realities, as in the first stage, but a set of simultaneously expressed phenomena, the components of which were the followings; understanding the “us-them” dichotomy, creating the character of common enemy – Armenophobia, emergence of political nationalism, creation of a state called Azerbaijan.

Within the Türkic tribes there was a preliminary manifestation “us-them” dichotomy based on religion and language. They differ from Persians by spoken language, and by Shia Islam from Sunny Ottoman Turks. The Russian regime, in turn, contributed to the clarification of the “us-them” differentiation among the Muslims. The creation of common enemy was a consequence of Armenian-Tatar military conflict. In the ethnic psychology, the image of enemy turned into a means of community unification. This unification acquired the character of systemic Armenophobia. It is not difficult to notice that this ethno-unifying factor continues to work more strongly until today.

1 Գ. Մխիթարյան, *Արեւելյան Այսրկովկասի վարչաքաղաքական կազմավորումները ԺԸ դարի երկրորդ կեսին*, Եր., 2018, էջ 36:

2 Թ. Ռ. Վարդանյան, *Ազգամիջյան հակամարտությունը որպես էթնիկ ինքնությունից ձևավորման գործոն (1905-1906 թթ. Հայ-թաթարական ընդհարումների օրինակով)*, – ԼՀԳ, 2003, N° 1, էջ 90:

The other issue was also worth to mention. At the beginning of the 20th century, a new class of intellectuals appeared which politicized the previously discussed issues within the framework of political ideologies. The new formed political currents can be conventionally divided into three groups: social-democratic, liberal and nationalist. Although it is necessary to use the term “nationalist” with a little reservation, considering the fact that “pure nationalism” did not exist in the political environment of Transcaucasian Muslims. Several nationalist parties were created, which were influenced by the extreme nationalist ideologies of Pan-Türkism and Pan-Islamism, which were popular at the given historical moment¹. The creation of the state of Azerbaijan can be considered a development of this initial political nationalism, although the creation of the independent states of the Transcaucasia was really conditioned by the collapse of the Russian Empire and the military and political developments in the Caucasian front of the First World War². The creation of the People’s republic of Azerbaijan, which happened on 28th May 1918³ had a great importance in politogenetic and ethnogenetic developments of Transcaucasian Muslims. 1918-1920 a new nation was not created in Azerbaijan, but the foundations of a new state formation were laid, the creation of which radically changed the geopolitics and history of the Caucasus and the Middle East⁴. The emergence of the state also raised nationalism and its application to a new level⁵. During this period (1918-1920), the population of Azerbaijan did not receive the official name

¹ The first political organizations of a nationalist nature were “Heirat”, “Difai”, “Mudafiye”, “Musavat, whose programs clearly expressed the tenets of extreme pan-Islamism and the tendency towards pan-Türkism (**M. Z. Mirza-bala**, Milli Azərbaycan hərəkeri: Milli Az. “Müsavat” halk fırkası tarihi, Berlin, Fırka divan tərəfindən nəşr olunmuşdur, 1938, s. 58-59; **N. Yaqublu**, Müsavat partiyasının tarixi, Bakı, 2012, s. 33).

² See: **В. Муханов, В. Волхонский**, По следам Азербайджанской Демократической Республики, Москва, 2007; **В. Муханов**, Кавказ в переломную минуту (1917-1921), Москва, “Модест Колеров”, 2019.

³ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920), Баку, 1998, с. 39; **А. Ə. Paşayev**, Zaqafqaziya seyminin Müsəlman fraksiyası və Azərbaycan Milli Şurası iclaslarının protokolları 1918-ci il, Bakı, “Adiloğlu” nəşriyyatı, 2006, s. 63.

⁴ **Д. Бабаян**, Формирование азербайджанского народа..., с. 209:

⁵ **О. Valiev**, Tarih ve bilgi: Azərbaycan millietçiliğinin epistemik tahlili, Falsafe və sosial-siyasi elmlər, 2021, № 1, s. 45.

“Azerbaijani”, and the Türkic-speaking Muslim population continued to be called Türks or Turks. Muslims continued to identify themselves by religion. This was also expressed during the creation of national councils, when in 1918 Armenian and Georgian national councils were created, but the national council representing the Muslims of the region was not called Türkic or Tatar, but Muslim.

This set of prerequisites (establishment of Russian rule, emergence of intelligentsia, creation of Türkic language literature and press, manifestation of Armenophobia, emergence of political currents, the emergence of a state), which as a whole constitutes the first two stages of ethno-unification, does not satisfy the ideological and material requirements of the creation of the state and the ethnos.

C – Ethnonym

As we noticed in the first and second stages, an ethnonym was missing. On 28 April, Azerbaijan was Sovietized and therefore, all ethno-political, ideological and practical problems were moved to the realm of intra-Soviet discussions. All subsequent changes should be considered in the context of Soviet internal and external priorities. Adoption of the appropriate ethnonym of the Türkic-speaking Muslim titular population of Soviet Azerbaijan became a matter of great importance for the Soviet government.

The Muslim population of the Eastern Transcaucasia continued to identify itself as Muslims, which, being a confessional name, could not be acceptable to the Soviet government. The name Türk also couldn't be used as the population of the Republic of Turkey also turned into Turk from Ottomans. For the soviet government the question was raised: to accept an ethnonym to both separate the major population of soviet Azerbaijan from their kinsfolks of Turkey and to deepen their roots turning them into an indigenous. For such reason in the late 1930's the edge “Azerbaijani” officially accepted for the titular population of Soviet Azerbaijan.

The comparison of the 1921, 1927 and 1937 constitutions of Soviet Azerbaijan also gives an opportunity to record the political-ideological evolution. The constitutions of 1921 and 1927 speak of a “free socialist society of workers”¹, and the con-

¹ See: Конституция (Основной закон) Азербайджанской Социалистической Советской Республики, Утверждена 1-ым Всеазербайджанским съездом Советов 19 мая 1921 г., Баку, с. 25; Конституция (Основной закон) Азербайджанской Социалистической Советской Республики, Утверждена Всеазербайджанским съездом Советов V созыва 26-го марта 1927 г., Баку, с. 22.

stitution of 1937 speaks of “the Azerbaijani people” as the political basis of the Azerbaijan SSR¹.

The same is recorded in censuses. During the 1921², 1926³ and 1937⁴ censuses, the titular population of Azerbaijan was recorded as “Azerbaijani Türks” or simply “Türks”. Meanwhile, in the 1939 census, in the “Population of the USSR by nationalities and mother tongue” section, “Azerbaijanis” are mentioned for the first time as a title-bearing people, and Azerbaijani as the latter's mother tongue⁵.

Many Soviet and foreign ethnologists (Yu. Bromley⁶, A. Smith⁷) consider the emergence of an ethnonym as the end of the ethno-consolidation process. Therefore, The adoption of a common ethnonym was the most important episode of the ethnogenesis of Azerbaijanis, by which the community with relatively stable ethnic manifestations was formally formed as an ethnos. However, this does not imply the end of ethnic processes, on the contrary, further processes were necessary in order to strengthen the ethnic name, ethnic consciousness, and ensure the stability of that consciousness. This means that the proposed order of the components of ethnogenesis is violated and an ethnonym is imposed before the formation of ethnic identity. In other words, the ethnic name did not derive from the ethnic identity, but the ethnic identity was constructed according to the ethnonym.

-
- 1 Конституция (Основной закон) Азербайджанской Социалистической Советской Республики. С изменениями и дополнениями, принятыми на I, II, III и IV сессиях Верховного Совета Азербайджанской ССР пятого созыва, 1961, Баку, “Азернешр”, 1961, с. 3.
 - 2 Азербайджанская сельско-хозяйственная перепись 1921 г., Итоги по сельским обществам во вновь образованных уездах АССР, Нагорного Карабаха и по тем (основным) уездам, в которых произошли изменения границ, т. 3, вып. 17, Баку, 1924, с. VI).
 - 3 Всесоюзная перепись населения 1926 года. Перечень и словарь народностей. – http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0591/chit_zal01.php
 - 4 Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов, Москва, РОССПЭ, 2007, с. 107.
 - 5 Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. 1992, с. 80-81.
 - 6 **Ю. В. Бромлей**, Очерки теории этноса, Москва, 1983, с. 57-58.
 - 7 **A. Smith**, Ethno-symbolism and Nationalism: a Cultural Approach, London, Routledge, 2009, p. 46.

D – Ethnic identity (identity construction)

The last stage of Azerbaijani ethnoformation is the process of creating of ethnic identity. There is no certain chronological boundaries, as ethnic processes are constant, but the character of them can be a bit different. The difference is caused by Soviet and post-Soviet ideological demands. The main directions of identity construction were the creation of a belief of common ancestors, a belief of indignity, creation of ethnopolitical myths, appropriation of Albanian heritage, Armenian, Iranian culture, azerbaijanization of the historical past of the Eastern Transcaucasia, localization of Turkic identity in the Eastern Transcaucasia, assimilation of national minorities, Armenophobia. From the early 1940's a task was set by the state to form an Azerbaijani ethnic identity that could not be based only on language or only on religion (even more so in the conditions of prevailing atheism), or on both of them together. It was necessary to prove the existence of Azerbaijan or the Azerbaijani state in the past, and then only ethnicize this concept and reproduce it in the perceptions of the population in various spheres of life.

In this sense, the narration of history was extremely important. The writing of the newly created ethnic histories also pursued the goal of solving the problems of the present "through" the past. For example, the term "Azerbaijani" adopted at the end of the 1930s had to be applied to all centuries of the history of Azerbaijan, regardless of whether the events under discussion have anything to do with modern Azerbaijanis and their immediate ancestors or not. In other words, soviet "Azerbaijani historians embarked on a project that can be characterized as a process of forming ideas about the past that serve political goals"¹. Thus, after the "nationalization" of the ethnonym "Azerbaijani", another process began, which can be defined as the stage of stabilization and construction of the ethnos. Newly formed ethnic groups are characterized by the mythologizing of their cultural and historical deposits, which leads to the emergence of an ethnogenetic myth². It includes various myths, which mainly historically establish the legality of the existence of the given ethnic group and state³.

¹ Մ. Զոլյան, *Պատմական հիշողության եւ ազգային ինքնության քաղաքական ասպեկտները. Ազգային պատմության կառուցումը խորհրդային Ադրբեյջանում, – «Կանթեղ».* գիտական հոդվածների ժողովածու, 2005, N° 1, էջ 131:

² **A. D. Smith**, *National Identity*, Reno – Las Vegas – London, 1991, p. 22.

³ **V. Shnirelman**, *Politics of Ethnogenesis in the USSR and after*, – *BNME*, 30, 2005, p. 96.

With the first publication of a brief overview of “History of Azerbaijan” in 1941 an attempt was made to solve the issue of indigeneity by connecting the origin of Azerbaijanis with the Medians¹. Figures of the medieval national hero and poet in the form of Babek and Nizami Gyanjevi were also put forward². Such an ethnic conception actually led to the early emergence of ethno-nationalism³. In the post-Soviet period, the military conflict with Armenia over Nagorno-Karabakh further stimulated the strengthening of Armenophobia in the state level.

Conclusions

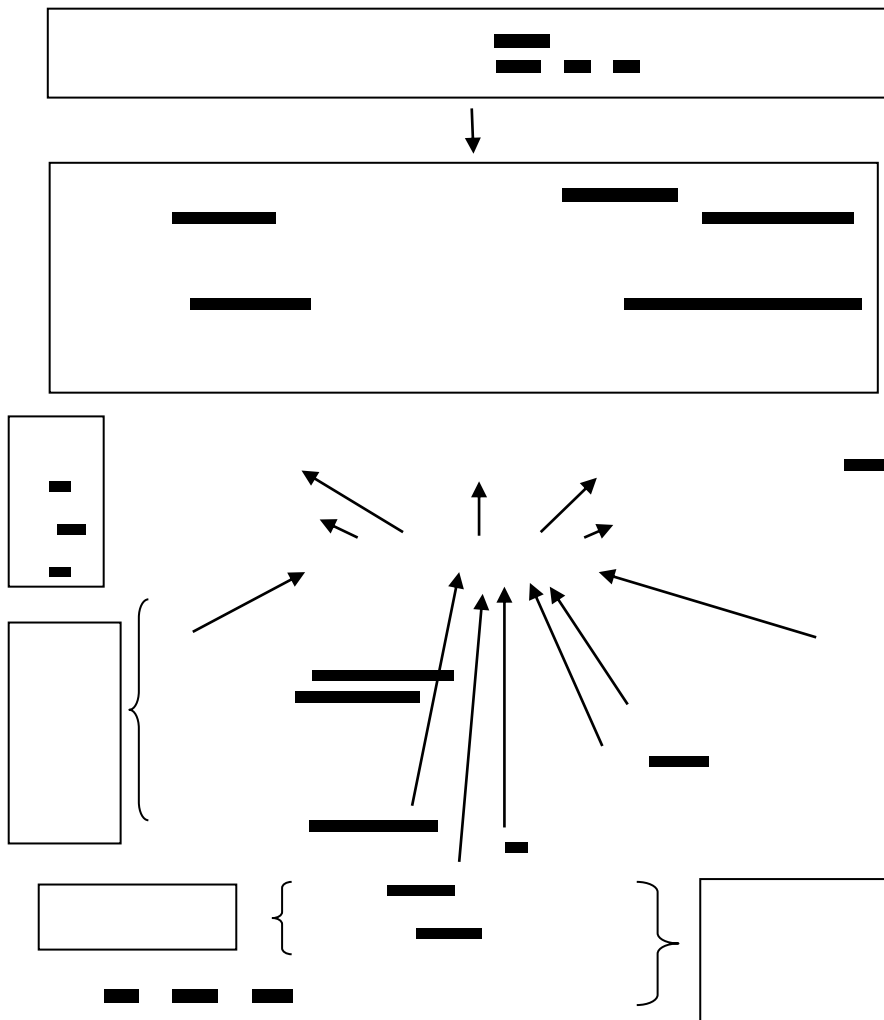
This article is a brief attempt to study the process of Azerbaijani ethnogenesis. Within more than a century the Turkic-speaking Muslim population of Eastern Transcaucasia went through several stages from tribal identity to identity construction in Soviet Azerbaijan. An attempt was made to observe this whole process according to the ethnoformation scheme proposed by M. Kryukov. This scheme makes it possible to observe both the emergence of ethnoforming factors, first manifestations of identity, identity construction and the acceptance of ethnonym on a state level. It can be concluded that the formation of Azerbaijani identity was strictly politicized. At first, it was conducted under the control of the tsarist regime, and the Soviet government completely took over all possible ethnic processes, directing them in accordance with the foreign and domestic political priorities convenient to the Soviet government. In other words, both the establishment of the Azerbaijani ethnonym and the subsequent ethno-consolidating processes were of a strictly political nature.

¹ История Азербайджана: краткий очерк, Баку, АзФАН, 1941, с. 19.

² **H. Yilmaz**, The miraculous return of Babek to Azerbaijan, National identities in Soviet Historiography, 1st edition, 2015, The miraculous return of Babak to Azerbaijan | 3 | National Identities (taylorfrancis.com); Большая советская энциклопедия, Т. 42, Москва, ОГИЗ РСФСР, 1939, с. 94.

³ See: **В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев**, Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов, Москва, 2011, с. 40.

Ethnogenesis of the Azerbaijanis according to M. Kryukov's proposed ethnos formation scheme

Геополитический проект “Кавказская Албания” – складывание Кавказского фронта Российской империи^{1*}

Во второй пол. XVIII в. для Российского государства в кавказском геополитическом «треугольнике» – Иранское государство, Российская и Османская империи – последняя играла особую роль. До окончательного решения «причерноморского (в частности, Крымского) вопроса» Российское государство придерживалось политики сдерживания Османской империи в регионе, лишая ее возможности контролировать побережье западного Каспия. Еще в 1762 г. князь А. Воронцов писал, что «полуостров Крым местоположением своим столько важен, что действительно может почитаться ключом российских и турецких владений»².

После присоединения Крыма к Российской империи в письме князя Г. Потёмкина к императрице Екатерине II (1762-1796) от 5-го августа 1783 г. читаем: «Род татарский – тиран России некогда, а в недавних временах стократный разоритель, коего силу подсек царь Иван Васильевич. Вы же истребили корень. Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской»³. В ответ Екатерина II 18 августа 1783 г из Царского Села писала: «На зависть Европы я весьма спокойно смотрю: пусть балагурят, а мы дело делаем»⁴. Российская империя в 1780-х гг. рассматривала необходимые для своей закавказской политики долгосрочные решения, т. е. механизмы, посредством которых стало бы воз-

^{1*} Исследование выполнено при поддержке гранта Комитета науки РА 21Т-6А163 «Этнополитические проблемы в Восточном Закавказье в XVIII-XIX веках».

² Архив Воронцова, Т. 25, Москва, 1882. С. 309.

³ Письма Екатерины к Потёмкину. Личная переписка 1769-1791. Москва, 1997. С. 180.

⁴ Там же. С. 182.

возможным урегулирование отношений с Османской империей, Иранским государством и с правителями закавказских мусульманских ханств.

В системе противовесов Российская империя особую роль отводила Картли-Кахетинскому царству. С ее незаметной поддержкой грузинскому царю Ираклию II удалость установить в Закавказье паритет военно-политических сил¹, а заключение Георгиевского трактата в 1783 г. стало краеугольным в закавказской политике Российского государства, т. к. подтвердило ее военно-политическое влияние и реальное присутствие в регионе. Одновременно с усилиями по выполнению условий Георгиевского трактата (удержание за Ираклием II Гянджинского и Эриванского ханств), а также попытками возродить военно-политический союз между Картли-Кахетинским и Имеретинским царями, российское правительство пыталось решить вопрос создания Армянского независимого царства в Закавказье.

По политическим соображениям российского правительства, Карабахское ханство должно было составить неотъемлемую часть Армянского царства. «Касательно границ, полагаемых к стороне Персии, я подал карту государыне, где они назначены были. Сии границы нигде почти не касаются турецких земель, мы займем только по Баку, Армения же Персидская, состоящая из Карабага и Карадага, и царство Ираклиевое примкнет к Турецкой Армении». Так весной 1783 г. Г. А. Потёмкин писал А. А. Безбородко². Для решения этого вопроса необходимо было Карабах «изъять из рук Ибрагим-хана Шушинского», а также речь шла и о других армянских провинциях Ирана, которые планировалось вывести из-под его власти при помощи объединенных грузино-армянских сил под предводительством Ираклия II, при поддержке русского экспедиционного корпуса³.

¹ **М. А. Волхонский**, «Мы держимся здесь... одним счастьем нашея великия государыни». Русский корпус генерал-майора Г. Г. Тотлебена в Грузии (1768-1772), – ВИЖ. № 7, 2017. С. 38-46.

² **А. Р. Иоаннисян**, Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ер., 1990. С. 68-69.

³ **О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский, В. М. Муханов**, Дорога на Гюлистан: Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. Москва, 2016. С. 99.

В январе 1784 г. миновала прямая угроза начала войны с Портой, и, следовательно, отпала необходимость «диверсии» в Закавказье. В Петербурге решили воздержаться от силовых акций и попытаться решить вопрос восстановления Армянского царства путем переговоров с наиболее успешным из претендентов на шахский престол Ирана¹.

Подписание Георгиевского трактата между Российской империей и Картли-Кахетинским царством являлось лишь небольшой частью гигантского стратегического проекта князя Г. А. Потёмкина по преобразованию Закавказья в «барьер» между Россией, Османской империей и Ираном. Так, еще 8 апреля 1783 г. в своем рескрипте к Г. Потёмкину о присоединении к России Крыма, Тамани и Кубанской области Екатерина II приказывала: «1) занять Дербент; 2) подкрепить грузинского царя Ираклия и армян в утверждении из них прочной для России барьеры», а также задавалась вопросом, «где и как может быть учреждена для империи выгоднейшая, надежнейшая и кратчайшая граница от Каспийского моря, и именно: от Дербента или другого места, близ того моря лежащего, к Черному морю»². Так, в геополитических планах российских правящих кругов Закавказье превращалось во фронт (от англ. *frontier*) для национальных интересов Российского государства, и состоять он должен был из дружественных империи политических образований.

Наиболее вероятный претендент на престол Ирана из династии Зендов Али-Мурад-хан (1779-1785)³ считал, что высшая задача заключается в укреплении его власти внутри страны. Реализация внутривнутриполитических планов хана была возможна только при наличии мощного союзника, и в качестве такового он выбрал Российскую империю с учетом ее экономических и военно-политических интересов в регионе. Весной 1784 г. Али-Мурад-хан отправил своего уполномоченного Магомет-хана вместе с гостившим в Испагане российским посланником Токатловым, армянином по национальности, с письмом к генералу Г. Потёмкину. Истинные цели и намерения иранского посольства держались в стро-

¹ Там же. С. 99-100.

² Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел, – «Сборник Русского исторического общества» (далее – Сб. РИО), Т. 27, СПб. 1880. С. 243.

³ **J. Perry**, *The Zand Dynasty*, – *The Cambridge history of Iran: From Nadir Shah to the Islamic Republic*. Vol. VII. Cambridge, 1991. P. 96.

жайшей тайне, объявляя окружающим, что посольство едет на Кавказскую линию для заключения торгового договора.

Из речей иранского посланника стало ясно, что Али-Мурад-хан «горячо желает быть в союзе с Россией» и считает всех ее врагов «за своих собственных и быть другом ее друзей», а также желает «слить интересы Персии с интересами России». Иранская сторона предлагала России «иметь своих во всех городах и даже в провинциях свои торговые конторы, агентов и консулов». Но самым знаменательным и интригующим стало предложение Магомет-хана о том, что его хан «отказывается от всех провинций, бывших прежде в российском владении, и сверх оных от Карадага, Карабага, Нахичеванской и Эриванской областей»¹. Князь Таврический всячески старался «обнадеживать его благоволением императрицы» и давал поручение генералу Потёмкину внушить посланцу «испаганского владельца», чтобы он убедил Али-Мурад-хана в «необходимости искать покровительства императрицы»². Одновременно было принято решение послать полковника В. Томару в Иран для составления более точной информации о внутривнутриполитическом состоянии этой страны. Помимо прочего, русский полковник должен был «добиться согласия от Али-Мурад-хана на выделение Армянской области из состава персидской монархии и признания ее независимости»³.

В инструкции для полковника В. Томары князь Г. Потёмкин настаивал на том, что нужно было «изъяснить» иранской стороне «всю надобность» составления иранской монархии «из самих персиян», т. к. «разность народов, всегда готовых к свержению ига, не умножает силы государственных, но паче разделяет и ослабляет оныя», имея ввиду Армению и другие окрестные провинции⁴. Следовательно, идея возрождения Армянского царства была составляющей стратегического плана создания в Закавказье фронта между Россией, Османской империей и Ираном.

Кроме того, необходимо было Али-Мурад-хану четко представить геополитические соображения русской дипломатии: «Первое. Чтоб он

¹ Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886, Т. 3. С. 169.

² Там же. С. 171.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 172.

признал принадлежность нам Дербента и протчих мест, кои нам нужны и на коих присоединение мы решились. Второе. Чтоб он сделал с нами ясный и подробный трактат, определяющий точные границы персидской империи. Третье. Чтоб земли царя Ираклия сходно были. Четвертое. Чтоб край армянской в его независимости восстановлен был. Пятое. Чтоб и о тех землях, кои назначаются к составлению области или царства Албанского сделано было ясное постановление. Шестое. Чтоб особый торговый трактат постановлен был, о чём можно заранее подумать. Седьмое. Чтоб сей хан заключил с нами союз оборонительный против Порты Оттоманской»¹.

В свою очередь, князь Воронцов в своем письме к П. Бакунину от 31 мая 1784 г. сообщал о готовности Али-Мурад-хана «всё сделать», что России «угодно», «желая приобрести благоволение государыни и признание его в шахском достоинстве». Этот шаг иранского правителя князь Г. Потёмкин посчитал «за самый надежнейший способ к окончанию персидских дел заключением с ним договора», в котором должны были отражаться все территориальные приобретения России – «границы Ираклиева царства, состояние независимых областей армянской и другой, из побережья Каспийского учреждаемой». Кроме вышперечисленного, намечалось зафиксировать «пределы Персидской империи» и получить «торговые и иные выгоды»². Исходя из намерений претендента на шахский престол Али Мурад-хана, российская дипломатия «заключает», что он «охотно желает заключить оборонительный, а может и наступательный союз против Порты, на счет коей не прочь» был и от территориальных завоеваний³.

В своей «Записке» о присоединении к Российской империи Имеретии граф А. Безбородко в 1784 г. о «персидских делах» России писал, что они теперь приближаются «к самой удобной» и «славной развязке». «Отзыв Али-Мурат-хана [пятого персидского шаха, царствовавшего с 1782 до 1783 года] должно почесть за преддверие знаменитых и наивыгоднейших для нас событий. Приготовляется вашему императорскому величе-

¹ А. Р. Иоаннисян, Указ. соч. С. 136-137.

² Письма князя А. А. Безбородко, – Архив князя Воронцова, Т. 13, Москва, 1878. С. 53-54.

³ Там же. С. 54.

ству слава дать настоящего государя Персии, ограничить ее в пределах, чтоб она была нам полезна, а истинным неприятелям нашим вредна, приобрести новья земли к империи вашей, посредством сих приобретений, обезпечить и границы ваши и владычество берегами Каспийского моря, открыть новья ветви торговли и основать новья царства и области, кои России будут служить барьером против всех на нее с той стороны покушений», – анализировал граф¹. Он видел выгоды и для региональных административно-политических образований, т. к. «зависевшие от Персии, а ныне никому неповинующиеся Адрибженские [Азербайджанские, Атропатенские] разные правители, ищущие покровительства вашего, в нём одном предвидя для себя безопасность и лучший жребий»².

Таким образом, российская дипломатия разрабатывала вариант изменения политической карты Восточного Закавказья. Из уступаемых Ираном ханств планировалось создать Армянское царство, которое объединило бы в себе территории и от Османской империи³. Общеизвестно, что во второй пол. XVIII в. российская дипломатия предусматривала создание независимого христианского государства Дакии на территории Молдавии, Валахии и Бессарабии – т. н. «греческий проект», суть которого заключалась в полном развале Османской империи с последующим его разделом⁴. Город Дербент и другие близлежащие территории должны были быть присоединены к Российской империи. А на территориях прикаспийских областей следовало создать государство под названием Албания (Алуанк)⁵. Отметим, что во второй пол. XVIII в. понятие Восточное Закавказье включало в себя историко-географические границы тер-

¹ **Н. Григорович**, Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с бытиями его времени (годы с 1747 по 1787). Т. 1, – Сб. РИО, Т. 26. С. 469.

² Там же.

³ Подробно см: **Г. Ж. Мхитарян**, Идея создания армянского и албанского государств во второй половине 18-ого века, – «Caucaso-Caspica»: Труды Института востоковедения РАН, Вып. 4 (2019). Под ред. **Г. Асатряна**. Ер., 2019. С. 63-69.

⁴ **С. М. Соловьев**, История России с древнейших времен. Москва, 1871. С. 21, 34, 147, 165.

⁵ См. **А. Р. Иоаннисян**, Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ер., 1990. С. 137.

риторий исторической Собственно Албании – Алуанка (севернее Куры)¹ в лице Дербентского, Кубинского, Шемахинского, Шекинского и Бакинского ханств.

Следует уточнить, что российское общество XVIII в. имело весьма пространное представление об исторической Кавказской Албании, основанное на информации античных греко-римских источников (Страбон, Плутарх, Клавдий Птолемей и др.), а также отчасти древнеармянских историков (Мовсес Хоренаци и др.). Участник Персидского похода русских войск в 1722-1723 гг. и командующий артиллерией при взятии Баку И. Гербер, описывая этнополитическую картину Мушкура (древн. Маскут), о его жителях отмечал, что они говорили по-турецки смешанно с татарским языком и были мусульманами суннитского толка. «Прежде сего назывались они Аваганами, – сообщал он, – которое название может быть по разному произношению не иное что значит, как Алваны или Авбаны, а не Авгазы, кои и поныне еще находятся там Армянския деревни, в которых поставляются священники от архиепископа монастыря Георгия Великого, что в Ериване, священники Аваганских Христиан»². Отметим, что И. Гербер был членом комиссии по установлению русско-турецкой границы в Прикаспийской области и заключения договора между Россией и Турцией. Он оставался в Дагестане до 1729 г. В 1728 г., выполняя правительст-

¹ Границы Албании в I в. до н. э. – V в. н. э. Составляли: на севере – Сарматия, на западе – Иверия (Грузия), а восточные и южные границы омывали соответственно Каспийское море и река Кура. Эта территория, согласно «Ашхарацицу» («Армянской географии VII в.»), называлась «Собственно Албанией» (Անանուն /է դար/, Աշխարհացոյց, Գրտա-քննական բնագիր՝ Ա. Յակոբեանի, – ՀԱ, Վրեհնա-Եր., 2013, стб. 122. Ср. А. А. Акопян, Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ер., 1987. С. 97-98; О. Хорикян, Административные деления Албанского марзпанства по «Ашхарацуйцу» («Армянской Географии»). – «Народы и страны Ближнего и Среднего Востока» (ՄՄԱԵԺ), Т. XXVIII. Ер., 2011. С. 67-85).

² И. Г. Гербер, Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г., – «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». СПб., 1760. Октябрь. С. 207-208. Заметим, что под *Георгием* Великим автор несомненно подразумевал *Григория* Великого Просветителя.

венное задание, составил описание местностей и населения побережья между Астраханью и рекой Курой и карту этого района¹.

Известно, что начиная с античных времен до 428 г. граница между Великой Арменией (*Մեծ Հայք*) и царством Албании проходила по реке Кура, к югу от которой находились армянские области Арцах и Утик, а Албания простиралась от Куры до Кавказского хребта и Дербентского прохода. В том же году, после упразднения царства династии Аршакидов в Армении, Сасанидские цари Ирана сначала Утик, а затем в 450-451 гг. и Арцах присоединили к Албанскому царству, которое в свою очередь было включено в состав одноименного марзпанства (Албания, Алуанк, Аран) – административной единицы, созданной по реформе 428 г. Эта административно-политическая единица иранской державы (марзпанство), хотя и носила название Албанского царства, но являлось совершенно новой этнополитической единицей, с определенным доминированием армянского этнического элемента, что в свою очередь способствовало переносу административного центра марзпанства, а затем и Албанского каталикосата из Капалака/Кабалы в Чор/Дербент, а отсюда на правобережье Куры – в город Партав/Барда (в первой пол. VI в.)², в последствии – в город Гандзак/Гянджа (XII в.), а затем – в Гандзасар (XV в.).

Вследствие нашествия с севера различных племен и расширения границ марзпанства в сторону Дербента, а также из-за новых административных делений название «Алуанк» для левобережья Куры в некотором смысле исчезает из употребления, сохраняясь лишь благодаря существованию духовного центра в Арцахе и Утике. Одновременно из-за значительного числа армянского населения параллельно с термином «Алуанк» применяются названия «Восточные стороны Армении» (*Հայոց Արեւելիկ*

¹ Работа И. Гербера сначала была издана на немецком («Nachrichten von denen an der westlichen Seite der Caspischen See zwischen Astrachan und dem Flusse Kur befindlichen Völkern und Landschaften, und von derselben Zustande in dem Jahre 1728.» // Von den Obristen der Artillerie Johann Gustav Gaerber), а затем на русском языке под названием «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и их состоянии в 1728 г.» в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», издаваемом Г. Миллером при имперской Академии наук, в 1760 г.

² Подробно см. А. А. Акоюн, Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Второе, переработанное издание. Ер., 2022. С. 111-112.

կողմանք), «Восточные стороны» (*Արեւելից կողմանք*) и другие синонимы. Ко всей Албании или иногда только к междуречью Куры и Аракса, в узком смысле – области Арцах и Утик – арабские источники употребляют термин «Арран» (=Алуанк). Длительное присутствие Сасанидов и арабов в Албании изменили ее этнический облик в пользу персо-арабского этнического элемента.

В XI-XVI вв. Собственно Албания подвергается серьезным этно-конфессиональным и культурно-языковым изменениям. Оседлое население страны вследствие нашествия в регион сельджуков, монголов, а также тюркских кызылбашских кочевых племен частично ассимилировалось. В эти века к большей части территории Собственно Албании с этнополитической точки зрения более приемлем термин «Ширван». С XVI по первую пол. XVIII вв. Ширван входил в административно-политическую и финансово-налоговую систему Сефевидского государства¹.

Однако европейская, в том числе российская наука Нового времени следовала информации античных источников и представляла под Албанией исключительно левобережье Куры (этот подход был незыблим вплоть до 1860-х гг., когда вышли первые издания и переводы вновь обнаруженного источника – «Истории Албании», или «Истории страны Алуанк», автор которого Мовсес Дасхуранци, называемый тогда Мовсесом Каланкатуаци, представлял под Албанией и левобережье, и правобережье Куры, т. е. территорию всего марзпанства Албания-Аран².

О политических границах предполагаемого государства Кавказская Албания 17 августа 1787 г. вспоминал в своем дневнике статс-секретарь Екатерины II А. Храповицкий: «В сундуке отыскал для себя и читал секретный проект кн. Потёмкина-Таврического, чтоб воспользуясь персидскими неустройствами занять Баку и Дербент и присоединя Гилян, на-

¹ О границах Ширвана подробнее см: Tadhkirat al-muluk: A Manual of Safavid Administration (circa 1137/1725). Persian text in facsimile (BM. Or. 9496). Translated and explained by **V. Minorsky**. London, 1943. P. 167-168.

² Մովսես Կաղանկատուացի, *Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի, Ի լոյս ած Մ. Էմին, Մտկուտ, 1860; Պատմութիւն Աղուանից Մովսիսի Կաղանկատուացոյ, Հրատ. Կ. Շահնազարեանց, Փարիզ, 1860; История Агван Моисея Каганкатуаци. Пер. с армянского [К. Патканьян]. СПб., 1861.*

звать Албаниею»¹. Однако, анализ других архивных документов показывает, что Дербент должен был прямо отходить к России, а Г. Потёмкин ещё в 1783 г. писал, что все прикаспийские земли до Баку прямо присоединялись к Российской империи. Следовательно, Кавказская Албания создавалась лишь на юго-западных каспийских областях. Как отмечал академик А. Р. Иоаннисян, намеченные в то время планы российского правительства предусматривали наряду с подчинением Грузии, создание за Кавказским хребтом двух других вассальных государств – Армении и Албании². Наконец, на карте Великой Армении, которую составил А. В. Суворов в 1780-х гг. левобережье Куры отмечено под названием «Агванк» (=Աղվանք)³. Итак, правящие круги Российского государства представляли себе предотвращение опасности от южных границ России посредством создания своеобразной зоны безопасности – «фронтирной зоны» – на западном берегу Каспийского моря в лице буферных христианских и мусульманских государственных образований.

Однако выехавший 1 января 1785 г. из Северного Кавказа полковник В. Томара уже в Эджмиацинском монастыре узнает о смерти Али-Мурад-хана⁴ и о захвате власти его братом – Джафар-хан Зендом (1785-1789). Таким образом, вопрос создания Армянского и Албанского царств в Петербурге попытались решить путем переговоров с наиболее вероятным на тот момент претендентом на шахский престол в Иране – Али-Мурад ханом, но реализовать свой план Г. Потёмкину не удалось⁵, и «планы бескровного решения армянского вопроса в 1780-х годах рухнули»⁶.

Специальный анализ закавказской политики России показывает, что идея возрождения Армянского государства служила скорее политиче-

¹ Цит. по: **А. Р. Иоаннисян**, Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ер., 1990. С. 137.

² Там же. С. 138.

³ Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Под ред. акад. **М. Г. Нерсисяна**, Т. IV, Ер., 1990.

⁴ Али Мурад-хан внезапно скончался 7 февраля 1785 г.

⁵ **М. А. Волхонский**, Военная политика Российской империи в Закавказье в 1783-1796 гг. – ВИЖ, 2018. № 9. С. 15.

⁶ **О. П. Маркова**, Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. Москва, 1966. С. 191.

ской приманкой, сдерживающим фактором Ибрагим-хана Карабахского от турецкого покровительства. Кроме того, эта идея имела своей целью удерживать карабахского хана и грузинского царя Ираклия II в фарватере российской внешней политики. Что касается попытки создания закавказского «барьера», то она вместо того, чтобы привести к долгому мирному сосуществованию с Османской империей, обострила с ней отношения до предела. Развернувшиеся политические события в Закавказье в сер. 1780-х гг. показали, что до окончательного решения причерноморского вопроса (оттеснение турок за реку Днестр, что было достигнуто лишь подписанием Ясского мирного договора 1791 г.) идея создания геополитического фронта в Закавказье просуществовала недолго¹.

Резюмируя, отметим, что распад Иранского государства во второй пол. XVIII в. создавал благоприятные условия для русско-турецкой экспансии в Закавказье, и в 1780-х гг. правящие круги Российского государства заключили, что настало время для окончательного решения т. н. «персидского вопроса». С целью защиты геополитических и торгово-экономических интересов Российской империи первостепенными задачами становились утверждение российского протектората над Восточной Грузией, создание вассального Армянского государства и т. н. Кавказской Албании из прикаспийских областей и включение мусульманских правителей Восточного Закавказья в антитурецкую коалицию для нейтрализации османской опасности в регионе, удержав ханов в фарватере российской закавказской политики. Кроме того, «восстановление» государства Кавказской Албании служило формированию системы политических противовесов в Восточном Закавказье, которые должны были регулировать ситуацию как внутри региона (сохраняя баланс сил среди закавказских правителей), так и вне его (нейтрализуя возможность политического усиления Османской империи и Ирана).

К геополитическому проекту Кавказская Албания в Российской империи вернулись во второй пол. 90-х гг. XVIII столетия, когда правящие круги государства представляли себе предотвращение опасности от южных границ России посредством создания своеобразной зоны безопасности – фронтальной зоны на западном берегу Каспийского моря в лице буферных мусульманских ханств. Так, граф В. Зубов 20 сентября 1796 г. представлял генералу Савельеву свои видения на счет будущего геополитического проекта.

¹ М. А. Волхонский, Военная политика Российской империи в Закавказье. С. 16.

литического устройства Дагестана и Восточного Закавказья. Он констатировал, что после свержения ненавистного для России Дербентского и Кубинского Шейх-Али-хана, эти «провинции остаются без настоящего и прочного обладателя», что могло дестабилизировать ситуацию в Прикаспийских областях. Поэтому граф «предлагал» в Кубинском ханстве восстановить «законного сына Фет-Али-хана, Гасан-хана, дочь его Фет-Али-хана, дербентскую правительницу (Периджа-ханум) соединить с Мегтием бойнакским, кому отец уступает титул, право и все владения шамхальския¹, и который – по положению сих владений, близкому к нашим границам и открытому – никогда не может отбыть от нашей зависимости»².

По мнению В. Зубова, такая конфигурация на берегах Каспийского моря могла послужить «соединению Ширвана с Дагестаном» и стать весьма полезным и безопасным для российских интересов в регионе³. В письме князю П. Зубову от 15 октября 1796 г. В. Зубов утверждал: «Сие соединение Дагестана с Ширваном, обезпечит и с прочностью утвердит влияние наше от Терека до реки Куры (ибо и шемахинский хан при содержании нашем Баку не возможет отважиться к причинению вреда), положить оплот держостям необузданных горцев, а может быть и оные собственными пользами принуждены станут пребывать в тишине, и линия⁴ наша с ей стороны приведется в большую безопасность»⁵. Политический план В. Зубова заключался в создании мусульманского государства-фронтiera на территориях Южного Дагестана и Ширвана под покровительством Российской империи, которое больше не называлось «Кавказской Албанией».

Екатерина II внезапно скончалась 6 ноября 1796 г., и новый император Павел I (1796-1801) остановил военный поход русских войск в Восточное Закавказье. Однако это не означало, что российская дипломатия

¹ Тарковский шамхал Мухаммед 10 августа 1796 г. отказался от управления шамхальством в пользу своего сына Мегмет-бека Бойнакского (**Н. Ф. Дубровин**, История войны и владычества русских на Кавказе. С. 157. Прим. 1).

² Там же. С. 157.

³ Там же.

⁴ Речь идет о Кавказской оборонительной линии.

⁵ **Н. Ф. Дубровин**, История войны и владычества русских на Кавказе. С. 158-159.

отказывалась от закавказской политики. Истощенная в результате двух русско-турецких войн, завершившихся победой России, император Павел I и его окружение считали, что русской армии удалось восстановить стратегическую стабильность в Закавказье после разрушительного вторжения Ага Мухаммад-хана Каджара. Эта точка зрения особенно укрепилась после убийства правителя Ирана в Шуши в 1797 г.

С другой стороны, в конце 1790-х гг. Российская империя старалась четко установить отношения с ханствами Восточного Закавказья в контексте своих военно-политических и торгово-экономических интересов. Город Баку – «самым наилучший порт», считался «единственным удобным и выгодным местом» для развития российско-иранских торговых отношений¹. «Весь Ширван, заключающий в себе провинции Шемахинскую, изобилующую наипаче шелком, Шекинскую и другия мелкия владения, простирающиеся до реки Куры и Аракса, не имея по местоположению своему инаго порта, все произведения свои доставляют в Баку», – констатировал В. Зубов².

Наконец, важным стратегическим значением Баку объяснялось то, что в 1797 г. планировалось возвести в городе оборонительные сооружения и выделить для этих целей 283 859 руб., а городу Тарки – 90 634 руб.³. Кроме того, на левом берегу Куры, напротив устья реки Аракс, недалеко от местечка Джавад, планировалось построить крепость, под названием Екатериносерб – стратегический опорный пункт Российской империи для реализации ее военно-политических, торгово-экономических интересов в регионе.

Таким образом, складывание «кавказского барьера» на западном побережье Каспийского моря – создание государства Кавказской Албании необходимо рассматривать в контексте военно-политических и торгово-экономических интересов Российской империи. Именно этим объясняется «подвижность» географических границ этого государства, которые постоянно «двигались» по направлению с севера на юг, с равнины на горы и наоборот, на что акцентировали российские дипломаты и государ-

¹ В. Зубов, Общее обозрение торговли с Азиею, – «Русский архив». 1873. Кн. I. С. 886.

² Там же. С. 885.

³ Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе. С. 194.

ственные деятели Российской империи при своем планировании этнополитической карты региона.

Таким образом, итоги исследования путей и механизмов создания фронтальной зоны в Закавказье во второй пол. XVIII в. дают исчерпывающее представление о целях и видах закавказского направления внешней политики Российской империи.

Почему аланы – овсы грузинских Хроник?

При переводе на армянский язык грузинской хроники Леонти Мровели «Картлис Цховреба» (КЦ) практически во всех случаях наименование *ovsi* (мн. ч. *ovsni*) (ოვსო, ოვსბო) заменяется наименованием *alan-k'* (*Ալანი*). По данным Г. В. Цулая, др.-груз. вариант имеет первый глухой согласный в сочетании – *orsī* (ორსი) (**Мровели Леонти**, Жизнь Картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Пер. с древнегрузинского, предисловие и комментарии **Г. В. Цулая**, Москва, 1979, сн. 64–64, с. 55).

По словоупотреблению данный термин не был чисто языковым или этническим. Вплоть до XVIII в. для обозначения носителей осетинского языка использовались как обозначения, восходящие к **orsī*, так и обозначение *dualī* (мн. ч. *dualni*). У Вахушти Багратиони главное различие между ними в степени знатности происхождения: «Овсы отличаются друг от друга знатностью своего происхождения и разделяются на фамилии... Двальцы по происхождению своему считаются неблагородными.» [70, 71]. Хотя Вахушти очерчивает границы Осетии и Двалетии, фактически разделение идет в первую очередь по политическим причинам, и те территории, на которые претендовали картвельские цари, называются двальскими. Текст КЦ: «После воцарения Фарнаваза ему достались Дурдзук и Дуалет, а прочие ущелья остались за **царями** осетинскими, и ущелья эти стали называться Овсетией, населенной и покоренной ими же» (АГ, сн. 85). У Вахушти: «С древнейшего времени подчинялись царям Грузии страны: Дзурдукия, Хеви, Двалетия и верховье Касрис-кари, другие же страны и ущелья подчинялись **царям** Овсетии» [81]. Население ущелий Южной Осетии также «до Ачабети» подпадает под определение «двалов» (АГ, сн. 105, с. 200).

Появление Овсети во всех случаях описано по одной модели:

КЦ: «Вслед за этим хазары избрали себе **царя**. Вся хазарщина стала повиноваться избранному **царю**... В первый же свой поход хазарский царь перешел горы Кавказа и полонил народы, о чём выше писано мною. Был у него сын по имени Уобос, которому дал пленников Сомхити и Картли. Дал ему

часть страны Кавкаса, к западу от реки Ломека до западных пределов гор. И поселился Уобос. Потомками его являются овсы. Это и есть Овсети, что была частью [удела] Кавкаса...» (**Мровели**, с. 25).

Др.-арм. КЦ: «Затем вновь собрались хазирь [хазирк'] и поставили [себе] **царя**, создали великое войско, и прошли сквозь врата Дарубанда на Торгомосов до долины Арарата и Масиса... Первых пленников из армян и картлийцев **венценосец** Хазиров [Хазрац] выдал своему сыну Уовбосу и некоторую часть Ковкаса от реки Л'амека до окончания горы на западе, и построил Уовбос со своим родом землю, которая называется Овсэт (**Абуладзе**, с. 15-17; **Мровели**, сн. 56, с. 50, 51).

Вахушти: «Страна, которую мы описываем, досталась в удел Кавкаосу, сыну Таргамоса. ... во время похода **царя** хазар, отдал **царь** хазар...» (АГ, 84), «**Царь** же хазар отдал страну Кавкасоса сыну своему Урбаносу и картлийско-сомхитских пленников. Сын **царя** хазар перебил потомков Кавкасоса и поселился здесь вместе со своими (людьми) и теми пленниками и назвал страну Овсетией» (АГ, 85).

Сын царя явно был царского рода, и его удел также должен быть царским или княжеским, что перекликается с нахск. этимологией слова *alan* с одной стороны, а с другой позволяет привлечь для этимологии груз. слова западно-кавказскую основу *arsyī “владыка, князь” > абхаз.-тапан. *ārsī, кабард.-адыг. *r̄sī “владыка, князь”, *r̄sīlī “крепостной”, убых. *r̄sī “князь, поступающий по собственному усмотрению” (1857).

Таким образом, и в армянской, и в грузинской традиции номинация этого северокавказского политического образования (Alank', Овсети) передавалась словом для «князя, владыки», правда, взятым из разных северокавказских источников.

Литература

Абуладзе И. В., Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник («Картлис цховреба»). Тбилиси, 1953.

АГ – Гаглойты Ю. С., Алано-георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. «Ир», Владикавказ, 2007.

Аликберов А. К., Мудрак О. А., Исторические названия Албания, Алуанк и Алан в пространстве кросскультурной коммуникации, – ВО, т. 19, 2019 (Москва).

Аликберов А., Мудрак О., Эрети и Баласакан: К проблеме этнической составляющей пограничья восточнохристианского мира, – «Армения и вос-

точнохристианская цивилизация»: Международный симпозиум, посвященный 40-летию создания Отдела Христианского Востока Института востоковедения РАН РА и 5-й годовщине смерти его основоположника, проф. Паруйра Мурадяна (12-13 декабря), Доклады и тезисы докладов, Ер., 2016, с. 8-14.

КЦ – «Картлис Цховреба».

Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии **Г. В. Цулая**, Москва, 1979¹.

¹ **О. А. Мудрак**, Компьютерная этимологическая база данных западнокавказских языков abadet.

[Рецензия на книгу:] Заза Алексидзе. Письменность, язык и литература Кавказской Албании, Тбилиси, 2003, 224 стр. (на груз. яз.)¹

Любой, кто хоть немного знаком с этнической, политической и литературно-культурной историей Кавказа, без труда может угадать, проблемы какой важности и объема затрагивает монографическое исследование под этим заголовком. Третья историко-культурная единица, носящая название *Алуанк* [Албания]*, по сей день является предметом научного познания исключительно на основании переданной не алуанскими источниками информации, компонование которой, к сожалению, не может заменить записей коренных жителей, представляющихся под именем *алуаны* [албанцы]. В академическом смысле по сей день спорна даже идентификация собирательного названия *алуаны* с одним из 26 наименований племен, которые, по сведению Страбона, составляли массу населения этой страны и по языку плохо понимали друг друга.

Справедливость требует сказать, что разжигателем постоянного интереса к истории, этническому составу, религиозному статусу, церковного ранга, письменности и смежным вопросам были средневековые армянские источники, включая сохранение “Истории Албании” и “Албанского письма”. Имеющиеся в греческих, арабских, персидских и грузинских источниках и относящиеся к Алуанку сведения эпизодические, отрывочные и по этой причине только вспомогательные. Такое положение вещей, естественно, открыло дверь для множества предположений и гипотез, предложений возможных и невозможных идентификаций и толкований. Даже были попытки прочтения албанских лапидарных фрагментов на старотурецком, и так как все предложения о дешифровке не внушали доверия, среди нас оказались серьезные люди, которые обивали порог отрицания всего албанского.

¹ Перевод с армянского Эльзы Геворгян; см. ՀԱՅԱ ԱՆԵՔՍԻՉԵ, Կովկասյան Աղվանիքի գրչությունը, լեզուն և դարձությունը, Թբիլիսի, 2003, 224 էջ, – ՊԲԶ, 2005, № 2, էջ 330-336 – *Ред.*

* В квадратных скобках представлены примечания переводчика – *Ред.*

Если будем перечислять важнейшие достижения, имеющиеся по сей день в области подлинной албанистики, то в сфере политической истории и исторической географии должны упомянуть В. Минорского и С. Еремяна, в области истории культуры с широким восприятием – К. В. Тревер, а в вопросах изучения языка, письма и письменности – А. Шанидзе. Конечно, есть и другие: И. Абуладзе, Аш. Абраамян, Г. Климов, Ас. Мнацакян, А. Акопян, И. Алиев и другие, которые значительно поспособствовали расширению интереса к албанистике.

Полагаем, что не ошибемся, если будем считать 1937 год исходным для албанистики, когда в рукописи Матенадарана № 7117, наряду с другими алфавитами (греческим, грузинским, коптским, индийским, арабским) был зафиксирован также алуанский: «Աղւանից գիրն է» [“Алуанское письмо”] (с. 145rv). Л. Мсерянц мог на три десятилетия опередить И. Абуладзе, когда в этой рукописи, являющейся их семейной собственностью, через два листа после слов “Алуанское письмо” прочитал и письмом сообщил Н. Марру о наличии молитвы “Святой Бог Греческий” армянскими буквами. Но факт в том, что эта честь была уготована арменоведу-грузиноведу И. Абуладзе, а последний с почтением ученика передал право первенства научной оценки находки учителю, академику А. Шанидзе.

Обнаружение алфавита, а также надписи Мингечаура (1948 г.) должны были ознаменовать новую эпоху албанистики, если бы не было искажений между изображением и названием букв и с уверенностью можно было бы считать язык надписей удинским. Сомнения и предположения продолжались бы долго, если бы при расчистке территории монастыря Св. Екатерины на Синайском полуострове после пожара 26-го мая 1975 года не было обнаружено неизвестное рукописное хранилище, и если бы в двух обнаруженных рукописях (*N/Sin 13* и *55*) З. Алексидзе не заметил сохранившиеся на полях следы букв алуанского письма.

З. Алексидзе, четыре раза посетивший эту лавру в период с 1990-2000 гг. для того, чтобы присмотреть за обнаруженным грузинским рукописным собранием и изучить его, с готовностью грузиноведа-арменоведа представлял вес и охват находки, следовательно, начиная с 1991 г. осуществил более десятка предварительных сообщений и публикаций на различных языках, и посредством многочисленных докладов сообщил на тех или иных международных конференциях о ходе своих изысканий.

Наиболее полная картина выполненных работ представлена в данной рецензируемой книге. Среди прочего отмечу, что автор этих строк следил за ходом публикаций и откликался на предлагаемые толкования (“Литературная газета” [«*ჭრთაჲსი მტრის*»], 1991 г., 24 мая).

Первая глава книги посвящена установлению предстоящей работы и предыстории дешифровки: монастырю Св. Екатерины, грузинам на горе Синай, изучению грузинских древностей горы Синай, обнаружению нового сборника на горе Синай и открытию грузинско-албанской рукописи (с. 12-25). В числе осуществляемых важных обобщений примечательны: несмотря на то, что грузинский монастырский орден Синая имел связи с грузинскими деятелями горы Афон, в рукописи *N/Sin-67* представлены наставления и чудеса отцов синайских, среди которых новым именем является Св. отец Самуил Грузинский. Одна из рукописей X века – *N/Sin – 48*, содержит обширный отрывок двухчастной истории “Обращения Грузии”. Новая редакция (также рук. *N/Sin – 50*) довольно отличается от известных до этого обеих редакций, следовательно уже в X веке существовали четыре варианта этого древнего исторического сочинения, что, согласно исследователю, исключает датировку создания памятника IX веком (автор этих строк продолжает защищать точку зрения К. Кекелидзе). В упомянутой второй рукописи представлены также новые редакции деяний сирийских отцов. В рукописи № 2 новой грузинской коллекции имеется список 45 книг, подаренных Киракосом Мидждадзореци.

Два из только выявившихся рукописей на нижнем (первоначальном) уровне имели армянский подлинник. В рукописях (*N/Sin – 13, 55*) были обнаружены грузинско-албанские тексты (из-за пожара они представляют собой окаменевшую массу).

Вторая глава посвящена представлению Кавказской Албании (с. 26-32), со следующими подзаголовками: армянская албанистика, так называемый “новый взгляд”, мнение азербайджанских ученых. З. Алексидзе считает “достаточно рациональными” имевшиеся у нас до 1960-х годов албановедческие взгляды (с. 27), согласно которым с 552 года утвердился албанский католиколат, епархиально зависимый от армянской церкви. С начала VII века албанская церковь, вместе с грузинской, примкнула к халкедонской церкви, а в VIII веке, в результате установления арабского владычества, навсегда вернулась в монофизитство. В 10-х годах V века, при содействии переводчика Бениамина, Маштоц создал албанский алфавит. Основная суть *нового подхода*, сформир-

ровавшегося у нас после 1960-х годов, согласно З. Алексидзе, заключается в следующем:

а) Албанское государство сформировалось только в начале I в. до н. э., его южной границей является Кура.

б) Консолидация албанских племен не имела места.

в) В 462 г. Албанское государство было упразднено и было создано марзпанство под названием *Алуанк*, в которое вошли Утик и Арцах (это датируется также 387 годом), освоившие это новое название, которое имело политическое значение, а не этническое. Постепенно сформировалось “албанское мировоззрение”, сохранив армянское самосознание.

г) Парфянские Аршакиды арменизировались. Языком церкви и страны был армянский (“как в Картли” – в скобках добавляет автор).

д) Собственно албанцы [алуаны] не смогли создать свою письменность и вскоре ассимилировались среди других народов.

е) Упомянутая в армянских источниках алуанская письменность является армяноязычной литературой, созданной для жителей Утика-Арцаха-Гардмана.

Всё это, фактически, является переизложением статьи, опубликованной А. Анасяном в “*Armenias*”. Новым является то, что З. Алексидзе выделяет группу арменоведов, имеющих “умеренную позицию”, которые признают существование албанской письменности в рамках V-VII вв. Согласно их мнению, албанское письмо и письменность не смогли найти необходимого применение, поскольку государственным и церковным языком являлся армянский. Здесь З. Алексидзе грешит против реальности и заявляет, что армянские ученые этой группы до разделения церквей в VII веке считают армянский также и официальным языком грузинской церкви. Это совершенная выдумка. Надо правильно понимать статус *Primus inter pares*, что относится также к языку.

З. Алексидзе считает подход азербайджанских специалистов преувеличенной эмоциональной реакцией на армянский “новый взгляд”. Согласно их мнению, в VIII-X веках арабские завоеватели и армянская церковь уничтожили памятники алуанской письменности, а до этого перевели сочинения албанской истории и каноны церкви на армянский язык. Все известные армяноязычные деятели X-XIII вв., родившиеся на правобережье Куры (Гош, Гандзакеци и другие), должны считаться армяноязычными албанскими писателями. Согласно З. Алексидзе, эти столь противоречивые взгляды препятствуют, но

и своеобразно способствуют прогрессу албанистики. В любом случае, албанистика больше не прежняя.

Третья глава: Сведения об алуанском письме и письменности (с. 33-54). Ссылается на информацию сочинения Корюна (“значительно преобразованную”), Мовсеса Каланкатуаца [=Дасхуранци], Левонда, “Книги посланий”, затем переходит к обнаружению *алфавита* в армянской рукописи и находке надписей. Не будучи знакомым с анализом рукописи Матенадарана № 7117 Л. Хачикяном, З. Алексидзе повторяет положение, якобы оригинал алфавита был привезен из Крыма. Он отмечает наличие в алфавите искажения изображений букв и их звуковых значений, ограниченность возможности имевшихся алуанских образцов, недостаток уверенности в чтении на удинском языке и другие обстоятельства. Затем перечисляет алуанские надписи, приводит попытки имеющихся дешифровок (А. Абраамян, Г. Климов, С. Муравьев, В. Шульце). Под отдельным подзаголовком З. Алексидзе обращается к плитке с алуанским алфавитом, найденной в селе Верхний Лабко в Дагестане, и, следуя С. Муравьеву, считает ее подделкой.

Глава четвертая: Синайские рукописи. Автор переносит халкедонское направление грузинской и албанской церковей на несколько десятилетий до начала VII в., считая предваряющим его Энотикон императора Зенона, но непосредственный раздел датирует началом VII века. Согласно автору, в VII-VIII веках обеспечивающим религиозное единство Закавказья является монофелитство. Маназкертским собором Армянская церковь вновь вернулась к монофизитству. С помощью арабов Албанская церковь также стала монофизитской. “Трагедией Албании является то, – пишет автор, – что Албания не смогла найти вероисповедание, отличное от грузинской и армянской, в качестве своей идеологической позиции” (с. 57). Он считает периодом свободного развития албанской письменности VI-VII века, когда действовал Энотикон, и после, когда вместе с грузинской церковью албанская противостояла армянской. Затем она попадает под сильное влияние Армянской церкви, которая (Армянская церковь) уничтожает считающуюся халкедонской их литературу. Монофизитский Алуанк переходит на армянский язык и письменность и “так утрачивается”. Поэтому сохранение албанских фрагментов ожидаемо в халкедонском мире, в частности, в Грузии. З. Алексидзе считает сохранение образцов алуанской письменности в составе грузинских рукописей подтверждением положений, выдвинутых в грузинской среде в течение последних

20-25 лет (видимо, имеет в виду свои положения, вызывающие у нас возражения). Изобилие албанских святынь в Иерусалиме (согласно Дасхуранци) он склонен относить к бытности там апостола Елишая и уверен, что эти монастыри в VI-VII веков должны были быть халкедонскими (доказательств нет).

З. Алексидзе связывает тот факт, что албанские рукописи оказались на Синае, с тем, что Албания становится монофизитской, рукопись попадает в Иверию или Палестину, в дальнейшем утрачивает возможность использования как албанской, в результате в X веке разделяется и находит новое применение. Это – возможная гипотеза, если бы у нас было основание считать албанский текст действительно халкедонитским.

Количество листов дошедших до нас двух списков достигает 170, в 12 отрывков. На каждом шагу, обращаясь к сохранившимся буквенным изображениям рукописи № 7117 и наряду с этим к их звуковому значению, автор заявляет, что “обнаруженный в 1937 г. алфавит не играет роли ключа” (с. 60). После предварительной оценки албанской рукописи (двухколонные, с широкими полями, начерченные строки, в столбце 22-24 строки, слабые следы перелистывания, аккуратное письмо и т. д.), делает заключение: “Албания была экономически развитой и довольно богатой страной (изготовление рукописи стоило слишком дорого)”. Албанская письменность также ведется слева на право (как и армянское и грузинское письма), доказательством чего является наличие *заглавной буквы* слева в начале строки и направление знаков сокращения слева на право. Об этом свидетельствует строение «*llh*» [“У”], схожее с армянским, греческим и грузинским. Наконец, левый край столбца всегда на одной линии (некто по имени Н. Рзаев в 1964 г. читал албанскую надпись по-тюркски справа налево). Стиль буквенных знаков албанской рукописи напоминает армянский, эфиопский и грузинский стили письма, особенно, последний. В рукописи можно различить два (может и три) вида письма.

Перейдя к описанию хода дешифровки, З. Алексидзе приводит различные соображения, которые подталкивают к поиску в алуанской рукописи церемониальной книги “Чашоц” [“*ძაშოც*”, Лекционарий], в которой много эпизодов из Святого писания, они быстро ветшают, на полях имеют комментарии. Соображение о составлении грузинских и армянских лекционариев напомнило автору о том, что выделяемые сравнительно мелкими шрифтами являются заголовками отдельных текстов чтений (паремий). В сорока таких заголовках “с помощью сохранившегося алфавита” он читает топоним *Тесалонике* [Фес-

салоники], который уже напоминает о том, что речь идет о “Послании Апостола Павла к Фессалоникийцам”. Теперь материал становится познаваемым и, осуществляя проверки и восстановления при помощи собственных имен, посредством идентификации с изображениями 52 букв алфавита в армянской рукописи уточняются 42 письменных знака; 10 письменных знаков в алфавите и палимпсесте не покрывают друг друга, однако со звуковой точки зрения тождественность 36 букв безоговорочна.

Выявление эпизодов Нового Завета дает автору возможность, кроме собственных имен, угадать слова, имеющие общее с армянским и грузинским языками применение (ԱԲԱԶԱԿ – աւազակ [разбойник], ՀԵԹԱՆՈՍ – հեթանոս [язычник], ՔԱՎՔ – քաղաք [город]). Отсутствие в рукописи № 7117 буквы ղ и занимающее вместо нее 37-ое место «*muu*» он считает доказательством того, что оригинал алуанского алфавита был переписан до IX в., когда армянский язык не сильно отличал ղ от լ. Значение группы слов уточняется благодаря их присутствию в современном удинском языке (բուլիւն – unl [голод], ղի – or [день], շու – գիշեր [ночь] и т. д.). Этим путем З. Алексидзе по одному приводит буквы алфавита армянской рукописи, перечисляет имевшиеся мнения относительно их значения и, ссылаясь на дешифрованные им тексты, устанавливает звуковое значение каждого знака (с. 85-105). Затем составляет сравнительную таблицу литеров алфавита армянской рукописи и палимпсеста. Предстоит еще выяснить 6 соответствий буквенных знаков армянской рукописи. Глава завершается публикацией сравнительных таблиц албанских и эфиопских (с. 110), албанских и грузинских (с. 111-112) и албанских и армянских письмен (с. 113). Учитывались изображения букв, а не звуковые значения. Согласно автору, с эфиопским похожи по изображению 14 единиц, с грузинским – 19 письмен, с армянским – 10 изображений букв. Можно было ожидать, что автор составит также таблицу буквенных знаков армянского и грузинского алфавитов, которые тождественны или родственны друг другу и также албанскому как по буквенному изображению, так и по звуковому значению. В этом случае мы имели бы:

Албанский – грузинский: 5 тождеств (Յ(հ), Ո (с приподнятой черточкой – Թ), Ի (չ), Ք, ՈԻ).

Албанский – армянский: 3 тождества (Փ, Ք, Հ).

Общность армянских – грузинских буквенный изображений: 10 единиц (Դ (Վ), Ժ (Ձ), Կ (Կ), Ղ (Գ), Ն (Պ), Ո (Ղ), Տ (Ճ), Ի (Է), Փ (Վ), Բ (Ք)).

В комментарии к сравнительной таблице албанских и армянских письмен 3. Алексидзе отмечает, что в отношении армянского языка было сделано несколько исключений (=ослаблений). Несомненно, было бы неплохо, если бы с той же уступчивостью он составил бы сравнительную таблицу армянских и грузинских письмен с одинаковыми знаками, приблизительно следующим образом:

Армянск.: Գ Է Կ Ն Ս Վ Ի Փ Բ

Грузинск.: Զ Ի Կ Ե Ե Զ Դ Կ Գ Գ

А затем сравнить и албанские и грузинские письмена с одинаковыми знаками:

Албанск.: Դ (Գ) Զ (Ե) Գ (Կ) Կ (Ե) Գ (Կ) Ի (Զ)

Грузинск.: Դ (Կ) Զ (Ե) Դ (Կ) Կ (Ե) Գ (Կ) Ի (Զ)

и пользуясь законом “если две величины в отдельности равны третьей, то они равны друг другу”, сказать, что алфавиты трех языков Закавказья созданы *одновременно, в одинаковой культурной среде, по одной и той же необходимости и одинаковому звуковому и изобразительному принципу, стараясь как можно меньше повторять друг друга, и, тем не менее, невооруженным глазом заметно их рождение в одной и той же колыбели*. 3. Алексидзе имел все основания и права благодаря этой дешифровке преодолеть вековую скованность (вспомним слова Вардана [Аревелци] о кресте Вардзии) и принять историчность Маштоца, Джалаля [Ջալալ] (“муж грамотный и правоверный”), иерея Бениамина и поощрявших их дело грузинского царя Бакура, епископа Мовсеса, Алуанского царя Арсвала, епископа Еремии, а следовательно, и историчность сведений Корюна. Однако он поостерегся огласить выводы, исходящие из его продуктивной работы.

Глава пятая. Алуанский “Лекционарий”. Предугадывание того, что рукопись оказалась “Лекционарием” [«Ճաշար»], открыло дверь для того, чтобы иметь двуязычный-трехязычный текст, после чего дальнейший ход уже ясен. Наличие “Лекционария” является и доказательством того, что Св. Писание, действительно, было переведено на албанский, и поскольку некоторые паремии “Лекционария” (например: II Коринфянам, 11,23-27, I Фессалоникийцам, 2,5-8) в армянском и грузинском лекционариях не имеют параллелей,

автор приходит к заключению, что он не является переводным и составлен по утраченному сегодня греческому экземпляру. “Лекционарий” простой и включает в себя Праздники Господне, более простой, чем армянский экземпляр, датируемый 438-ым годом, а значит, и предваряет его. З. Алексидзе датирует его рубежом IV-V веков, следовательно, перевод Св. Писания должен был быть осуществленным до этого рубежа (смысл – довести создание алфавита до четвертого века). Имя собственное *Йоһанан* [Յոհանան] (т. е. Йоһаннэс [Յոհաննէս]) и термин “Корба” [«Կորբա»] (жертва, дар, “любимая” [«կորբան»]) позволяют автору думать, что албанский “Лекционарий” должен был быть созданным в иерусалимской среде и принадлежать к наиболее раннему типу иерусалимских лекционариев. Имеющиеся в нём некоторые паремии из Нового Завета могут быть полезны при изучении ранних редакций текста Св. Писания.

Глава шестая. Язык албанского “Лекционария”. Предположения уже завершены, удинский язык является новым албанским. Удинский принадлежит к лезгинской группе кавказских языков, ее южной ветви. Лексика “Лекционария” [«Ճաշոց»] не позволяет определить его происхождение (имеются следы различных общих мест). Затем приводятся сокращения (с. 128-129), выраженные буквами числительные.

В следующей главе (VII) приводятся заголовки паремий (текстов чтений) “Чашоц”-а, с албанской и грузинской транслитерацией и грузинскими соответствиями (11 из 40), а затем образцы выявленных и прочитанных текстов (II Коринфянам, 11²³⁻²⁷, Эфесянам, 5²⁵⁻²⁸, I Коринфянам 12²⁸⁻²⁹, Деяния 12¹⁻², Евреям 11¹⁷⁻¹⁹, Матф. 17¹⁻⁵, Евреям 3¹⁻⁵), с соответствием алуанскому и старогрузинскому. В пределах возможного З. Алексидзе обратил внимание на грамматику алуанского языка: фонологию, морфологию, частям речи (с. 151-153), из церковных терминов лексики печать армянского носят слова: աւալոս, Բահանայ, արազան, բարգան, վարտապետ, հեթանոս, կորբա (կորբան), ալիաւար. Однако вызывает удивление присутствие в алуанском языке армянского слова վարժին [мармин – тело] (думаем, что *mārtin* из санскрита, который приводит автор, может представлять лишь этимологический интерес). В транслитерации имен собственных, подобно армянскому, сохраняется окончание греческого -ος, примечательна также запись имени *Յակոբ* [Йа-

коб]. Своеобразно чередование в алуанском звуков в терминах ալուա (*алуйа*) [аллилуйя] и մարդաբէն (*мардурт*) [пророк].

Понятно, наконец, что автор-арменовед, не оставил бы без внимания имеющиеся в нижних слоях рукописей *N/Sin-13* и *55* армянские тексты, которые взяты из трех рукописей. Одна из этих страниц, согласно уточнению автора, является отрывком из введения Евтала Александрийского, которое приложено к Посланию Апостола Павла. З. Алексидзе успешно расшифровал его, сравнил с научной публикацией А. Варданяна и выписал имеющиеся различия (с. 163).

В одностороннем Послесловии (с. 167) автор перечисляет будущие задачи, в числе которых – уточнение системы письма албанского алфавита, и только после этого рассмотрение проблемы его происхождения.

В конце книги, за примечаниями и индексами следует библиография литературы, относящейся к теме исследования (с. 202-216).

Академическая албанистика, которая берёт свое начало из трудов: А. Шанидзе “Новооткрытый алфавит Кавказских албанцев и его значение для науки” (1938 г.), К. Тревер “Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV век до н. э. – VII век н. э.” (1959 г.) и С. Еремяна “Идеология и культура народов Албании III-VII вв.”, “Политическая история Албании в III-IX веках” (1958 г.), завершает период своего формирования публикацией данной благоприятной, достойной всяческого поощрения и признания книги З. Алексидзе. Тайна алфавита теперь разгадана; будут ли разгаданы подлинные тайны этнической, политической, литературной и культурной истории Албании при наличии алфавита? Это покажет степень готовности, добросовестности и умелости будущих служителей этой области науки.

Познание албанского алфавита полностью подтвердило сделанное не без воодушевления резюмирование академика А. Шанидзе о том, что: “Несомненно то, что армянский алфавит – это грамотно составленный алфавит. В нём каждая буква имеет свой знак, и каждому знаку соответствует своя буква (кроме буквы Մ [У], для которой необходимы два знака). Этот принцип применен также в грузинском и албанском письмах. *Всё это показывает, что алфавит(-ы) трех обладающих культурой народов Закавказья построены по одному и тому же принципу*”.

ПАРУЙР МУРАДЯН

Локализация рек и 29 античных городов Албании по Клавдию Птолемею

Греческий автор середины II в. н. э. Клавдий Птолемей при написании своего важнейшего труда под названием “Географическое руководство”¹, имел под рукой, видимо, достаточно информативные источники о Кавказской Албании. Это видно из сравнения как с соседней Иверией, где автор перечисляет всего 9 городов, т. е. в три раза меньше, чем в Албании (29 городов + 6 рек в 5-и секторах), так и Великой Армении, где перечисляются 85 городов, т. е. в 2,7 раза больше, хотя на карте по координатам Птолемея эта страна превосходит территорию Албании в пять раз. Несомненно, такими источниками были, в первую очередь, достаточно аутентичные сочинения или заметки разных участников военных походов против Албании или же ее соседей, а также основанные на них географические описания конкретных регионов и итинерарии. Об античных источниках по Албании в обобщающих и специальных исследованиях писалось неоднократно, в последние годы, в частности, Джюсто Траиной².

Несмотря на это, начавшиеся с XVIII века попытки локализовать города и реки Албании до сих пор не привели к окончательному результату. К. В. Тревер по этому поводу даже пессимистически писала: “Вследствие особенностей греческого алфавита, буквами которого нельзя передать своеобразие кавказских языков – в данном случае албанского с его гортанными и шипящими звуками, мы едва ли сможем выявить в греческом написании этих названий их местное звучание. Поэтому, попытка разобраться в наименованиях Птолемея с помощью современ-

¹ См.: **Ptolemaei Claudii** Geographia, Ed. **C. Müller**, Parisiis, 1901; **Klaudios Ptolemaios**. Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch, Herausgegeben von **A. Stückelberger und G. Grasshoff**, Basel, 2006; **В. В. Латышев**, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, Т. I, Греческие писатели, Вып. I-II, СПб., 1893, с. 240-247.

² **G. Traina**, Roman Perceptions of Caucasian Albania, – В кн.: Прошлое, настоящее и будущее НКР. Международная конференция (Степанакерт, 2006), Ер., 2007, с. 223-228. Систематический обзор греко-римских источников об Албании и литературы по ним см. и в нашей монографии: **А. А. Акопян**, Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках, Ер., 1987 (второе, переработанное издание – Ер., 2022).

ной топонимики едва ли может привести к убедительным выводам”¹. Но в настоящее время мы, кажется, можем категорически не согласиться с самой заслуженной исследовательницей цивилизации Кавказской Албании.

Последние попытки локализации городов и рек Албании по Птолемию приняли издатели албанского палимпсеста в 2008 г. (Й. Гипперт, В. Шульце, Ж.-П. Маэ, З. Алексидзе), которые основывались на версии С. Н. Муравьева, наиболее глубоко вникнувшего в проблему трансгрессии Каспия, а также Р. Хьюсена, издавшего в 2002 г. аннотированный перевод “Ашхарнацоиц”-а (“Армянской географии” VII века)². Но эти попытки тоже были далеки от приемлемого результата, поскольку не были решены несколько серьезных затруднений проблемы.

Одно из этих решающих затруднений касается по возможности точного установления северо-восточной границы Албанского царства античного времени. Некоторые исследователи (в том числе упомянутые выше С. Н. Муравьев и Р. Хьюсен) доводят эту границу только до реки Ахсу (притока Куры) и Лянгябизского хребта, западнее города Шемахи (как С. Т. Еремян)³, или же до Апшеронского по-

¹ **К. В. Тревер**, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. – VII в. н. э. Москва-Ленинград, 1959, с. 137.

² **С. Н. Муравьев**, Птолемеява карта Кавказской Албании и уровень Каспия (Постановка вопроса. Системный анализ карты, предварительная локализация рек и поселений, стратегия дальнейших поисков), – ВДИ, 1983, № 1, с. 117-147; The Geography of **Ananias of Širak** (Ašxarhaç'oyc'). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by **R. H. Hewsen**, Wiesbaden, 1992; **R. H. Hewsen**, Armenia: A Historical Atlas, Chicago-London, 2001. Из прежних работ можно отметить еще: **А. Яновский**, О древней Кавказской Албании, – ЖМНП, Ч. 52, 1846, Отд. II, с. 97-136, 161-23; **Б. Дорн**, Древняя Албания по Птолемию, – “Записки” Императорской АН, Т. 26, № 1, СПб., 1875, с. 323-351; **А. Е. Крымский**, Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании), – В кн.: С. Ф. Ольденбургу: к 50-летию научно-общественной деятельности, 1882-1932. Сб. статей. Ленинград, 1934, с. 289-305; **он же**: Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки, – В кн.: Памяти академика Н. Я. Марра (1864-1934). Сб. статей, Москва-Ленинград, 1938, с. 369-384; **С. Т. Еремян**, Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илиевру, – ЗИВ АН СССР, Т. VII, 1939.

³ См. **U. S. Երեմյան, Հայաստանը ըստ «Աշխարհացոյց»-ի (Փորձ VII դարի հայկական քարտեզի վերականգնության ժամանակակից քարտեզագրական հիմքի վրա)**, Ер., 1963, с. 34; **он же**: Карта ««Ասիայի երրորդ քարտեզը» ըստ Պտղոմեոսի (II դար)», – АСЭ, Т. 9, Ер., 1983, между сс. 416-417.

луострова (как Г. С. Свазян)¹. Ряд других исследователей (напр., С. В. Юшков) доводили эту границу до Среднего Дагестана². Но в 1987 г. нам, кажется, удалось наиболее точно определить северо-восточный отрезок границы античного царства Албания. Этот отрезок, на наш взгляд, вполне однозначно выявляется на основе предложенной нами интерпретации указания Корнелия Тацита (конец I в. н.э.) о Дербентском проходе (“проход между морем и концом *Албанских гор*”), как о границе Албанского царства с сарматами³. Более того, в разделе о Кавказской Албании в многотомнике “История сопредельных Армении стран” мы попытались показать, что уже в III в. до н. э. Дербентский проход представлялся северо-восточным пограничным пунктом страны “албанцев” (хотя единое царство в ней всё же образовалось, вероятнее всего, в самом начале I в. до н. э., незадолго до походов Гнея Помпея). Так, свидетельство селевкидского стратига Патрокла, впервые обследовавшего в нач. III в. до н. э. Каспийское побережье со стороны моря, содержит – в том виде, в каком оно сохранилось у Страбона и Плиния Старшего (со ссылкой на Эратосфена) – очевидное противоречие: незначительному на самом деле кадусийскому берегу Каспия приписывается протяженность в целых 5000 (или 4900) стадий, а албанскому – всего лишь в 300-400⁴. Поэтому приходится допустить, что указанные цифры изначально имели обратную последовательность, а до Эратосфена дошел текст перипла, искаженный неким переписчиком, и получается, что береговая полоса “албанцев” в 5000 или 4900 стадий, отмеренная Патроком от устья Куры, доходила до района Дербента, поскольку именно это расстояние соразмерно протяженности южного берега моря (за кадузиями до Гиркании), рассчитанной Патроком в 4800 или 4900 стадий⁵.

Мы обратились к локализации птолемеевых городов и рек Албании в связи с подготовкой критического издания “Ашхарнацоц”-а (“Армянской географии VII века”), вышедшем в 2013 году в венском ежегоднике “hАндэс амсореа”. Но лишь несколько лет назад новый анализ описаний Албанского царства в географических сочинениях Птолемея, Страбона, Плиния Старшего и в “Ашхарнацоц”-е

¹ См. в его обобщающей монографии: Հ. Ս. Սվազյան, *Աղվանից աշխարհի պատմություն (հնագույն շրջանից – VIII դարը ներառյալ)*, Ер., 2006.

² С. В. Юшков, К вопросу о границах древней Албании, – ИЗ, 1937, № 1, с. 129-148.

³ Тац. Ann. VI, 33. Подробнее см. А. А. Акопян, Албания-Алуанк..., с. 35-36.

⁴ Strab. XI, 6, 1; 7, 1; 7, 3; Plin. Nat. Hist. VI, 36.

⁵ Ср. Հակոբյան Ա., *Աղուանք, – Հայաստանի հարակից երկրների պատմություն, հտ. I, Հին շրջան*, Ер., 2013, с. 515; он же: *Արքայատոհմերն ու իշխանատոհմերը Բուն Աղուանքում եւ Հայոց Արեւելից կողմանքում անտիկից մինչեւ ԺԳ դար (Պատմա-աղբիւրագիտական քննութիւն)*, Ер., 2020, с. 15-16.

позволил нам выявить подлинное местоположение рек и городов Албании во всех пяти секторах, на которые разделяет страну географ II века.

Птолемей перечисляет 29 городов Албании (часть их могла быть и деревнями), одну, большую часть – с востока на запад, другую, небольшую – с запада на восток (три города – Гаитара, Албана и Осика – упомянуты и во второй раз¹). Он дает их координаты, причем делает всё это по пяти секторам (или зонам). Сектора ограничиваются шестью реками, которые впадают либо в Гирканское море (это – Соана, Герр, Кайсий, Албан и Кура), либо в Куру (это – Аладзоний-Алазани с притоком восточнее границы с Иверией, о котором пишет: “река, вытекающая с Кавказа”). Относительно успешная локализация и идентификация всех шести рек, основанная на уточнении северо-восточной границы Албанского царства, нескольких удачных догадках и внимательных неспешных сопоставлениях, и является ключом для верной интерпретации представления Птолемея об Албании. Для методологии данной работы весьма кстати четыре правила, предложенные С. Н. Муравьевым: “Современный топоним отождествим с древним, если он: 1) с ним фонетически и палеографически сопоставим, 2) находится в той же, что и тот, зоне, 3) занимает относительно других локализованных пунктов этой зоны примерно такое же положение, какое указано у Птолемея; а в случаях несоблюдения одного из вышеприведенных условий, 4) если предполагаемое отклонение поддается рациональному и – предпочтительно – системному (т. е. касающемуся сразу нескольких взаимосвязанных названий) объяснению”².

Итак, получается, что из упомянутых географом рек пограничная с Сарматией *Соана* (несомненно, в восходящем к Птолемею “Ашхарнаойц”-е³, – “*Сванас*, о которой ничего больше неизвестно”) соответствует реке *Рубас*, которая течет чуть южнее Дербентского (также – *Чолского*, *Чорского*, *Кастийского*, *Албанского*) прохода, практически параллельно Джалганскому хребту (ср. *Джалган* – *Чол*⁴). По

¹ См. **Ptol.** Geogr. V, XI, 1-7 и V, XIX, 7-9.

² **С. Н. Муравьев**, Птолемеява карта Кавказской Албании и уровень Каспия..., с. 131-132.

³ Последнее, критическое издание “Ашхарнаойц”-а (“Армянской географии VII века”) см. Անտոն Է դար, *Աշխարհացոյց, Գրութիւննախին բնագիր*՝ Ա. Յակոբանի, – *ՀԱ, 2013* (Вена-Ер.), стб. 35-194.

⁴ О возможности видеть топоним Чол/Чола в основе названия Джалганского хребта, на оконечности которого построена Дербентская крепость, см. **А. А. Кудрявцев**, Древний Дербент. Москва, 1982, с. 86 (“Раннесредневековый топоним Чор, Джор, Джол, обозначавший в раннесредневековых армянских, грузинских и албанских источниках “ворота” Дербента, отложился в названии го-

этому хребту, в действительности, проходила албано-сарматская граница, и на нём при Сасанидах были выстроены мощные крепостные стены: Йездигердом II Сасанидом в сер. V в. – сырцовые, а его правнуком Хосровом Ануширваном в сер. VI в. – каменные¹.

За устьем Соаны Птолемеем упомянуты два города. Первый из них – приморский город *Телайба* – можно с допустимой конъектурой **Γ[η]τ[η]λαιβα* (греч. литеры *Γ* и *Τ* похожи) сопоставить с совр. поселком *Аглаби* в приморской полосе, чуть южнее нижнего течения Рубаса. Но если допустить конъектуру в форме *Дзелайба* (литеры *Z/ζ* и *T/τ* также похожи), то возможно и ее сравнение с восходящим к местным языкам топонимом *Ч'олай/Чорай/Чол'* (араб. *Сул*, греч. *Тзур*²), с переходом гласного *О – Е* и с суффиксом местных языков *-ба (<-би)*. Второй же топоним первого сектора – **Билитис* (с метатезой от *Тилбис*?) – может соответствовать совр. поселку *Белиджи*, в той же приморской полосе, чуть севернее нижнего течения реки *Гюльгери* (или *Малый Самур*³). В свое время мы сопоставили *Билитис* со средневековым топонимом *Бал'асат-Бал'ахат*, известным из грамоты армянского католика Йовханнэса Габеленаци албанскому католику Абасу (в армянской “Книге писем” и в “Истории Албании” армянского историка X в. Мовсэса

ры Джалган, на отроге которой построен Дербент, и в наименовании селения, расположенного в 3 км выше города, – Верхний Джалган, а также в дагестанских языках, в которых Дербент и ныне называется Чурул (лакский), Чулли (даргинский)”). Ср. **Ю. Р. Джафаров**, Город При и страна чилбов в “Истории албан” Моисея Каланкатуйского, – “Древний и средневековый Восток”, Ч. I, Москва, 1985, с. 76 (“...Джалган (Чалган) – Чол(а)ган, где “(а)-кан/ган” – персидский топонимический суффикс”). Но см. еще **М. С. Гаджиев**, К этимологии топонима Джалган, – “The 1st International Conference on Tati Studies”. 16-17 May, 2014, Yerevan. Programme and Abstracts. Yerevan: Yerevan State University, 2014, p. 20-22 (“...название Джалган следует соотносить со ср.-перс. *Gorgān* (‘волки’, учитывая закономерные фонетические переходы *g* → *дж*, *p* → *л* и *o* → *a*, в т. ч. под влиянием арабского и тюркского языков”).

¹ В последний раз о крепостных стенах Дербента см.: **М. С. Гаджиев**, О функционировании оборонительной системы Даг-бары в арабский период, – “Исламоведение”, 2012, № 3 (Махачкала), с. 93-107; **он же**, **А. Н. Дунцов**, Новооткрытые среднеперсидские надписи *амаргара* Дариуша в Дербенте, – “История, археология и этнография Кавказа”, Т. 19, № 1 (2023, Махачкала), с. 173-187.

² Ср. **В. Ф. Минорский**, История Ширвана и Дербенда X-XI веков, Москва, 1963, с. 52.

³ См. **Մ. Վրդ. Բարխուդարեանց, Աղուանից երկիր եւ դրացիք (Միջին Դադուտիւն)**, Тифлис, 1893, с. 50, 123-124.

Дасхуранци /гл. II, 7/) в качестве центра одного из 8 епископатов Албании VI века, причем именно в районе Чора-Дербента¹.

Вторая река Птолемея *Герр* (*Герас* в “Ашхарнаоцц”-е), вполне возможно, соответствовала реке Самур, наиболее значительной в прикаспийской албанской полосе, если, конечно, не реке *Велвели* (у М. Бархударянца – *Валвала*²): согласно этой второй, возможной версии, можно было бы допустить, что под Соаной источник Птолемея мог иметь ввиду не Рубас, а именно Самур (скорее – *Малый*, т. е. *Гюльгери*); в таком случае можно было бы рискнуть на лингвистическую сверку соответствия *Сов-ан* / *Соб-ан* / *Сом-ан* – *Сам-ур*, с обычным переходом *B* → *B* → *М* и с соответствием иранского суффикса *-ан* кавказскому суффиксу *-ар* / *-ур*.

За устьем Герра Птолемеем упомянуты 3 города: топоним *Тиуауна* (с допустимой конъектурой **Тр[и]ауна*), видимо, соответствовал второй части названия антично-раннесредневекового города *Σαλοθρηνή* – Сапо-гран – Шапоран (сопоставление акад. С. Т. Еремяна³). Второй город *Табилака* может соответствовать армянонаселенному селу *Талаби* (с метатезой) в среднем течении реки Велвели⁴ (оно, видимо, упоминается в форме *Тебла* еще у арабского географа X в. ал-Мукаддаси⁵). А упомянутый дважды приморский город *Гелда* (V, 11, 2) – возможно, находился в устье реки с похожим названием *Гильгиль*, возле сасанидской крепости *Хорс* (*Хорсвем* по “Ашхарнаоцц”-у), либо же соответствовал приморскому поселку *Килязи/Гилязи*, в 25 км южнее Хорса и в 10 км к востоку от села Хызы, с которым отождествляют исторический ороним Хурсан (С. Т. Еремян). С *Гелдой* может быть сопоставимо также название армяно-татского села *Килвар*⁶ в 20 км к

¹ **А. А. Акопян**, Албания-Алуанк..., с. 131. Кстати, в 4 км южнее Белиджи находится село Ньюджи с церковью Св. Григориса, которую весьма почитали как армяне, так и мусульмане Дагестана (см.: **Մ. Վրդ. Բարխուսարեանց, Աղուանից երկիր եւ դրացիք**, с. 105-106; **С. Г. Бархударян**, Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений, Ер., 2011, с. 134; **Д. П. Геворкьян**, От истоков христианства. Церковь святого Григориса, Махачкала-Дербент, 2016).

² **Մ. Վրդ. Բարխուսարեանց, Աղուանից երկիր եւ դրացիք**, с. 51, 139.

³ **С. Т. Еремян**, “Σαλοθρηνή” Птолемея в связи с историей скифского царства прикаспийского побережья, – В кн.: Вопросы истории народов Кавказа, Тбилиси, 1966, с. 76-79.

⁴ **Մ. Վրդ. Բարխուսարեանց, Աղուանից երկիր եւ դրացիք**, с. 136; **С. Г. Бархударян**, Страницы из истории Арцаха..., с. 133, 136.

⁵ См. **Н. А. Караулов**, Сведения арабских писателей X и XI веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане, – СМОМПК, Вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, с. 7.

⁶ См. **Մ. Վրդ. Բարխուսարեանց, Աղուանից երկիր եւ դրացիք**, с. 139-141.

западу от Гилязи. Кроме того, по мнению М. Т. Пашаевой, город *Хобота* (var. *Хобата*) из соседнего сектора Птолея (в его северной части) может соответствовать (допуская, что географ ошибался секторами) – похожему по названию средневековому городу *Куба* или же совр. высокогорному селению *Хапут* (с лезгиноязычной народностью шахдагской группы – *Хапутлинец*)¹. Ранее мы допускали, что этот город может соответствовать и топониму *Кобустан* на юге нужного сектора (чуть выше приморского поселка Алят, юго-западнее Апшерона). Однако сейчас мы обратили внимание, что одноименное село Хапут имеется и в бассейне реки Гирдыман, в 10 км южнее райцентра Исмаиллы, что вполне соответствует месту *Хоботы* на севере сектора.

Третья река *Кайсий* (*Касиус* у Плиния, *Кесиос* в “Ашхарнаоцц”-е²) соответствует, по всей видимости, реке *Джейран-кечмас* (с похожей второй частью), впадающей в Каспий к востоку от Кобустана и текущей с южных предгорий Кавказа, ниже района Шемахи, где проходила древняя дорога на самый доступный в Кавказских горах Халданский перевал (средневековый проход Варде-груак “Истории 684 года” в составе сочинения Мовсэса Дасхуранци³). В секторе, западнее ее русла до реки *Албанос* (совр. Туриан) упомянуты 7 городов. Из них: *Аламос* – по всей видимости, – совр. приморский поселок *Алят*; *Хобота* на севере сектора соответствует селу *Хапут* в бассейне р. Гирдыман, в 10 км южнее города Исмаиллы, в 2 км от армянского села Уштаг⁴; *Халаха* – по всей видимости, соответствует упомянутому Мовсэсом Дасхуранци городу *К’ал’адзор* (*Քաղաձոր*), центру гаваракантона Албании *К’ал’ай/К’ал’адаит* (*Քաղայ*) по “Ашхарнаоцц”-у (в “Картлис цховреба” – *К’аладзори*)⁵. *Мисия* – может быть сопоставлена с названием села *Миджан*, ныне северо-западного пригорода райцентра Исмаиллы, но это может

1 М. Т. Пашаева, К этнической истории «шахдагских народов», – “Albania Caucasia”. Сб. статей. Вып. I..., Москва, 2015, с. 151.

2 Здесь она является границей Албании с Азиатской Сарматией (см. Անանուն /է դար/, Աշխարհացոյց, стб. 69: «Եւ սահմանէ յարեւմտից՝ աշխարհաւր [Հայաւր], եւ յարեւմտից հիւսիս[ւ]՝ Աղուանիւր առ Կեսիոս գետով, ապա մուտք Գեռաս եւ Սոնդաս եւ Արանդաս եւ Ողոն գետովք՝ հոմանունն ազգաց»):

3 Подробнее см. А. А. Акопян, К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин (период ослабления Арабского халифата), – “Albania Caucasia”. Сб. статей. Вып. I..., с. 129-147; он же: Արքայատոհմերն ու իշխանատոհմերը Բուն Աղուանքում եւ Հայոց Արեւելից կողմանքում, с. 47.

4 О местности см. И. Алиев, Ф. Л. Османов, Бассейн рек Геокчай–Гирдыманчай–Ахсучай в античное время, – СА, 1975, № 1, с. 188-202.

5 См. Ս. Տ. Երեմյան, Հայաստանը ըստ «Աշխարհացոյց»-ի..., с. 34.

быть и сам *Исмаиллы*, если допустить метатезу (*Мисия* – **Исмия*). *Босиату* (var. *Мосиата*) – можно сопоставить с названием армянского села *Бозаванд* к востоку от города Гёкчай. Но если допустить конъектуру **И_Босиата* (в греч. иногда $I > B/M$), то она может больше соответствовать упомянутому у Мовзеса Дасхуранци (гл. I, 26; III, 3; III, 8) и в “Книге канонов” топониму *hOшача* – *hAшy* – *hOшu* (он, в свою очередь, идентифицируется с армянонаселенным в XIX в. *hOшавандом*, на северном склоне одноименного холма к востоку от Гёкчая)¹. *Хабала*, как убеждены все ученые, соответствует столице Албании Плиния Старшего (VI, 29; = *Kanal'ak* армянских авторов, *K'aval'ak* /*Քալապակ*/ в гаваре Остан-и Марзпан по “Ашхарнахойц”-у, *Кабала* арабских авторов). Упомянутый же дважды приморский город *Албана* (V, 11, 2; VIII, 19, 8), как представляется, может быть сопоставлен с названием совр. города *Али-Байрамлы* (до советской власти – *Аджи-кабул*), возле которого на берег Куры круто опускается самый южный отрог Лян-гябизского хребта (на котором, видимо, и располагался античный город).

И лишь река *Албан* (*Албанус* у Плиния), перечисленная Птолемеем среди рек, текущих в *Гирканское море*, в действительности, соответствует современному притоку Куры, реке Туриан. Правда, возможно, что в древности она достигала моря отдельным руслом, параллельным Куре. Наша гипотеза подтверждается анализом многих карт XVIII-XIX веков², в которых Туриан течет по современному руслу Куры (с 15 км западнее от города Зардоб, вбирая в себя притоки Гёкчай-Кокисон, Гирдыман и Ахсу), а сама Кура течет южнее, через современные болотные озёра под названием Сарису; неплохо сохранилась самая нижняя часть древнего русла Куры (после впадения в нее северного рукава реки Аракс), которая на советских военных картах называется Кобу или Коллектор имени Шаумяна.

Сектор, западнее реки *Албан* (*Албанос*; как увидим ниже – **Л_Длбанес* у Страбона), у Птолемея ограничивается “рекой, вытекающей с Кавказа”, которая, вероятнее всего, соответствует совр. реке Курмух (западнее города Кахи) – левому притоку реки Алазани, текущей в нее с севера почти в том месте, где она делает свой большой поворот на юг. В этом секторе упомянуты 12 городов. Из них: *Могега* (на самом севере сектора), видимо, соответствует совр. селу *Мичих* в вер-

¹ Об армянских селах Хошавант и Бозаванд подробно см. U. Чаршакян, *Բուն Աղվանքի հայերեն վիճաբերը*, Ер., 1997, с. 18-19. О большом раскопанном поселении Шыхдере к востоку от “Хотавандского леса” и до реки Гёкчай см. **Ф. Л. Османов**, История и культура Кавказской Албании IV в. до н. э. – III в. н. э. (на основании археологических материалов), Баку, 2006, с. 58-63.

² См., к примеру, Բ. Գալեան, *Հայաստանի համաշխարհային քարտեզագրութեան մէջ*, Ер., 2005, с. 230, 232, 233, 234, 235, 237.

ховьях реки Туриан, в 10 км к северу от города Куткашен. *Самунис* (южнее по сектору), видимо, можно допустить конъектуру *Саκ_[м]унис* (греч. μ и κ похожи) и сопоставить с совр. городом *Шаки/Нухи*. *Иобула* (на северо-западе сектора) вполне сопоставима с армянским селом *Джовланшен* (с переходами *ИЙ→Дж* и *Б→В*) в 5 км южнее города Вардашен¹. *Иуна* (в центре сектора) сопоставлена еще С. Н. Муравьевым и Р. Хьюсеном с совр. селом *Джунут*². *Емболайя* (var. *Еблаяя*; в центре сектора) правильнее сопоставить с селом *Эмберчай*, в 5 км к юго-востоку от берега от реки Курмух. *Адиабла* (var. *Адиабда*; в центре сектора), видимо, можно допустить конъектуру *Ал_[ю]иабла* (греч. литеры *Λ* и *Δ* похожи) и сопоставить с селом *Алияр* (до 1918 г. – армянским³) в 20 км южнее города Шаки. *Аблиана* (var. *Аблиала*, *Аблиама*, *Аблана*; западнее центра сектора), вероятно, следует сопоставить с искаженным поздней народной этимологией селом *Алмалу* (видимо, от **Албиалы*, с метатезой и переходом *Б→М*) у устья реки Курмух. *Мамехия* (var. *Камехия*; восточнее центра сектора) верно сопоставлена еще С. Н. Муравьевым (с конъектурой *Мал_[м]ехия*) с селом *Малыхшен* (в XIX в. – армянским), в 8 км от Алияра⁴. Упомянутый дважды *Осика* (V, 11, 5; VIII, 19, 9; var. *Оссика*, *Осима*; в юго-западном углу сектора), которая, как правило, сопоставлялась с городом Шаки, в действительности, должна быть локализована в 25 км южнее этого города, на месте одноименного села *Шеки/Шаки* (на *Шекинском* плоскогорье) в 8 км к северу от берега Куры (в 2 км западнее этого села обнаружена небольшая греческая надпись и раскопано поселение Беюк-Дахна, которое, видимо, и есть античный город Осика⁵). *Сиода* (в центре южной части сектора) соответствует, вероятнее всего, левобережному пригороду Мингечаура *Судагилану*, где обнаружены даже “подобные урартским мечи”⁶; с топонимом, возможно, может быть сопоставлено и название реки *Себодж* “Ашхарнацоц”-а (вероятно – совр. река Туриан). *Барука* (var. *Баруда*), учитывая место на юго-востоке сектора, вероятнее всего, следует допустить конъектуру *З_[б]аруда* (греч. литеры *Β* и *Ζ* похожи) и сопоставить топоним Птолемея с совр. городом *Зардоб* у древней переправы Куры. И наконец, упомянутый дважды приморский город между реками Албан и Кура –

¹ См. Մ. Վրդ. Բարխուսարեանց, *Աղուանից երկիր եւ դրացիք*, с. 252.

² С. Н. Муравьев, Птолемея карта..., с. 136; R. H. Hewsen, Armenia, p. 100.

³ См. Ս. Чарապետյան, *Բուն Աղվանքի հայերեն վիճագրերը*, с. 76-77.

⁴ С. Н. Муравьев, Птолемея карта..., с. 137. Ср. Մ. Վրդ. Բարխուսարեանց, *Աղուանից երկիր եւ դրացիք*, с. 261.

⁵ См. Ф. Л. Османов, История и культура Кавказской Албании..., с. 64, 154.

⁶ Там же, с. 64-65.

Гаутара (V, 11, 2; VIII, 19, 7; var. *Гангара*, *Гагара*, во втором пассаже – *Гангара*) – соответствовал, по видимому, средневековому городу *Джават* у места впадения совр. Аракса в Куру (с закономерным фонетическим переходом $G \rightarrow Дж$ и чередованием $\bar{I} \rightarrow B$ между гласными); чуть восточнее Джавата раскопан известный *Джафарханский* могильник с богатым материалом Ялойлутепинской археологической культуры¹, характеризующей метаэтнос албанцев античного периода.

Заметим, что Страбон перечисляет 4 реки Албании с запада на восток, называя их притоками Куры (XI, 3, 2), и нам необязательно идентифицировать все их с реками Птолемея (как это пытались делать почти все другие ученые). Это – *Аладзоний-Алазани* (она есть и у Птолемея) и, далее – *Сандобанес*, *Ройтакес* и *Ханес*. Можно выдвинуть догадку, связанную с названием реки *Сандобанес* в дошедших до нас рукописях. Учитывая, что в “Ашхарнаоц”-е к западу от реки *Себодж* (*Սեբոճ*), текущей рядом со столицей К’авал’ак, упоминается река *Сани* (вероятно, совр. *Алиджан*), нетрудно догадаться, что в текст Страбона вкралась ошибка, из-за которой слились два гидронима. Разделяя их, мы получаем *Сан[и]* и *Добанес*, но последнее название можно восстановить как *Лобанес* (весьма схожие греч. литеры Δ и Λ часто путаются), а далее можно предположить и об идентичности гидронимов *Лобанес* и *Албанос* (Туриан). Добавим, что “Ашхарнаоц”, передающий порой исключительную информацию второй пол. 610-х гг., за *Алуаном-Алазани* перечисляет “реку *Гегаву*, текущую с Кавказа”, затем реки *Сани* и *Себодж* возле города *К’авал’ак*, после чего текст, к сожалению, прерывается из-за ошибки “рекордно” невнимательного переписчика Степаноса, который умудрился пропустить в единственной рукописи “пространного” варианта (венцианская рук. № 1245, 1604 г.) целых 2-3 абзаца подлинника (до самого начала описания Великой Армении)². Но и этого достаточно, чтобы отождествить реку *Гегаву*, вероятно, соответствующую названию города *Гэвгав* (*Գայեցո՛ւ* у Мовсэса Дасхуранци, с чередованием $\bar{I} \rightarrow B$ между гласными), с современной рекой Агри, самым восточным притоком Алазани. Вторую реку *Сани*, название которой, вероятно, соответствует началу гидронима **Сан[и]-Лидобанес* у Страбона, несомненно следует отождествить с современной рекой Алиджан/Алджиган, а третью реку *Себодж* – с современной рекой Туриан (у Птолемея – *Албанос*, у Страбона – **Лидобанес*). После таких идентификаций можно предположить, что река *Ройтак* у Страбона (возможно, от **Гойтак*, ср. частый переход в греч. рукописях литеров

¹ См. **Т. С. Пассек**, *Джафарханский могильник* (археологические разведки в Муганской степи), – ВДИ, 1946, № 2, с. 169-188.

² Подробно см. в предисловии нашего издания 2013 года (Անձնանի /է դար/, *Աշխարհագրություն*, стб. 37, 48, 124, прим. 29).

Г→Р), вероятно, соответствовала не какой-нибудь из рек Птолея, а реке Гёкчай-Кокисон (с довольно схожим названием), текущей восточнее Туриана, а его река *Ханес* – с возможной конъектурой **Халес* – вероятнее всего, может быть сопоставима с рекой Ал'су/Ахсу, на берегу которой, видимо, находился город *Халаха* Птолея, т. е. средневековый *К'ал'адзор* в гаваре *К'ал'ай – К'ал'адаит*.

И наконец, в самом западном албанском секторе Птолея от совр. реки Курмух до “пограничной с Иверией” (по Плинию) реки Олазанес (*var.* *Оказанес*, у Страбона – *Аладзониос*), т. е. – Алазани (вероятно, с ее притоком *Абани*, в районе совр. Ахалсопели (средневековый *Гавазни* груз. источников), где зафиксированы памятники с материалом Ялойлутепинской культуры¹) упомянуты 5 городов, из которых: *Тагода* (с конъектурой *<ЛТтагода) всеми специалистами сопоставляется с совр. городом *Лагодехи*. *Бакхия* (*var.* *Бакрия*) верно сопоставлена С. Н. Муравьевым с селом *Вакири*, в 2 км к северу от города Цнори². *Сануа* (с возможной конъектурой *<*Саp_ина*) сопоставим, вероятно, со средневековым *Ч'ар-Джаром* (в настоящее время – город Закатала). *Деглане* (*var.* *Деглане*, *Диглане*, *Дэхлане*; в центре сектора, южнее Саруа), вероятно, сопоставим (с возможной конъектурой *<Лддгелане, ср. схожесть греч. литеров *Δ* и *Λ*) с совр. селом *Лекит* (с известным раннесредневековым звартноцообразным круглым храмом). Добавим, что в этом самом западном секторе упоминается и *Низа* (*var.* *Нэза*), которую, однако, многие специалисты склонны, допуская ошибку античного географа, идентифицировать с удинским селом *Нидж* в соседнем секторе (недалеко от столицы Кабалака)³.

В самом конце добавим также, что внимательный сопоставительный анализ перечислений гаваров-провинций Собственно Албании (“Бун ашхарх Ал'уаниц”) в “Ашхархацейц”-е и у историка VIII века Левонда позволяет исправить ошибку других ученых (С. Т. Еремян, Б. А. Арутюнян, Р. Хьюсен) и локализовать гавар *Гегаву* (*Гетару* у Левонда) не на берегу реки Кура, а севернее, под Кавказским хребтом и в долине одноименной реки (между гаварами *Шакэ* и *Остан-и Марзпан*). И наоборот, гавар *hOxмах* (*Հոքմաք*, *var.* *Հոքմաք*) следует локализовать к югу от Гегаву, по берегу Куры (между гаварами *Камбечан-Камбисена* и *hЕджерси*). После этого становится понятным, что ассоциирующийся по названию со своим гаваром *Гегаву* город *Гавгав* (Гэвгав), который располагался (по тексту “Ашхархацейц”-а) восточнее нижнего течения Алазани, следует локализовать чуть южнее места падения в Алазани реки Агри-Гегаву, а не возле места слияния Алазани с Курой, как отмечали на своих картах предыдущие специалисты.

¹ См. **Г. Ниорадзе**, Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940.

² **С. Н. Муравьев**, Птолемеева карта..., с. 132.

³ Подробно см. **Ա. Յակոբեանի, Արքայաշտոպներն ու իշխանաշտոպները...**, с. 56.

Повествования «отца мусульманской историографии» ат-Табари о завоеваниях арабов в христианской Албании и смежных странах Кавказа

Введение

Арабоязычная историография стала зарождаться уже в эпоху раннего ислама и большое влияние на нее оказывали официальная историо-графия Ирана позднесасанидского периода (VI – начало VII в.), а также литературные памятники народов стран Христианского Востока, которые создавались на среднеарамейском сирийском, древнеармянском (грабаре) и среднегреческом (византийском) языках. Из сочинений первых двух столетий ислама (VII-VIII вв.), которые были посвящены завоевательным и карательным походам мусульман в подвластные Византийской империи (Βασιλεία τῶν Ῥωμαίων) и Сасанидскому Ирану (Ērānšahr) страны, в том числе в интересующие нас христианские княжества Кавказа, сохранились лишь переработанные переписчиками IX и начала X вв. пассажи. Зато эта была плеяда летописцев арабского и иранского происхождения, заложившая в IX в. основу «Золотого века» (до 1258 г.) в исламской литературе. Эти авторы систематически ссылаются на рассказы самих ветеранов так называемых «священных войн» (الجهاد [ал-джихад]), направленных против главных врагов Исламского халифата – христианской Византии, зороастрийского Ирана и языческой Хазарии. Некоторые из них взяли за исторические хроники либо с тематическим или погодным (по мусульманскому летоисчислению – хиджре) изложением событий, либо по хронологии правления халифов. Труды пятерых из них – 'Ибн 'А'тсама ал-Куфи (ум. в 820-х гг.), Халифы ибн Хайята (ум. в 854 г.), ад-Динавари (ум. в 895 г.), ал-Баладзури (ум. в 892 г.) и ал-Йа'куби (ум. в 897 г.) – дошли до нас целиком¹.

¹ Кстати, на базе древнегреческой космографии и географии, а также сасанидской описательной географии иранец 'Ибн Хурдадбих (ум. в 912/3 г.) заложил ок. 885 г. аналогичный жанр литературы на арабском языке. До нас дошли географические трактаты девяти мусульманских путешественников IX-X вв.,

Вслед за плеядой писателей IX в. за перо взялся 'Абу Джа'фар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари (225-310 г. х. / 839-923). Он был этническим иранцем, уроженцем Табаристана на южном побережье Каспия, который прославился подготовкой подробных богословских комментариев к Корану, а также около двух десятков трудов по исламскому законоведению. В то же время, в истории «Золотого века» исламской культуры ат-Табари известен как «отец мусульманской историографии», который завершил в 302 г. х. (914/5 г.) свой капитальный труд *«История пророков и царей»* (تاريخ الرسل والملوك [Та'рих ар-русул ва-л-мулук])¹. Это крупнейшее произведение в классической исламской культуре охватывает всеобщую историю со времен сотворения мира, служа в наши дни первоисточником для изучения позднеантичной и раннесредневековой истории народов стран Ближнего Востока, в том числе христианских княжеств Кавказа. Исламскую эпоху ат-Табари излагает путем погодного изложения событий и по хронологии правления халифов, подразделяя главы по тематическому принципу на параграфы.

Для современного армениста и кавказоведа ценность *«Истории пророков и царей»* заключается еще и в том, что ат-Табари систематически ссылается на свои источники, указывая поименно их авторов (длинную цепь имен передатчиков). Это позволяет исследователю не только удостовериться в подлинности его повествований при сличении их с данными синхронных или более ранних писателей (в том числе греко-римских, сирийских, армянских, византийских), но и распоряжаться уникальными материалами из потерянных целиком или частично трудов как поздне-сасанидских авторов, так и мусульманских предшественников ат-Табари. Так что, мы имеем дело с достойным первоисточником, который имеет первостепенное, а в ряде случаев уникальное значение² по военно-политической истории стран и народов Христианского Кавказа.

творивших на арабском языке. Среди них упомянутый ал-Йа'куби, ал-Мас'уди (ум. в 956/7 г.) и др.

¹ Полное заглавие звучит: *«История пророков и царей и известия о них, и о том, что случилось в эпоху каждого из них»* (تاريخ الرسل والملوك وأخبارهم ومن كان في زمنهم) (تاريخ الرسل والملوك [Та'рих ар-русул ва-л-мулук ва-'ахб'ари-хим ва-ман к'ана ф'и заман кулли ва'хид мин-хум]) (Йа'қўт ал-Ҳамавий, Му'дҷам ал-'удаба', с. 2456).

² Поэтому уже в 963 г. визирь «таджикского» (персидского) эмирата Саманидов (819-999) 'Абу 'Али Мухаммад Бал'ами подготовил обработанную на фарси

Эта «Великая книга по истории», как выражался выдающийся мусульманский энциклопедист ромейского происхождения Йакут ал-Хамави ар-Руми (1179-1229)¹, издавалась впервые в подлиннике с 1879 по 1901 гг. группой авторитетнейших арабистов под руководством М. Я. де Гуэ (1836-1909) в Лейдене. Издание насчитывает три серии и 15 томов общим объемом около 8 тыс. страниц².

Из этого критического издания мы извлекли целиком главы, повествующие о завоевательных походах арабов-мусульман со стороны сасанидского марзпанства Атропатена (*ср.-перс.* Ādurbādagān), преобразованного в вилайет Азербайджан (أذربيجان [ʾĀzarbājdžān]), в направлении марзпанства-христанского княжества Албания (أَرَان [ʾArrān]³) и смежных стран Кавказа (القبج [ал-Қабдж]⁴). Эти главы мы впервые в восточноведной литературе перевели на русский язык, снабдив их подробными текстологическими примечаниями и научными комментариями (в конечных сносках)⁵.

Переводы с текстологическими примечаниями

(сер. I, стр. 2647) <...>.

(فارسي [fārsī]) версию с сокращениями «Истории пророков и царей» ат-Табари, которая, кстати, стала древнейшим памятником на новоперсидском языке историографического жанра. А арабский писатель 'Ибн ал-'Атсир (1160-1233) в своем «*Полном своде истории*» местами компилятивно изложил материалы ат-Табари вплоть до 302 г. х. (914/5 г.).

¹ Йāқūt ал-Хамавī, Му'дjam ал-'удаба', с. 2456.

² Annales quos scripsit **Abu Džafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari**, cum aliis ed. **M. de Goeje**, ser. I-III, Lugduni Batavorum, 1879-1901. Второе критическое издание текста: **aṭ-Ṭabarī, Abū Ja'far Muḥammad ibn Jarīr**, Ta'rīkh ar-Rusul wa-l-Mulūk, ed. Muḥammad Abū al-Faḍl Ibrāhīm in 11 Vols. Cairo, 1960-1969.

³ Реже: الزان [ар-Rān], где первые две корневые буквы выступают в роли определенного артикля.

⁴ Реже: القبج [ал-Қабқ].

⁵ Существует лишь перевод пассажей о завоевании прикаспийских областей Кавказа, осуществленный А. Р. Шихсаидовым (**А. Р. Шихсаидов**, Книга Ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа, – В кн.: Памятники истории и литературы Востока: период феодализма, Москва, 1986, с. 66-87).

Далее наступил двадцать второй год {хиджры}
(=30 ноября 642 г. – 18 ноября 643 г.)

<...>.

(сер. I, стр. 2660) ...

Завоевание Атропатены (*А́зарбайджáн)ⁱ

Утверждали {передатчики}, что когда покорил Ну‘айм {ибн Мукаррин}¹ Хамадан [همدان [Хамазáн]²]ⁱⁱ вторично и двинулся в Рей (الري [ар-Райй]³)ⁱⁱⁱ из {долины} Вадж-Руз (واج روض [Вадж Рүз]⁴)^{iv}, предписал ему {халиф} ‘Умар [634-644], чтобы послал он Симака ибн Харашу ал-’Ансари в качестве подкрепления Букайру ибн ‘Абд Аллаху {ал-Лайтси}⁵, {действовавшему} в Атропатене (*А́зарбайджáн). Однако отложил тот это {дело}, пока не занял Рей, и только после этого отпустил {Симака} из Рейя. Взял тогда Симак курс на Атропату. Кстати, считались Симак ибн Хараша и ‘Утба ибн Фаркад зажиточными арабами, которые прибыли в Куфу (الكوفة [ал-Күфа])^v со {всем своим} имуществом.

Находился Букайр уже в пути, когда его посылали туда, {в Атропату}, и пока восходил он на горы [حبال [хийáл]⁶] Джармидан [جرميدان [Джармйáн]]^{vi}, набросился на него⁷ Эсфандияр, сын Фаррохзада (اسفندياد [Исфандийáд] бин ал-Фаррухзáд)^{vii}, бежавший из Вадж-Руза

¹ См.: **ат-Табарй**, сер. I, с. 2635 и сл.

² *Ср.-перс.* Ahmatān.

³ *Ср.-перс.* Rag, от *др.-перс.* Ragā.

⁴ Также с артиклем: واج الروذ [Вáдж ар-Рүз] (**ат-Табарй**, сер. I, с. 2651-2652).

⁵ См.: **ат-Табарй**, сер. I, с. 2232 и сл.

⁶ Опечатка (неверно проставлены подстрочные диакритические точки): вместо حبال [хийáл] должно быть جبال [джибáл] (см. примеч. М. де Гуз; ср. также: **Ибн ал-’Асйр**, т. 3, с. 13).

⁷ В тексте слитное *мест.* (с предлогом على [‘алá]) в III л., во мн. ч.: هم... [...хим].

⁸ Также: اسفندياد [‘Исфандийáд] (**ад-Дйнаварй**, с. 82); *ср.-перс.* Spandadāt, Spandūāt, от *авест.* Spəntōdāta (букв.: «созданный благочестием»).

⁹ *Ср.-перс.* Farrūh-zādag (букв.: «Сын Фарроха-{Хормизд}а»). В источнике “Истории Албании” Мовсэса Дасхуранци “История 684 года” – *Хоразат/Խորհրդանամ* (**Мовсэс Каланкатуаци**, с. 95-96; см. также **А. А. Акоюн**, Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках, Ер., 2022, с. 176-180).

(Вадж Рӯз). Это был первый бой, с которым столкнулся {Букайр} в Атропатене ('Азарбайджан). В ходе сражения нанес Аллах поражение армии Эсфандияра, который оказался в плену у Букайра. Тогда спросил его Эсфандияр: «Мира желаешь ты или же войну?» На что ответил он: «Скорее мира!» Добавил {Эсфандияр}: «Тогда удерживай меня у себя, ибо жители Атропатены, в случае если не добьюсь я для них мира или не вернусь {к ним}, восстанут против тебя. И уйдут они в окрестные горы Кавказа (ал-Қабдж)^{viii} или в {державу} Ромеев (الروم [ар-Рӯм]¹), а те, кто в крепостях, в них и закроются на неопределенное время».

Поэтому удерживал {Букайр} у себя того {Эсфандияра}, который оставался в его руках, а страна та подчинилась ему, за исключением крепостей. Когда присоединился Симак ибн Хараша к нему (Букайру), (сер. I, стр. 266I) Эсфандияр всё еще оставался у него в плену. И уже были отвоеваны {Букайром} сопредельные {с Азарбайджаном} регионы, в то время как 'Утба ибн Фаркад занимался {в той стране} покорением близлежащих к себе районов.

Заявил Букайр Симаку, когда тот добрался до него, подшучивая над ним: «Что мне делать с тобой и 'Утбой – с двумя богачами?! Если я прислушаюсь к внутреннему {голосу} своему, то продвинусь дальше {на север}, назначив вас обоих преемниками моими. Вообще, если хочешь, можешь остаться со мной, а если нет, то можешь идти к 'Утбе. Разрешаю я тебе, так как не вижу альтернативы тому, как оставить вас обоих в покое, в поисках чего-то более отвратительного², чем это».

В итоге попросил {Букайр} у {халифа} 'Умара разрешение. И получил он письменный ответ, в котором было ему дозволено выдвинуться в сторону Дербента (الباب [ал-Бāб]³)^{ix}. При этом было ему велено назначить заместителя в {завоеванной} им области (عمل ['амал]). Поэтому оставил {Букайр} 'Утбу вместо себя в тех {районах Азарбайджана}, которые были им покорены, а продолжив марш {на север}, передал 'Утбе еще и {задержанного} Эсфандияра. Принял 'Утба его. Кроме того, назначил последний Симак ибн Харашу эмиром... над {той частью} области (عمل ['амал]) Букайра, которая была уже покорена. Таким образом, объединил {халиф} 'Умар весь Азарбайджан под {властью} одного 'Утбы ибн Фаркада.

¹ *Собр.*, в ед. ч. الروميّ [ар-рӯмӣ], от др.-греч. Ῥωμαῖοι, лат. Romēi.

² Видимо, врага.

³ Также: الباب والأبواب [ал-Бāб ва-л-'Абвāб] (**ат-Ғабарӣ**, сер. I, с. 900).

<...>

(сер. I, стр. 2663)

В том же году {хиджры} произошло завоевание Дербента (ал-Баба).

{Завоевание Дербента (ал-Баба)}¹

Согласно Сайфу {ибн ‘Умару ат-Тамими}² и рассказчиков его. Как говорили {мне} те, кого упоминал я выше, вернул {халиф} ‘Умар ‘Абу Мусу {ал-‘Аш‘ари}³ в Басру (البصرة [ал-Басра])⁴; вернул он также Сураку ибн ‘Амра по прозвищу «Сияющий» (نو النور [Зу ан-Нур]) в Дербент (ал-Баб). Определил {халиф} главой его авангарда ‘Абд ар-Рахмана ибн Раби‘а {ал-Бахили}⁴, которого также звали «Сияющий». Главой одного из двух флангов назначил {‘Умар} Худзайфу ибн ‘Усайда ал-Гаффари, а другого – Букайра ибн ‘Абд Аллаха ал-Лайтси. Стоял последний напротив {стен} Дербента (ал-Баб) еще до того, как Сурака ибн ‘Амр, в соответствии с предписанием {халифа} о выдвижении навстречу к {Букайру}, прибыл туда. Наконец, определил {‘Умар} главой по распределению {добычи} Салмана ибн Раби‘а {ал-Бахили}⁵.

Итак, выдвинул Сурака в авангард ‘Абд ар-Рахмана ибн Раби‘а, а сам выступил вслед {за ним}, выезжая из Азарбайджана в сторону Дербента (ал-Баб). Дошел он до Букайра, когда тот был уже в окрестностях Дербента (ал-Баб). Соединившись с Букайром, вступил {Сурака} в область (بلاد [билад]) Дербента (ал-Баб), для чего и был он мобилизован ‘Умаром. Послал ‘Умар к нему Хабиба ибн Масламу {ал-Фихри}⁶ в качестве под-

¹ Подобный подзаголовок имеется в каирск. издании (ат-Табарй, Изд. М. ‘Абу ал-Фади ‘Ибрахим), т. 4, с. 155.

² См.: ат-Табарй, сер. I, с. 2016 и сл. Автор «Книги о великих завоеваниях и вероотступниках» (كتاب الفتوح الكبير والزفة [Китаб ал-футух ал-кабир ва-р-ридда]), умер в 180 г. х. (796/7) (F. M. Donner, Sayf b. ‘Umar, – «The Encyclopaedia of Islam», Vol. 9 /San-Sze/, 1997, p. 102-103).

³ См.: там же, с. 2505 и сл.

⁴ См.: там же, с. 2225.

⁵ См.: Халифа бин Хаййат, с. 132 и сл.; ал-Балазурй, с. 198 и сл.; ал-Йа‘кубй, Та’рих, т. 2, с. 194; ‘Ибн ал-‘Асйр, т. 3, с. 14.

⁶ См.: Халифа бин Хаййат, с. 125 и сл.; ал-Балазурй, с. 176 и сл.; ал-Йа‘кубй, Та’рих, т. 2, с. 180; ат-Табарй, сер. I, с. 2808 и сл.

крепления. А так как последний был направлен к нему из Джазиры (الجزيرة [ал-Джазйра])^{xii}, то послал {халиф} Зийада ибн Ханзалу {ат-Тамими}¹ на его место в Джазиру.

И выступил ‘Абд ар-Рахман ибн Раби’а вперед к царю Дербента (ал-Бāб), а царем его в те дни был Шахрвараз (شهربراز [Шахрбарāз])² – муж из числа жителей Персии, который возглавлял данный {горный} проход (الفرج [ал-фардж]). Возводил этот свое происхождение к дому Шахрвараза^{xiii} – царя, который разложил израильян (بنو إسرائيل [банй ’Исрā’ил])³xiv, изгнав их из Сирии {и Палестины} (الشام [аш-Ша’м])⁴xv. Итак, стал этот Шахрвараз вести переписку {с ‘Абд ар-Рахманом}, прося у него гарантии безопасности, дабы (*сер. I, стр. 2664*) выйти к нему. Так и поступил {‘Абд ар-Рахман}. В результате явился {Шахрвараз} к нему и заявил: «Поистине, передо мной {с одной стороны} злейший враг – {хазары^{xvi}}⁵, а {с другой} – различные народы незнатного происхождения (أحساب [’ахсāб])⁶». Не подобает тому, кто благороден и разумен, оказать содействие {людям}, подобно этим, или привлечь их на помощь {в борьбе} против знатных и влиятельных людей. Ведь знатный ближе к знатному, где бы он ни находился. Между прочим, нет у меня ни {капли крови} кавказца (ал-қабдж) и ни {капли крови} армянина⁸! Поистине, вы одержали верх над страной моей и народом, а посему с сегодняшнего дня я один из вас, а рука моя в руках ваших, и всё внимание мое вместе с вами. Да ниспошлет Всевышний (بَارَكَ اللهُ [бāрака Аллах]) нам и вам благословение! А подушная подать (جزية [джизйа]), {которую будем уплачивать}, да помо-

¹ См.: ат-Табарй, сер. I, с. 1798 и сл.

² На наш взгляд, это, возможно, – первенствующий князь Албании Вараз-Григор (629-638) (Ա. Շահրիբեհն, Արաբական խալիֆայութեան արաջին համաձայնագիրը Արմինիայի բնակիչներին հետ, – ՀՀԷ, հտ. ԽԱ, Պէշրութ, 2021, էջ 317-336):

³ В им. п. بنو إسرائيل [бану ’Исрā’ил], др.-евр. שִׁבְטֵי יִשְׂרָאֵל [Šībṭēy Yīsrā’ēl].

⁴ Также: الشام [аш-Ша’м].

⁵ См.: ал-Бал’амй, т. 3, с. 496.

⁶ В ед. ч. حسب [хасāб].

⁷ В перс. версии «Истории пророков и царей» вместо фразы: «различные народы незнатного происхождения» обнаруживается явный анахронизм – «руссы» (ал-Бал’амй, т. 3, с. 496).

⁸ В тексте этноним во мн. ч.: الأرمن [ал-’арман]; в ед. ч. الأرمني [ал-’арманй].

жет вам одержать победу и реализовать всё то, что задумали¹. Но только не унижайте нас, {облагая огромной} данью (ал-джизйа), иначе обессилите нас перед лицом собственных врагов»!

Ответил ‘Абд ар-Рахман: «Надо мной есть муж, который готов взять тебя под протекцию свою. Так что ступай ты к нему и заручись поддержкой его!» И пошел {Шахрвараз} к Сураке {ибн ‘Амру}, а встретившись с ним, {получил} подобную {поддержку}. Как промолвил Сурака: «Принимаю я данное {условие} в отношении тех, кто прибыл с тобой, пока готовы они {служить мне}. Однако не освобождаются от податей (جزاء [джизā’]²) те, кто остались {в Дербенте}, не тронувшись {с места}».

Итак, было принято подобное {условие}, которое стало практикой для тех, кто участвовал в войнах с врагами-язычниками (المشركين [ал-мушрикйн]³), и для тех, на ком не лежали прочие обязанности (ал-джизā’), кроме как быть наготове к мобилизации и, таким образом, не накладывались на них подати (джизā’) за текущий (сер. I, стр. 2665) год. Доложил Сурака {халифу} ‘Умару ибн ал-Хаттабу в письме о подобной {практике}, а тот, одоблив, разрешил ему реализовать ее.

Не было в той стране, окруженной безграничными горами {Кавказа}, возвышенности, на которой не оставались бы армяне, готовые выступить {на войну}. Это были жители, как из окрестностей, так и издалека⁴, которые были оторваны от своих возвышенностей из-за набегов обитателей {северокавказских} степей (أهل القرار [’ахл ал-карār]⁵). Прикрывались горцы (أهل الجبال [’ахл ал-джибāl]) от тех {степняков} в собственных горах на то время, пока покидали те свои низменные земли. В результате оставались на этих {возвышенностях} одни только воины {армяне} и те, кто поддерживал их и вел с ними торговлю.

Была составлена для этих {армян} копия грамоты от имени Сураки ибн ‘Амра {нижеследующего содержания}:

«Во имя Аллаха всемилостивого и милосердного! Сия {грамота} от Сураки ибн ‘Амра – наместника повелителя правоверных (أمير المؤمنين)

¹ В тексте: وجزيتنا إليكم النّصر لكم، والقيام بما تحبون.

² В ед. ч. джизйа.

³ В ед. ч. المشرك [ал-мушрик].

⁴ В тексте: الطّراء [ат-туррā’].

⁵ Досл.: «жители равнины».

[’амйр ал-му’минйн])^{xvii} ‘Умара ибн ал-Хаттаба, выдана Шахрваразу, жителям Армении (أرمينية [’Армийнийа]¹, <щр)>^{xviii} и армянам о гарантиях безопасности (الأمان [ал-’амāн]). Так вот, гарантирую им неприкосновенность (’амāн) личности и имущества, а также {свободу} вероисповедания, если не будут они сопротивляться и нарушать {договор}. Возлагается на жителей Армении (’Армийнийа) и Дербента (ал-’Абвāб), {в частности}, как прибывших издалека, так и на местных², а также {на тех}, кто из прилегающих местностей, с которыми вступил {’Абд ар-Рахман ибн Раби’а в соглашение}: выступать во всех походах; исполнять все приказы, будь они желанными или нет³, если сочтет их правитель (ал-вā-лй) {’Абд ар-Рахман} необходимыми. Освобождаются от податей (ал-джизā’) только те, кто согласны с этим и готовы на {военные} сборы. Таким образом {военные} сборы заменяют им уплату податей (джизā’). Однако те из них, которые будут уволены {из армии}, или же будут уклоняться {от нее}, на тех лягут аналогичные с жителями Азарбайджана условия⁴, а именно уплата подушных податей (ал-джизā’), сопровождение и предоставление стоянки {мусульманам} в течение всего дня. В случае если участвуют они в {военных} сборах, то освобождаются от {всего} этого, а в случае (*сер. I, стр. 2666*) отказа {от исполнения обязанностей} будут они задержаны».

Засвидетельствовали ‘Абд ар-Рахман ибн Раби’а, Салман ибн Раби’а и Букайр ибн ‘Абд Аллах. Составил {грамоту} Марди ибн Мукаррин и засвидетельствовал.

Послал Сурака после этого Букайра ибн ‘Абд Аллаха, Хабиба ибн Масламу, Худзайфу ибн ’Усайда и Салмана ибн Раби’а к жителям тех {Кавказских} гор, которые окружали Армению (’Армийнийа). Направил

¹ Также: أرمينية [’Ирмийнийа] (*ад-Дйнаварй*, с. 5); أرمينية [’Армийнийа] (там же, с. 69 и 81). Встречаются также одновременно два варианта огласовкок («фатха» и «кесра») первого харфа, предложенные М. де Гуэ: أرمينية [’Армийнийа] и أرمينية [’Ирмийнийа] (см.: **ат-Табарй**, сер. II, с. 635 и сл.).

² В тексте: الطرء منهم والنساء [ат-турра’ мин-хум ва-с-сунна’].

³ В тексте: ناب أو لم ينب [nāba ’ав лам йануб].

⁴ О них см.: **ат-Табарй**, сер. II, с. 2662.

он Букайра в {область} Мукан (موقان [Мукан]¹)^{xix}, Хабиба – в {город} Тбилиси (تفليس [Тифлис]²)^{xx}, Худзайфу ибн 'Усайда к тем, которые {проживали} в горах Аланских (اللان [ал-Лан]³)^{xxi}, а Салмана ибн Раби'а в противоположную сторону – {в Албанию⁴ – Арран^{xxii}}⁵. Доложил Сурака 'Умару ибн ал-Хаттабу в письме о завоеваниях и обстоятельствах, при которых он отправлял этих людей.

Итак, узнал 'Умар о положении дел, которые, как показались ему, не выполнимы для того {Сурака} в такие кратчайшие сроки и без провианта. Ведь имел он дело с обширным {горным} проходом (фардж), в котором размещалось огромное {вражеское} войско.

Между тем, заняли {вооруженные} жители Персии выжидательную позицию, {наблюдая} за действиями тех {мусульман}, а затем либо перестали бы воевать, либо побудили бы их на {войну}. Ну а пока встали {горцы} на ноги и осознали всю справедливость ислама, умер Сурака, оставив 'Абд ар-Рахмана ибн Раби'а в качестве преемника, так как уже ушли все те военачальники, которые были посланы Суракой. Кстати, никто из них так и не смог покорить ту {область}, в которую он был направлен, за исключением одного Букайра. Поистине, рассеял этот {жителей} Мукана, кои затем вернулись на условиях {уплаты} подушной подати (алджизья). Выдал тогда им {Букайр} грамоту {следующего содержания}:

¹ Др.-арм. Մուկան, визант. Μοκᾶν, груз. Мовакани, в араб. источниках также Муканиййа, от авест. mūʾan (букв.: «огнепоклонники»). Ср. И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., Москва-Ленинград, 1956, с. 376; Ա. Յակոբեան, Արքայատոհմերն ու իշխանատոհմերը Բուն Աղուանքում եւ Հայոց Արեւելից կողմանքում անտիկից մինչեւ ԺԳ դար (Պատմա-աղբիւրագիտական քննութիւն), Եր., 2020, էջ 232-233:

² М. де Гуэ одновременно предлагал два варианта огласовки первого харфа تِفْلِيس [Тифлис] и تَفْلِيس [Тафлис]; асомтаврული ტყტბუი [T'bilisi] (букв.: «теплый источник»).

³ Собр., также: آلان [ʾАллān] (**ал-Табарий**, сер. I, с. 895), ср.-перс. Alānān (мн. ч.), от др.-иран. Агуāна (букв.: «арийцы») – самоназвание индоиранцев в эпоху глубокой древности.

⁴ Др.-арм. Աղուանք:

⁵ См. поход Салмана ибн Раби'а в Арран: ал-Балāзурй, с. 203-204; ал-Йа'қубй, Та'рих, т. 2, с. 194.

«Во имя Аллаха всемилостивого и милосердного! Сия {грамота} от Букайра ибн ‘Абд Аллаха выдана жителям Мукана, что в горах Кавказа (ал-Қабдж). Гарантирую им неприкосновенность (ал-’амāн) имущества и личности, а также {свободу} вероисповедания и {соблюдение} собственных законов при условии уплаты подушных податей (ал-джизā’) – по одному динару {в год} с каждого достигшего совершеннолетия {мужчины}, или {эквивалентную} его стоимость. Сверх того, {возлагаются на них обязанности} в наставлениях и сопровождении мусульман, а также в предоставлении им стоянки днем и ночью. Итак, будут те {муканцы} пребывать в безопасности (ал-’амāн) доколе размещают они {мусульман} и дают {им} наставления, а на нас лежит исполнение {взятого на себя обещания} (*сеп. I, стр. 2667*) с Божьей (Аллах) помощью. Но если вдруг откажутся те {от выполнения} данного {соглашения} и выяснится, что среди них есть нарушители, то будут лишены они {гарантий, предусмотренных} “охранной грамотой” (’амāн), кроме случаев выдачи нарушителей до последнего {мужа}. В противном случае они {будут считаться} их единомышленниками».

Засвидетельствовали аш-Шаммах ибн Дирар, ар-Русарис ибн Джунадиб и Хамалах ибн Джуваййа. Составлена {грамота} в 21-м году {хиджры} (=10 декабря 641 г. – 29 ноября 642 г.).

Говорили {мне}, что как только дошла до ‘Умара {весть} о смерти Сураки и о том, что заменил его ‘Абд ар-Рахман ибн Раби’а, утвердил он последнего во главе {горного} прохода (фардж) Дербента (ал-Бāб), приказав ему совершать поход против тюрок{-хазар}. И когда выступил ‘Абд ар-Рахман вместе с людьми {ислама}, пройдя через {горный проход} Дербента (ал-Бāб), спросил его Шахрварз: «А что намереваешься ты делать?» В ответ: «Намерен я {отвоевать город} Баланджар (بلنجر)^{xxiii}». Прокомментировал тогда {Шахрварз}: «Удовлетворимся мы даже в том случае, если оставят те {жители Баланджара} нас {в покое} по эту сторону Дербента (ал-Бāб)». На что промолвил {‘Абд ар-Рахман}: «Зато мы не можем удовлетвориться тем, что не вступили в их дворы (ديار [дийār]¹). Ей-Богу (وتالله [ва-та-Ллахи])! с нами есть люди, и в случае если позволит нам эмир наш продвинуться дальше, то достигну я с ними до крепостного вала (الردم [ар-радм]) {Дербентского}». Решил уточнить

¹ В ед. ч. دار [дār].

{Шахрвараз} «И кто же они»? В ответ: «Это – те люди, которые были сподвижниками самого посланника Аллаха (Да благословит Его Аллах и приветствует! (صَلَّمَ)¹) и взялись за это дело осознанно. Обладали они скромностью и благородством даже в доисламскую эру (الجاهليَّة [ал-джā-хилийя]); {а сегодня} еще более возросла скромность их и благородство. Так что не бросят они дело это никогда, а победа будет за ними доколе не отвернется от них Тот, Кто на самом деле дарует им победу, или сами не отвлекутся от дела из-за Того, Кто отвергнет их».

Итак, осуществил {‘Абд ар-Рахман} поход на Баланджар в эпоху ‘Умара, в ходе которого не овдовела ни одна женщина, и не осиротел ни один юноша². Достигла его конница во время данного похода до (*сер. I, стр. 2668*) {хазарского города} Итиль (البيضاء [ал-Байдā’]³)^{xxiv}, что на двести *фарсах* (فرسخ [фарсах])⁴ выше (севернее) Баланджара.

Затем осуществил он еще один поход и остался цел. Позднее, совершал он новые походы в эпоху уже {третьего праведного халифа⁵} ‘Усмана {ибн ‘Аффана} (644-656). В итоге был ‘Абд ар-Рахман смертельно ранен только тогда, когда восстали куфийцы при правлении ‘Усмана из-за того, что наместниками назначались отступники.

<...>.

Писал мне ас-Сари {ибн Йахйа}⁶ со слов Шу‘айба {ибн ‘Ибрахима ат-Тамими}¹, который ссылался на Сайфа {ибн ‘Умара ат-Тамими}, тот

¹ Данная *араб.* аббревиатура с титулом мадда расшифровывается следующей формулой величания мусульманами пророка Мухаммада после каждого упоминания его имени: صَلَّى اللهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ [саллā Плаху ‘алай-хи ва-саллама].

² Ср. с повествованием ниже: **ат-Табарӣ**, *сер. I, с. 2891-2892*.

³ *Др.-тюрк.* İtil (букв.: «великая река»). Ср. в «Ашхархациойц»-е – «Աղի գետ» (Անանուն /է դար/, Աշխարհացոյց, Գրտա-քննական բնագիր՝ Ա. Յակոբեանի, – ՀԱ, Վրեհնա-Եր., 2013, սկ. 112):

⁴ *Фарсах* был равен 3 араб. милям или 5³/₅ версты или 5760 м (**В. Ф. Гиргас**, *Арабско-русский словарь к Корану и хадисам – قاموس عربيّ روسيّ لألفاظ القرآن والحديث* – Казань, Типогр. Имп. Ун-та, 1881, с. 610; **Х. К. Баранов**, *Большой арабско-русский словарь – قاموس عربيّ – روسيّ كبير* – بارانوف خ. ق. قاموس عربيّ – روسيّ كبير – в 2 т., 12-е изд., стереотип. Москва, 2008, т. 2, с. 589).

⁵ *Араб.* ثالث الخلفاء الراشدين [сāлис ал-хулафā’ ар-рāшидйн].

⁶ См.: **ат-Табарӣ**, *сер. I, с. 1797* и сл.

– на ал-Гусна ибн ал-Касима, этот на – мужа {из племени Кинаны²}³, а последний – на Салмана ибн Раби‘а {ал-Бахили}, сказавшего:

«Когда явился к тюркам{-хазарам} ‘Абд ар-Рахман ибн Раби‘а, вмешался Аллах, не позволив им выступить против него, в связи с чем {хазары} заявили: “Не отважился бы напасть на нас этот муж, если бы не сопровождали его ангелы, оберегавшие от гибели”. После заперлись они от него {в своих крепостях}, обратившись в бегство. Но вернулся он с добычей и победой, а {произошло} это в период правления ‘Умара. Затем совершал он походы против тех {хазар} во времена уже ‘Усмана. Побеждал он, как и прежде одерживал триумфы, но до тех пор, пока не восстали куфийцы из-за того, что стал ‘Усман назначать наместников из числа отступников.

Совершил {‘Абд ар-Рахман} против тех {хазар} после этого еще один поход. Проявляя недовольство, шептали тюрки{-хазары} между собой: “Воистину бессмертны они!” В ответ: “Погодите еще!” Так {хазары} и поступили, устроив им (мусульманам) засаду в зарослях. В результате выпустил один из них неожиданно стрелу в мужа из числа мусульман и убил его, а посему сподвижники {убийцы} бросились в бегство. Однако набросились {мусульмане} на них⁴, вступив в бой. Когда битва ужесточилась, возгласил один из глашатаев: “Терпение, (ср. I, стр. 2669) о, люди ‘Абд ар-Рахмана, ведь обещан вам рай!” И бился ‘Абд ар-Рахман до {своей} гибели, а когда {его} люди стали рассеиваться, подхватил знамя Салман ибн Раби‘а – {брат его}⁵, продолжая сражаться под ним. И вновь возгласил тот глашатай: “Терпение, о, люди Салмана ибн Раби‘а!” Тогда крикнул {ему в ответ} Салман: “Разве видишь ты кого-то, кто испуган?” Затем отступил он с людьми; отступили также Салман {ал-Фариси}⁶ и ‘Абу Хурайра ад-Дауси в {область} Гелан (جیلان [Джилан])^{xxv}, а оттуда пробились они в Горган (جرجان [Джурджан])^{xxvi}. После

¹ См.: там же, с. 1749 и сл.

² *Араб.* بيو كنانة [банū Кинāна].

³ См.: **аг-Табарī**, сер. I, с. 2890.

⁴ В тексте слитное *мест.* (с предлогом على [‘алā]) в III л., в ед. ч.: ... [...хи].

⁵ См.: **аг-Табарī**, сер. I, с. 2637.

⁶ См.: там же, с. 2890 и сл.

⁷ *Ср.-перс.* Gurgān, от *др.-перс.* Varkāna (букв.: «земля волков»).

этого набрались тюрки{-хазары} храбрости, запретив даже им (мусульманам) забирать тело ‘Абд ар-Рахмана, которое по сей день¹ используют они во время молитвы {своим божествам} о ниспослании дождя»².

Рассказывал {Салману ибн Раби‘а один из павших в битве при Нехавенде} ‘Амр ибн Ма‘ди Кариб³ со слов Матара ибн Тсалджа ат-Тамими, сказавшего:

«Зашел я в Дербенте (ал-Бāб) к ‘Абд ар-Рахману ибн Раби‘а, когда при нём находился Шахрвараз. Явился к нему муж, который в изможденном состоянии подошел к ‘Абд ар-Рахману, но сел рядом с Шахрваразом. (Тогда на Матаре был {надет} какой-то йеменский плащ – то ли с красноватым основанием и черными узорами, то ли, {наоборот}, с красными узорами и черноватым основанием).

Стали {Шахрвараз и ‘Абд ар-Рахман} расспрашивать друг друга. Тогда Шахрвараз спросил: “О, эмир, не знаешь ли ты, откуда прибыл этот муж? Ведь посылал я его несколько лет назад к {Дербентской} стене (السّد [ас-садд]), дабы выяснить, что она представляет собой, и кто за ней {проживает}. Снабдил я его тогда (*сер. I, стр. 2670*) огромным богатством и составил {послание}, чтобы передал он тому, кто {правит} на прилегающих со {страной} моей землях. Подготовил я для него дары и попросил посредством этого {гонца моего} направить послание тому, кто {правит} уже на смежных с его {страной} землях. Выдал я {гонцу своему} дары, предназначенные каждому царьку {гор}. Так он и поступил в отношении всех царьков, {правивших до той стены}, пока не достиг он ее. В итоге добрался он до того царька, по ту сторону земли которого {тянулась уже Дербентская} стена. Составил последний для наместника (عامل [‘āмил]) тамошней страны {грамоту}, которая была доставлена

¹ Сер. VII в., т. к. автор первоисточника Салман ибн Раби‘а ал-Бахили погиб от рук хазар под Баланджаром в 655 г. (А. К. Шагинян, Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти, Санкт-Петербург, 2011, с. 128-129).

² Ср. с повествованиями ниже: ат-Табарӣ, сер. I, с. 2889-2891.

³ В каирском издании вместо *и. собств.* в им. п. عمر بن معدي كرب [‘Амр бин Ма‘дӣ Кариб] написано عمر بن معد يكرّب [‘Амр бин Ма‘д Йакриб] (ат-Табарӣ, Изд. М. ‘Абу ал-Фадл ‘Ибрахим, т. 4, с. 159).

{гонцом моим}. В ответ послал {наместник} вместе с ним сокольника своего со своим орлом, которому вручал {гонец мой} шелковую ткань”.

И доложил {гонец этот}: “Отблагодарил меня сокольник. Так вот, когда добрались мы до двух гор, между которыми {выстроена} блокирующая стена, то {увидели}, как тянулась она сначала на одном с ними уровне, затем возвышалась над обеими горами. А перед стеной проходила {глубокая} траншея – темнее ночи, из-за своих размеров. Посмотрев на всё это и понаблюдав, решил я уйти. Однако заявил мне сокольник: “Не торопись, вознагражу я тебя! Ведь никто из правивших царей после царствования так и не смог предстать перед Всевышним (Аллах), взяв собой всё-то лучшее, что имелось у него в мирской жизни, выкинув его в это пламя”. И, порезав кусок мяса, которое было при нем, швырнул он его в то пустое пространство, а орел устремился вниз за тем {мясом}, на что {сокольник} сказал: “Если поймает его до того, как оно упадет {на дно}, то там ничего нет! А если не поймает до того, как упадет, тогда там что-то есть”! Выбрался орел к нам, неся мясо в когтях своих, а внутри был кусочек яхонта (ياقوتة [йякӯта]), который он отдал мне. Вот он”!

Прикоснулся Шахрвараз к рубину (حمرَاء [хамрā’]), а потом передал его ‘Абд ар-Рахману. (*ср. I, стр. 2671*) Тот, посмотрев на него, вернул Шахрваразу, который воскликнул: “Этот {камень} прекраснее, чем {вся} эта страна, имея в виду Дербент (ал-Бāб). Клянусь Богом (وَأيم الله [ва-’айму Аллах])! Желаю, чтобы у царской власти были вы, нежели потомки Хосрова (خسرو [Хасрӯ])¹”. Если бы я продолжал пребывать под их властью, а весть о таком {яхонте} дошла бы до них, то отобрали они у меня. Клянусь Богом (ва-’айму Аллах), ничто не будет стоять у вас {на пути}, если верны и вы {обещанию своему}, и ваш великий царь (халиф)”!

Развернулся ‘Абд ар-Рахман к гонцу {Шахрвараза} и спросил: “Ну что представлял собой тот крепостной вал (الردم [ар-радм]), на что он был похож”? В ответ: “{Вот как} эта одежда, которая на том муже”.

{Рассказывая мне³}, уточнял {Матар}: “Глядел при этом он на мою одежду”. Тогда сказал Матар ибн Тсалдж ‘Абд ар-Рахману ибн Раби‘а: “Сказал человек правду, ей-Богу (ва-Ллахи)! Пробивался он {туда} и ви-

¹ *Ср. -перс.* Нусгӯ (Насрав), от *авест.* Наосрауаһ (букв.: «имеющий добрую славу»).

² В значении поздних сасанидских шахиншахов.

³ Т. е. ‘Амру ибн Ма‘ди.

дел {всё собственными глазами}”. Ответил {‘Абд ар-Рахман}: “Да, действительно, дал он описание железа и меди”, и вставил {кораническую цитату}: “Носите ко мне столько кусков железа...¹”, итак, до конца того аята (الآية [ал-’айа]). Тогда ‘Абд ар-Рахман обратился к Шахрваразу: “Какова была {стоимость подготовленного} дара твоего”? В ответ: “Цена {была} сто тысяч в стране моей и три миллиона² или немного более того в тех странах {гор Кавказа}”».

<...>.

(сер. I, стр. 2672) ...

В том же году {хиджры} осуществил {халиф} ‘Умар передел покоренных {стран Севера} между куфийцами и басрийцами.

Повествование с сообщением на сей счет

Писал мне ас-Сари {ибн Йахйа} со слов Шу’айба {ибн ‘Ибрахима ат-Тамими}, который ссылался на Сайфа {ибн ‘Умара}, а этот на Мухаммада, Талху, ал-Мухаллаба, ‘Амра и Са’ида, сказавших:

«<...> (сер. I, стр. 2673) <...>.

Когда наместником {всего аш-Шама³, включающего Джазиру⁴}, был Му’авийа ибн ‘Абу Суфйан⁵, вербовал он в “Войсковую часть Киннастрина” (جند قنسرين [Джунд Киннасрйн^{xxvii}]) {шиитов⁶ из числа} рафидитов (رافضة [рафида])⁷ ^{xxviii} из обоих Ираков (العراقين [ал-’Ира-кайн])^{xxix} в дни {четвертого праведного халифа⁸}, ‘Али ибн ‘Абу Талиба [656-661]. Меж-

1 «أَتُونِي زُبَرَ الْحَدِيدِ» [’Атүни зубара л-хадйди] (Коран. 18:95).

2 В тексте: ألف ألف [’äläf ’алф] (букв.: «тысячи тысяч»).

3 Объединение всего аш-Шама под властью единого наместника происходило в течение первых двух лет правления халифа ‘Усмана (**ат-Табарй**, сер. I, с. 2865-2867).

4 **Ал-Балазурй**, с. 178, 183-184, 185, 197.

5 Будущий халиф (661-680), основатель династии ‘Умаййадов (661-750).

6 *Араб.* الشيعة [аш-шй’а].

7 В ед. ч. رافض [рафид] (букв.: «оставляющий, покидающий, приверженец {халифа} ‘Али») (**В. Ф. Гиргас**, Указ. соч., с. 309).

8 *Араб.* الخلفاء الراشدين رابع [раби’ ал-хулафä’ ар-рашидйн].

ду тем, считался Киннасерин одним из округов (رستاق [рустāk]¹) Хомса (حمص [Химс])^{xxx}, пока не колонизовал Му'авийа его, вербуя туда покидавших в то время Куфу и Басру {жителей}, и пока не выделил им Му'авийа долю, которая была {добыта} при завоеваниях Ирака, Азарбайджана, Мосула (الموصل [ал-Маусил])^{xxxi} и Дербента (ал-Бāб) и сложена вместе.

Оставалось население Джазиры и Мосула в те дни смешанным со всеми теми расселенными, (*сеп. I, стр. 2674*) которые, будучи жителями двух городов (أهل البلدین [’ахл ал-булдайн], то есть Куфы и Басры), пренебрегли переселением {с целью продолжения завоеваний}. Дербент (ал-Бāб), Азарбайджан, Джазира и Мосул – это {области}, которые были покорены куфийцами, но переданы {наместником Му'авийей} только тем, кто из них переселился в Сирию (аш-Ша’м) во времена ‘Али, и тем, кем были расселены Джазира и Мосул из числа отказавшихся дальше переселяться в эпоху того же ‘Али.

Стали жители Армении (’Армїнийа) гяурами² (восстали) во времена {наместничества в аш-Шаме} Му'авийи, который назначал Хабиба ибн Масламу во главе Дербента (ал-Бāб). Пребывал последний в те дни в Иберии (جرزان [Джурзāн]^{xxxii}, Қартли^{3xxxiii}), ведя переписку с жителями Тбилиси (Тифлїс) и тамошних гор, которые продолжали борьбу до тех пор, пока не дали согласие на заключение с Хабибом договора. В результате было составлено послание {нижеследующего содержания} после завершения переписки с ними:

“Во имя Аллаха всемилостивого, милосердного! От Хабиба ибн Масламы жителям Тбилиси (Тифлїс), что в Иберии (Джурзāн) – стране кошиния (الهرمز [ал-хурмуз])^{4xxxiv}, мир вам! Воистину, восхваляю я Аллаха перед вами, так как нет другого бога, кроме Него! Поистине, прибыл к нам гонец ваш Николоз (نقلی [Тафлї])^{5xxxv} и донес {послание} от вас, и вручил высланные вами {дары}. Отметил Николоз, ссылаясь на вас, что

¹ От *ср.-непс. rōstāg*.

² В тексте *гл. كفر* [кафара].

³ *Др.-груз. асомтаврული ჟღჳჳფ’ბ’ი* [K’art’li].

⁴ Опечатка: вместо *الهرمز* [ал-хурмуз] должно быть *القرمز* [ал-қирмиз] (см. **ал-Балāзурї**, с. 200 и 201).

⁵ Опечатка: вместо *и. собств. نقلی* [Тафли] должно быть *نقلی* [Ниқулā] (см. там же, с. 201), *др.-груз. ნიკოლოზ* [Nikoloz].

мы не являлись народом, с которым считались {прежде}. {В действительности}, таковыми мы оставались доколе Аллах, Всемогущий и Великий (الله عَزَّ وَجَلَّ [Аллах ‘Азза ва-Джалла]), не вывел нас на правильный путь посредством Мухаммада (Да благословит Его Аллах и приветствует!), и не сделал могучим нас {верой} исламской после того, как пребывали мы в малом количестве, униженном состоянии и невежестве. (*сер. I, стр. 2675*) Кроме того, упомянул Николоз, что вы желаете установления с нами {прочного} мира. {Уверю вас}, что все, кто пребывает {сейчас} со мной и является верующим {в Аллаха}, не возражают. В связи с этим посылаю я к вам ‘Абд ар-Рахмана ибн Джжаз’ ас-Сулами – одного из ученых наших из числа знатоков Аллаха и Корана (القرآن [ал-Қур’ān]), а вместе с ним высылаю грамоту свою {нижеследующего содержания}, гарантирующую вам неприкосновенность (‘амān). Если вы согласны, то передаст он ее вам; если же отвергнете – то объявит он вам {священную} войну. Ведь Аллах не любит вероломных”¹.

“Сия грамота от Хабиба ибн Масламы {выдана} жителям Тбилиси (Тифлис), что в Иберии (Джурзān) – стране кошинилия (ал-хурмуз²) о том, что гарантируется вам неприкосновенность (ал-‘амān) личности, имущества, кельей (صوامع [савāми’]³), храмов (بيع [бийа’]⁴) в обмен на уплату небольшого объема подушной подати (ал-джизйа). Возлагается на каждый дом целый динар. Кроме того, мы будем {получать} наставления ваши и содействия против врагов Аллаха и врагов наших. {Обязаны вы} также предоставлять прохожему {мусульманину} ночлег, {угощать его} дозволенной пищей “людей {Священного} Писания” и дозволенным питьем, указать {ему} дорогу, за исключением тех случаев, когда может быть нанесен вред кому-то из вас. Если же обратитесь вы {в ислам} и станете совершать {установленную для мусульманина} молитву и раздавать милостыню (الزكاة [аз-закā-т]^{xxxvi}), то тогда вы – братья наши по вере и вольноотпущенники (موال [мавāl]⁵) наши. Но если кто-то {из вас} отвернется от Аллаха и посланников Его, а также книг и после-

¹ Ср. с текстом того же документа у ал-Баладури (там же, с. 201).

² Опечатка: вместо ал-хурмуз должно быть ал-кирмиз (см. там же, с. 200 и 201).

³ В ед. ч. صومع [савма’].

⁴ В ед. ч. بيعة [бий’а].

⁵ В ед. ч. مَوَالِي [маулан] (идафа مَوَالِي [маула]).

дователей Его, в таком случае будет объявлена {вам} {священная} война. Ведь Аллах не любит вероломных”¹.

Засвидетельствовали ‘Абд ар-Рахман ибн Халид {ибн ал-Валид}, ал-Хадждадж, ‘Ияд {ибн Ганм ал-Фихри}. Приписал Рабах²: “Призываю я Аллаха и ангелов Его и {всех} верующих {мусульман} в свидетели, хотя и одного Аллаха достаточно в качестве свидетеля!”».

<...>.

(сер. I, стр. 2799)

Далее наступил двадцать четвертый год {хиджры}
(=7 ноября 644 г. – 27 октября 645 г.)

<...>.

(сер. I, стр. 2804) <...>.

В сем году, а я имею в виду 24-й год {хиджры}, совершил ал-Валид ибн ‘Укба поход в Азербайджан и Армению (‘Армийийа) из-за того, что жители тамошние отказались от тех условий мира, на которых договаривались они с мусульманами во времена {халифа} ‘Умара. Подобная {датыровка фигурирует} в сведениях {умершего в 157 г. х.³} ‘Абу Михнафа⁴. Согласно рассказам других {информаторов}, данный {поход} состоялся в 26-м году {хиджры} (=17 октября 646 г. – 6 октября 647 г.).

(сер. I, стр. 2805)

Повествование с сообщением об этом и о былых делах мусульман, а также о тех их делах, {кои имели место} в ходе данного похода

Упоминал Хишам ибн Мухаммад то, что рассказывал ему ‘Абу Михнаф со слов Фарвы ибн Лакита ал-’Азди ал-Гамиди:

<...>.

¹ Ср. с текстом того же документа в «Книге завоеваний стран» (ал-Балāзурй, с. 201-202).

² Неизвестный науке свидетель.

³ Соответствует периоду по юлианскому календарю с 21 ноября 773 г. – 10 ноября 774 г.

⁴ Он же: Лут ибн Йахйа ибн Са‘ид ибн Михнаф ал-’Азди (Н. А. R. Gibb, Abū Mikhnaf, – «The Encyclopaedia of Islam», Vol. 1 (A-B), 1960, p. 140).

Совершил ал-Валид ибн ‘Укба, будучи эмиром Куфы в эпоху верховной власти (السلطان [ас-султāн])^{xxxvii} ‘Усмана, поход в Азарбайджан и Армению (‘Армїнийя). Призвав {к себе} Салмана ибн Раби‘а ал-Бахили и послав его вперед в качестве своего авангарда, сам ал-Валид выступил с отрядом (جماعة [джамā‘а]) собственных людей, желая сосредоточиться на {покорении} земли Армянской (‘Армїнийя). Шел он с людьми {ислама} всё дальше, пока не вторгся в Азарбайджан. Послал он также ‘Абд Аллах ибн Шубайла¹ ибн ‘Ауфа ал-‘Ахмаси во главе четырех тысяч {воинов}, который напал на жителей Мукана, Бабара (البر [ал-Бабар])^{xxxviii} и Талишана² (الطليسان [ат-Тайласāн])^{xxxix}. Нанес последний вред их имуществу, захватил добычу, и хотя народ остерегался его, удалось ему схватить среди них немного пленников. После прибыл {‘Абд Аллах ибн Шубайл обратно} к ал-Валиду ибн ‘Укбе.

(сер. I, стр. 2806) <...>. И когда вернулся к нему ‘Абд Аллах ибн Шубайл ал-‘Ахмаси из похода невредимым и с добычей, послал он Салмана ибн Раби‘а ал-Бахили в Армению (‘Армїнийя) во главе двенадцати тысяч {воинов}. {Было дело} в 24-м году {хиджры}. Отправился тот в землю Армянскую (‘Армїнийя), убивая и увозя {оттуда} пленных и добычу. Затем вернулся, прибыв к ал-Валиду с полными руками. В результате покидал ал-Валид {Азарбайджан} с одержанной победой и достигнутым успехом.

(сер. I, стр. 2835) <...>.

**Далее наступил тридцатый год {хиджры}
(=4 сентября 650 г. – 23 августа 651 г.)**

<...>.

(сер. I, стр. 2840) ...

Упоминания о причине отстранения ‘Усманом ал-Валида {ибн ‘Укбы от должности правителя} ал-Куфы и назначения туда Са‘ида {ибн ал-‘Аса}³

<...>.

¹ Также: شبل [Шибл] (ал-Балāзурй, с. 327).

² У ал-Баладзури на жителей Мукана, Бабара и Талишана покушался сам ал-Валид (см. там же).

³ См: ат-Табарй, сер. I, с. 2808 и сл.

(сер. I, стр. 2856) <...>. Писал мне ас-Сари {ибн Йахйа} со слов Шу'айба {ибн 'Ибрахима ат-Тамими}, который ссылался на Сайфа {ибн 'Умара}, а этот на Мухаммада и Талху, сказавших:

«Был Худзайфа {ибн ал-Йаман}¹ освобожден от кампании на Рей и {направлен} в поход в сторону Дербента (ал-Бāб), дабы оказать 'Абд ар-Рахману ибн Раби'а помощь. Выступил вместе с ним и Са'ид ибн ал-'Ас, который сопровождал его до самого Азарбайджана. Таким образом, содеянное ими стало людям {ислама} поддержкой. Оставался {Са'ид там} до тех пор, пока не прибыл Худзайфа обратно, а затем оба вернулись {в Куфу}».

<...>.

(сер. I, стр. 2865)

Далее наступил тридцать первый год {хиджры}
(=24 августа 651 г. – 11 августа 652 г.)

<...>.

(сер. I, стр. 2871) <...>.

В сем году {хиджры}, а я имею в виду 31-й год, Армения ('Армйни-йа), согласно рассказам ал-Вакиди, перешла в руки к Хабибу ибн Масламе ал-Фихри.

<...>.

(сер. I, стр. 2888) <...>.

Далее наступил тридцать второй {хиджры}
(=12 августа 652 г. – 1 августа 653 г.)

Повествования о том, что из упомянутых событий происходило в сем {году}

<...>. (сер. I, стр. 2889) <...>.

Рассказывал мне об этом 'Ахмад ибн Тсабит {ар-Рази} со слов того, кто передавал ему, который, ссылаясь на 'Исхака {ибн 'Исы}, а этот – на 'Абу Ма'шара, излагал тот же рассказ ал-Вакиди:

«В сем году {хиджры} передал Са'ид ибн ал-'Ас {военное} командование (استعمل) ['иста'мала] над {горным} проходом (фардж) Балан-

¹ См. там же, с. 2806 и сл.

джара Салману ибн Раби'а. Кроме того, подкрепил он армию, которая стояла там во главе с Худзайфой, сирийцами ('ахл аш-Ша'м) под командованием Хабиба ибн Масламы ал-Фихри. Согласно Сайфу {ибн 'Умару ат-Тамими}, разразился в том же году спор между Салманом и Хабибом вокруг командования, из-за чего рассорились сирийцы ('ахл аш-Ша'м) с куфийцами».

Повествование с сообщением на сей счет

Из того, что было написано мне ас-Сари {ибн Йахйей} со слов Шу'айба {ибн 'Ибрахима ат-Тамими}, который ссылался на Сайфа {ибн 'Умара}, а этот на Мухаммада и Талху, сказавших:

«Написал 'Усман Са'иду {ибн ал-'Асу}: "Пошли Салмана в поход {из} Дербента (ал-Бāб)!" Одновременно написал {халиф} 'Абд ар-Рахману ибн Раби'а, который возглавлял Дербент (ал-Бāб): "Поистине, многих подданных (الرَّعِيَّةُ [ар-ра'ййа]) испортило чревоугодие! Так что прекращай {поход на Баланджар}, не штурмуй ты {его} с мусульманами, ибо боюсь я, что подвергнуться они испытаниям"! Однако {высочайшее предписание} не удержало 'Абд ар-Рахмана от намеченной цели, и не прекратил он {кампанию} против Баланджара. Итак, шел он на девятом году правления 'Усмана в поход, достигнув Баланджара. Осадили {мусульмане} этот {хазарский город}, установив перед ним катапульту (المجانيق [ал-маджāнййқ]) и баллисты (العزادات [ал-'аррāдāt])¹. Но не мог среди них (сер. I, стр. 2890) никто подойти {к стенам}, будучи не ввергнутым в беду или убитым. Поторопились люди {ислама к бегству}; как раз в те же дни был убит Ми'дад {аш-Шайбани}².

После этого тюрки{-хазары} договорились между собой о дне {совместной контратаки}. Поэтому когда выступили горожане Баланджара, стали постепенно мобилизоваться с ними также тюрки{-хазары}, вступив в бой. Смертельно был ранен 'Абд ар-Рахман ибн Раби'а, по прозвищу «Сияющий» (Зў ан-Нўр), а мусульмане были поражены и разбежались. Те, кто взяли путь к Салману ибн Раби'а, нашли спасение, так как выбрались они из Дербента (ал-Бāб). А те, кто пошли по дороге, которая {вела} к хазарам (ал-хазар) и в их страну, оказались в итоге в Гелане и Горгане. Среди них были и Салман ал-Фариси, и 'Абу Хурайра {ад-Дау-

¹ В ед. ч. العزادة [ал-'аррāда].

² См. ат-Табарй, сер. I, с. 2891 и сл.

си)¹. Тем временем забрали люди (хазары) тело ‘Абд ар-Рахмана и поместили его в ларец (гроб), который остается в их руках. И используют они его во время молитвы {своим божествам} о ниспослании дождя по сей день², и просят о помощи {во время войн}

Писал мне ас-Сари {ибн Йахйа} со слов Шу‘айба {ибн ‘Ибрахима ат-Тамими}, который ссылался на Сайфа {ибн ‘Умара}, тот на – Дауда ибн Йазида, а этот – на аш-Ша‘би, сказавшего:

«Ей-Богу (ва-Ллахи), Салман ибн Раби‘а разбирался в острие мечей (المضارب [ал-мад‘ариб]³) больше, чем мясник в суставах животного, предназначенного на убой».

Писал мне ас-Сари {ибн Йахйа} со слов Шу‘айба {ибн ‘Ибрахима ат-Тамими}, который ссылался на Сайфа {ибн ‘Умара}, тот на – ал-Гусна ибн ал-Касима, а этот – на мужа из племени Кинаны, сказавшего:

«Когда осуществлялись против хазар походы подряд, стали проявлять те недовольство и, упрекая себя, говорили: “Были мы прежде народом, которого не мог одолеть никто, пока не появился этот малочисленный народ, которому мы теперь не можем противостоять”. Утверждали даже некоторые из них: “На самом деле эти {мусульмане} бессмертны, потому что, если бы они были подвержены смерти, то не набрасывались бы на нас так безрассудно!” {Действительно}, не постигала никому {из мусульман} беда в ходе их {регулярных} походов (*сеп. I, стр. 2891*), за исключением последней кампании ‘Абд ар-Рахмана.

Говорили другие {хазары}: “Лучше не подвергайте себя испытанию”! Поэтому устроили они засаду в зарослях, и когда мимо тех сидящих в засаде, раз за разом проходили войска {мусульман}, бросились они стрелять в них оттуда, убивая их и обещая {доставлять} их головы. Затем призвали они {своих воинов} биться с ними, сговорившись о дне {нападения}. Так вступили {хазары} в бой с ними и убили ‘Абд ар-Рахмана. В спешке распозлзлась эта {весть} среди людей {ислама}, которые разбились на два отряда. Отряд, {взявший} курс на Дербент (ал-Бāб), получил от Салмана {ибн Раби‘а} убежище, пока не были они выведены {оттуда}, а {другой} отряд, который взял путь в сторону хазар, добрался до

¹ См. там же, с. 2669.

² Как мы уже писали выше в примечаниях, речь идет о середине VII в.

³ В ед. ч. المضرب [ал-мад‘ариб] (В. Ф. Гиргас, Указ. соч., с. 462).

Гелана и Горгана. Среди них были и Салман ал-Фариси, и 'Абу Хурайра {ад-Дауси}»¹.

Писал мне ас-Сари {ибн Йахйя} со слов Шу'айба {ибн 'Ибрахима ат-Тамими}, который ссылался на Сайфа {ибн 'Умара}, тот на – ал-Мустанира ибн Йазид {ан-Наха'и}², этот – на брата своего Кайса, а последний – на отца своего, сказавшего:

«Находились Йазид ибн Му'авийа, 'Алкама ибн Кайс, Ми'дад аш-Шайбани, 'Абу Муфаззир ат-Тамими в {одном} шатре, а 'Амр ибн 'Утба, Халид ибн Раби'а, ал-Халхал ибн Дзурри и Картса – {в другом}. Жили они по соседству в лагере при Баланджаре. Бывало, что ал-Картса' говорил: "Как прекрасен блеск крови на одежде!" Как-то и 'Амр ибн 'Утба говорил про белый кафтан, который он носил: "Каким прекрасным будет покраснение от крови на белизне твоей"! И совершали {вооруженные} жители Куфы поход на Баланджар в один из годов правления 'Усмана, в ходе которого не овдовела ни одна женщина и не осиротел ни один юноша (сер. I, стр. 2892) по причине убийств³, пока не наступил девятый год {со времени воцарения халифа}.

И когда всё-таки наступил тот девятый год, за два дня до начала наступления увидел Йазид ибн Му'авийа газеля, доставленного в свою палатку; не видел он газеля прекраснее той, пока не завернули ее в одеяло. Затем привели ее в могилу, над которой стояли четыре человека, и не видел он могилу более ровную и лучшую той, пока не была она погребена в ней. И когда выступили люди с утра пораньше против тюрок{-хазар}, поразил Йазид камень, разбивший ему голову. И как будто была расписана одежда его кровью, а не запачкана. Таким образом, стал он той самой газелью, которую увидел {накануне}, а из-за той крови на кафтане {стал он выглядеть} прекраснее.

Когда оставался всего один день до начала наступления и собрались {мусульмане} с утра пораньше, сказал Ми'дад 'Алкаме: "Отдай мне плащ свой, и обвяжи им голову мою!" Так тот и поступил, а {Ми'дад} пошел к башне, где был смертельно Йазид ранен и, отстреливаясь, убил {некоторых} из тех {баланджарцев}. Но потом {Ми'дад} был сам поражен камнем, выпущенным из катапульты, который рассек ему голову

¹ Ср. с повествованиями выше: **ат-Табарй**, сер. I, с. 2668-2669.

² См. там же, с. 2927.

³ Ср. с повествованиями выше: там же, с. 2667.

(череп). Забрали его {тело} сподвижники и похоронили рядом с Йазидом. Получил смертельное ранение и ‘Амр ибн ‘Утба, который увидел свой кафтан, каким желал он {его увидеть}, и был убит.

Наконец, когда настал день наступления, бился ал-Картса¹ до тех пор, пока не пронзили его копьями со всех сторон, а кафтан его стал похож на одежду с белым основанием и красными вышивками. В результате оставались люди {ислама} непоколебимы вплоть до гибели. Так что случилось поражение людей вместе со смертью этого {ал-Картса¹}}.

Писал мне ас-Сари {ибн Йахйа} со слов Шу‘айба {ибн ‘Ибрахима ат-Тамими}, который ссылался на Сайфа {ибн ‘Умара}, а этот – на Дауда ибн Йазид, сказавшего:

«Постигло Йазид ибн Му‘авийу ан-Наха‘и (Да будет доволен Аллах им!), ‘Амра ибн ‘Утбу и Ми‘дада бедствие в день {битвы} под Баланджаром. <...>».

(сер. I, стр. 2893) <...>. Писал мне ас-Сари {ибн Йахйа} со слов Шу‘айба {ибн ‘Ибрахима ат-Тамими}, который ссылался на Сайфа {ибн ‘Умара}, а этот – на Мухаммада и Талху, сказавших:

«Передал Са‘ид {ибн ал‘Ас военное} командование (‘иста‘мала) над тем {горным} проходом (ал-фардж) {Баланджара} Салману ибн Раби‘а, а командование походом куфийцев возложил он на Худзайфу ибн ал-Йамана. Было оно возложено прежде над этим {горным} проходом (ал-фардж) на ‘Абд ар-Рахмана ибн Раби‘а. В то же время подкрепил того {Салмана халиф} ‘Усман на десятом году {своего правления} сирийцами (‘ахл аш-Ша‘м) под командованием Хабиба ибн Масламы ал-Кураши. Поэтому стал Салман командовать над ним, но игнорировал Хабиб его {приказы}. Дело дошло до того, что сирийцы (‘ахл аш-Ша‘м) заявили: “Задумались мы {всерьез} о том, чтобы {до смерти} поколотить Салмана!” На сей счет ответили люди {из Куфы}: “В таком случае, ей-Богу (ва-Ллахи), избеem мы {вашего} Хабиба и бросим в темницу, а если не согласитесь {признавать верховное командование Салмана}, то будет много погибших, как среди вас, так и среди нас”!

Как говорил на сей счет {поэт} ‘Аус ибн Магра:

“Если тронете вы Салмана, то ударим мы любимца¹ вашего,

А если отправитесь к ‘Ибн ‘Аффану {с жалобой},

То и мы отправимся {к нему}.

¹ Араб. حبيب [хабйб].

(*сер. I, стр. 2894*) Если же поступите справедливо, то эта пограничная область (الصَغْر [ас-сагр]) {на Кавказе} станет границей {владений} эмира нашего,

Это – тот эмир, который наступает во главе отрядов,

А мы – правители этой пограничной области {Баланджар},

И будучи защитниками ее,

{Днем и} ночью обстреливаем каждый проход и строго караем {нарушителей}”.

Пожелал {в свою очередь} Хабиб повелевать владетелем (صاحب [сā-хиб]) Дербента (ал-Бāб), точно так же, как он командовал над армией, как только прибыл из Куфы. Но когда заметил {это} Худзайфа, то сам себя утвердил {в новом статусе}, который был {тут же} признан {воинами ислама}. Совершал Худзайфа ибн ал-Йаман три похода против {хазар}, а убийство {халифа} ‘Усмана совпало с периодом третьей {его} кампании. <...>».

<...>.

Научные комментарии

ⁱ Зап.-иран. топоним *Атропатена* (др.-греч. Ἀτροπατίνη, *пехл.* Āturpātā-kān, *ср.-перс.* Ādurbādagān, Ādarbāyagān, *ср.-греч.* Ἀδραβιγάνων, *др.-арм.* Ատրշատիշին) восходит к имени последнего ахеменидского сатрапа Мидии Атропата (др.-перс. Āturpāt, *др.-греч.* Ἀτροπάτης, от *авест.* Ātəṛəpāta – букв.: «хранитель огня»), который после смерти Александра Македонского в 323 г. до н. э. на севере Мидии (*ассир.* и *аккад.* Mādāya, *др.-перс.* Māda, *др.-евр.* מַדַּי [Mādāy], *др.-греч.* Μηδία, *др.-арм.* Միհր, *ср.-перс.* Māh) провозгласил независимое эллинизированное царство Атропатскую Мидию (Ἀτροπάτιος Μηδία). Самоназвание на ср.-мид., на котором говорило коренное население этого гос-ва – Атурпатакан, где *суфф.* *-kān, как и в случае с прочими иран. языками, использовался для обозначения топонимов. Потомки Атропата с др.-перс. титулом *šāh («царь») правили с перерывами с резиденцией в Ганзаке (*ср.-перс.* Ganzag) до 19/20 г. н. э. Затем правившие в державе Парфия (*пехл.* Parθaw) или Государстве ариев (*пехл.* Aryānšahr, Aryānšahr, от *авест.* Airyānam Xšaθram) Аршакиды (ок. 247 до н. э. – 224 н. э.) возвели на престол в Атропатене представителя собств. династии, а после 72 г. вовсе аннексировали это царство. С приходом к власти в Иране Сасанидов (224) было

сформировано марзпанство под названием Адурбадаган (**K. Schippmann**, Azerbaijan: iii. Pre-Islamic History, – «Iranica», Vol. III, fasc. 2, p. 221-224) и площадью, по нашему определению, 68 412 кв. км. Со временем сасанидские власти территорию Атропатены расширили на севере и на северо-западе за счет велико-арм. земель, расположенных к югу от дол. Аракса, а также к западу и северу от бассейна оз. Урмия. В результате площадь Атропатены увеличилась до 96 772 кв. км (**А. К. Шагинян**, Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа, Санкт-Петербург, 2014, с. 28-31). Арабские завоеватели в 642 г. преобразовали марзпанство Адурбадаган в вилайет 'Азарбайджан, не затронув при этом его территорию и границы.

К арабск. форме 'Азарбайджан восходит нов.-перс. и тюркск. Произношение *Азарбайджан* – название области, территория которой даже после окончательной тюркизации в XIV-XVI вв. ограничивалась на севере средн. и нижн. течениями р. Аракс, локализуясь по большему счету в пределах совр. Иранского Азербайджана (*перс.* آذربایجان ایرانی ['Азарбайджан-е Ирані]). Однако в 1918 г. к северу от Аракса, в пределах бывш. российск. Закавказья провозглашается суверенное гос-во *Азербайджанская Республика* (Azərbaycan Respublikası), официальное название которого было, таким образом, узурпировано от ист.-геогр. области, входящей в состав Персии (Ирана). См. **А. К. Шагинян**, Территории и границы стран Юго-Западного Прикаспия в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья: историография и источники, – «Историческая география», т. 5, Москва, 2021, с. 43-78.

ⁱⁱ Хамадан – гор. на западе Сасанидского Ирана, истор. столица Мидийской империи под названием Экбатана (*др.-перс.* Hagmatāna, Naḫmatāna – букв.: «{место} сбора», *др.-греч.* Ἐκβάτανα, Ἀγβάτανα, *др.-евр.* אֶחְמַתָּא ['Aḫmetâ]), которая с 550-х гг. до н. э. служила летней резиденцией для перс. Ахеменидов (ок. 700-300), а с 140-х гг. до н. э. и для парф. Аршакидов (ок. 247 до н. э. – 224 н. э.). В эпоху Арабского халифата Хамадан административно входил в границы вилайета Джибал (الجبال [ал-Джибāl]). Сегодня это – мегаполис с идентичным названием (*перс.* همدان [Хамадан]) и центр одноимен. остана в Исламской Республике Иран (**S. Brown**, Ecbatana, – «Iranica», Vol. VIII, fasc. 1, p. 80-84; **X. de Planhol**, Namadān: iii. Historical Geography, – «Iranica», Vol. XI, fasc. 6, p. 605-607).

ⁱⁱⁱ Рей (*др.-греч.* Ῥάγαι, Ῥάγες, *лат.* Rhagae, Rhaganae) – гор. на северо-западе Сасанидского Ирана, столица одноимен. марзпанства, которая упоминается впервые в Бехистунской скальной надписи (*др.-перс.* Bagastāna) ахеменидского шахиншаха Дария I Великого (*др.-перс.* Dārayava/h/uš, 522-486) под 522-521 гг. до н. э. в др.-перс. форме *Ragā* (**R. Rante**, Ray: i. Archeology,

– «Iranica» <https://iranicaonline.org/articles/ra-y-i-archeo> /Retr. 08 January 2022/). В эпоху Халифата Рей административно входил в границы вилайета Джибал. На том же месте сегодня город с идентичным названием (*перс.* ری), что в столичном остане Тегеран (*перс.* تهران [Техрāн]) Исламской Республики.

^{iv} Вадж-Руз – дол. между иранскими городами Хамадан (о нём см. сноску **ii**) и Казвин (*араб.-перс.* قزوین [Казвйн]).

^v Куфа – гор., основанный в 637 г. арабск. переселенцами в ходе ранних завоеваний на Ниж. Евфрате, по соседству с бывш. столицей арабского царства Лахмидов Хирой (الحيرة [ал-Хйра], *ср.-перс.* Hērt). Основателем Куфы является Са‘д ибн ’Абу Ваккас Малик (**О. Г. Большаков**, История халифата в 4-х т., Москва, 1989-2010, т. 2 (Эпоха великих завоеваний (633-656)), с. 97) – один из тех 10 ближайших сподвижников Пророка ислама (العشرة المبشرون بالجنة [ал-’Ашара-т ал-мубашшарўн би-л-Джанна]), которым Мухаммад обещал при жизни, что будут обитателями рая (А. А. Ализаде, Ашара мубашшара, – «Исламский энциклопедический словарь», Москва, 2007, с. 121). В Куфе располагалась халифская резиденция ’Али ибн ’Абу Талиба (656-661). Сегодня Эль-Куфа (الكوفة) – крупный город на юге Республики Ирак, в мухафазате Наджаф (النجف [ан-Наджаф]).

^{vi} Джармидан – горн. р-н в окрестностях гор. Ардебил (أرdebیل [’Ардабйл]), что на северо-востоке араб. вилайета Азарбайджан (о термине см. сноску **i**).

^{vii} Фаррох-Хормизд – выходец из дома Аспахапета (*ср.-перс.* Aspāhbed) – одного из 7 парф. знатных домов, сын Биндоя (*ср.-перс.* Winduyih, *др.-арм.* Վինդոյի, *ср.-греч.* Βινδοῦης). Заменял отца в должности *спахбеда* в двух северных марзпанствах – в Адурбадагане (о термине см. сноску **i**) и Хорасане (*ср.-перс.* Xwarāsān – букв.: «откуда приходит солнце»). При царице Борандохт (*ср.-перс.* Bōrānduht, *др.-арм.* Բ/բ/ըր, 629-631) Фаррох-Хормизд будет назначен великим визирем. Сын его, Фаррохзад, согласно преданию, стал в 661 г. основателем дома Баванд (*перс.* باوندیان [Бāvандийāн]) – правителей Табаристана (родины «отца мусульманской историографии») до 1349 г. См. **W. Madelung**, *Āle-e Bāvand* (Bavandids), – «Iranica», Vol. I, fasc. 7, p. 747-753.

^{viii} Кавказские горы – речь идет о Глав., или Водораздельном, хребте Бол. Кавказа, простирающемся на 1100 км с северо-запада на юго-восток – от Черного моря (в р-не Анапы) до Каспийского (к северо-западу от Апшерона). Бол. Кавказский хр. делит весь Кавказ на две части: Сев. Кавказ и Юж. Кавказ (*устар.* Закавказье). С незапамятных времен Бол. Кавказский хр., представляющий собой естественную преграду, служил в качестве северных рубежей для величайших держав Ближ. и Ср. Востока. Так, в эпоху Античности и раннего Средневековья рубежи Ахеменидской империи (ок. 550-330), империи Тигра-

на Великого (95-55), Сасанидского Ирана (224-651) или Арабского халифата (632-1258) не простирались на севере дальше Бол. Кавказского хребта.

^{ix} Дербент (*др.-арм.* Ճրրայ Կահակ – букв.: «страж Чора», *ср.-греч.* Τξούρ, *ср.-перс.* Wēṛōy-pahr – букв.: «страж Иберии») – центр одноимен. прикаспийского округа. Впервые название *Дербент* мы обнаруживаем в «*Ашхархацоуиц*»-е (*Դարբանդ* [Darband]), где автор сам толкует этимологию (пехл.) названия, как «закрытые или же связанные врата», локализуя его на месте Чорай паһака: «*գլխարհացոյցն Դարբանդա[յ], արհնքն՝ «Կապ եւ դուռն»՝ քաղաք Կահակին Ճրրայ*» (*Աշխարհացոյց, էջ 2150, 2170; Անանանի / ի դար/, Աշխարհացոյց, սն. 116*). Ал-Баладзури и ал-Йа'куби приписывают основание ал-Баба / Баб ал-Абаваба (الباب / الأبواب – букв.: «величайшие врата»), т. е. Дербентской цитадели, перс. шахиншаху Кисре (Хосрову) Ануширвану (*ср.-перс.* Nusrōy / Nusraw Anōšag-ruwān, 531-579) (**ал-Балāзурй**, с. 194-195; **ал-Йа'қубй**, Та'рйх, т. 1, с. 203-204). Дербент – сев. форпост Сасанидского Ирана, входил в адм. границы марзпанства Албания-Ārān (о термине см. сноску **xxii**), а в араб. эпоху стал сев. форпостом халифата, в адм. границах вилайета Арминийа (о термине см. сноску **xviii**). Дербент – совр. город на крайнем юге РФ, в Республике Дагестан, одним из вариантов наименования которого на одном из 14 местных языков (лакском) – *Чурул* (**E. Kettenhofen**, Darband, – «Iranica», Vol. VII, fasc. 1, p. 13-19; **D. Dunlop**, Bab al-Abwab, – «The Encyclopaedia of Islam», Vol. 1 (A-B), 1960, p. 835b).

^x Из контекста обширной главы следует, что вместо топонима «ал-Бāб» должен был быть араб. адм. термин 'Арминийа, как в названии соответствующей главы «*Книги завоеваний стран*» (**ал-Балāзурй**, с. 193-212). Под этим понятием араб. власти объединяли не только большую часть захваченных велико-арм. земель, но и смежные страны Южн. Кавказа – Иберию (о ней см. сноску **xxxiii**, «Картли») и Албанию (о ней см. сноску **xxii**) вплоть до Бол. Кавказа (о нём см. сноску **viii**) и бывш. сасанидского форпоста на севере – города-крепости Дербент (о нём см. сноску **xi**).

^{xi} Басра – гор., основанный в 637 г. на крайнем юге вилайета Ирак (о термине см. сноску **xxix**), в обл. Евфрат Майсанский (*др.-греч.* Μεσοτήνη, *сир.* ܡܥܫܢܐ [Maṣṣān], *др.-арм.* Մէշնան, *ср.-перс.* Mēšān, Mēšūn), халифом 'Умаром ибн ал-Хаттабом (634-644) в ходе ранних араб. походов в Ниж. Месопотамию (см. **О. Г. Большаков**, Указ. соч., т. 2, с. 49-50). На месте раннесредневековой Басры, в дол. Шатт-эль-Араба (*араб.* شط العرب [Шатт ал-'Араб] – букв.: «Арабский берег»), которая составляет единое русло Евфрата и Тигра,

возвышается сегодня крупн. иракск. мегаполис и крупнейший порт, являющийся столицей одноимен. иракск. мухафазата.

^{xii} Географич., впоследствии и адм. араб. термин *ал-Джазйра* происходит от ср.-перс. слова *gazīrag* (букв.: «остров»), который с аналогичным значением восходит к сир. варианту ܠܗܝܘܠ [Gāzartā’], обозначения этой верх. части Междуречья. Видимо, ассир. автохтоны представляли Верх. Месопотамию, ограниченную дол. Ср. Евфрата на западе и Ср. Тигра на востоке, областью, которая была окружена водным пространством со всех сторон. Адм. центром Джазиры до 750 г. будет гор. Мосул (о нём см. сноску **xxxii**).

В класс. и позднюю Античность Верх. Месопотамия подразделялась на две обширные ист.-геогр. области – Месопотамию Армянскую (*др.-арм. Միջագետք Հայոց*) и Адиабену (*сир. ܢܚܪܐ [Ḥady’ab]*, *др.-греч. Ἀδιαβηνή, пехл. Naḫwardašragān, ср.-перс. Nodšēragān, др.-арм. Նոր Շիրական*), она же Месопотамия Ассирийская (*др.-арм. Միջագետք Ասորաց*), которая после 410 г. составляла отдельную епархию Адиабену (Ḥady’ab) Церкви Востока (*сир. ܐܦܨܩܘܕܐ ܕܥܕܝܒܐ [‘Ēdṯā d-Maḏnhā]*) с епископской кафедрой в Арбеле (*сир. ܐܪܒܝܠܐ [‘Arbīl]*). Первая из ист.-геогр. областей с древнейшими сир. (арамееязычным населением) городами Нисибин (*арам. Našibīna, аккад. Našibina, др.-греч. Νίσυβις, лат. Nisibis, сир. ܢܝܫܝܒܝܢ [Nišībīn]*, *ср.-перс. Nasībīn, др.-арм. Մծբին*) и Амида (*др.-греч. Ἀμιδα, лат. Amida, сир. ܐܡܝܕܐ, др.-арм. Ամիր*), что на Верх. Тигре, получила подобное наименование со времен включения в 85-84 гг. до н. э. в состав Армянской империи Тиграна II Великого (*др.-греч. Τυγράνης ὁ Μέγας, лат. Tigranes Magnus, др.-арм. Տիգրան Մեծ, 95-55*). По мирному договору, заключенному в 66 г. до н. э. с рим. полководцем Помпеем (Gnaeus Pompeius Magnus) в велико-арм. столице Арташате (*др.-греч. Ἀρτάξατα, др.-арм. Արտաշատ*), Месопотамия Армянская (27,6 тыс. кв. км) сохранялась за Велико-армянским царством. Однако в 37 г. н. э. Римская империя (Imperium Romanum) аннексировала ее, а по миру с Сасанидами 363 г. она уступила Нисибин с окрестностями Ирану. С центром же в Амиде еще в 216 г. рим. власти сформировали пров. Месопотамия (Mesopotamia) (**Թ. Խ. Հակոբյան, Սո. Տ. Մելիք-Բախչյան, Հ. Խ. Բարսեղյան, Հայաստանի և հարակից շրջանների տեղանունների բառարան, հտ. 3, Եր., 1991, էջ 342-343**):

^{xiii} Шахрвараз – один из выдающихся военачальников позднесасанидского периода, прославившийся в последней «Двадцатипятилетней» войне с Византией (603-628), который в 629 г. узурпировал на 40 дней шахиншахскую власть (**ադ-Թабарի, сер. I, с. 1002, 1062-1063**).

^{xiv} Колена Израилевы – племена из числа 12 сыновей Иакова (*др.-евр.* יִצְחָק [Ya‘āqōb], *др.-греч.* Ἰακώβ, *араб.* يعقوب [Йа‘күб]), *арм.* Յախոբ, которые, согласно Свящ. писаниям всех трех «авраамических религий», стали основоположниками еврейского народа.

^{xv} Географич., впоследствии и адм. араб. термин *аш-Ша’м* происходит от *гл. IV* породы أَشْجَم [‘аш’ама] (букв.: «направляться в левую {землю}», в значении налево от Мекки и свящ. Каабы, если встать лицом к востоку. Это связано с древней системой ориентирования. Под понятием *аш-Ша’м* араб. завоеватели объединяли все бывш. провинции Византии в Сирии (*лат. Syria, ср.-греч.* Συρία) и Палестине (*лат. Palaestina, ср.-греч.* Παλαιστίνη), сформировав единый вилайет.

^{xvi} Хазары (*лат. Chazari, Caziri, Gazari, др.-арм.* խազիրք, *ср.-греч.* Χαζάραι, *др.-евр.* כּוּזָרִים [Kūzārīm], *кум.* 突厥曷薩 [Tūjué Hésà], 突厥可薩部 [Tūjué Kěsà bù], *др.-рус.* Козаре) – тюрк. кочевой народ. В связи с этим в арабомусульм. лит-ре хазары зачастую обозначаются просто *ат-турк* (النَّزْك), в ед. ч. *ат-туркӣ* (التَّرْكِي). Этимология этнонима *хазар* остается спорной. Впервые упоминаются в рукописях автора V в. Мовсэса Хоренаци (հորեմուսացի, *г. 1843, 1948-1949, ср.* Աշխարհացոյց, *г. 2170, 2186; Անանուն /Է դար/, Աշխարհացոյց, սկ. 112) в сев.-вост. предгорьях Бол. Кавказа (о нём см. сноску xvi), омывающихся Каспийскими морем. Отсюда и раннеисламское наименование Каспия – *море Хазарское* (بحر الخازر [бахр ал-Хазар], см. **Халифа бин Хаййāt**, с. 456). С 552 г. ареал расселения хазар оказался в составе обширного Тюркского каганата (*др.-тюрк.* Türk hanlığı, *кум.* 突厥汗国 [Tūjué hánguó]), а с 603 г. – Зап.-Тюркского каганата. И только после ослабления последнего хазары ок. 630 г. добились создания на Сев. Кавказе и Сев. Предкавказье, между Каспием, Черным и Азовским морями, собств. Каганата со столицей в Семендере (*араб.* سمندر [Самандār]), что на сев.-зап. Побережье Каспия.*

Хазары регулярно осуществляли набеги на страны Юж. Кавказа и Армянского нагорья, а после их включения в состав Арабского халифата начались арабо-хазарские войны, которые завершились в 737 г. (**М. И. Артамонов**, История хазар, Ленинград, 1962, с. 114-232; **А. П. Новосельцев**, Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа, Москва, 1990, 264 с.). После падения в 969 г. каганата со столицей в низовьях Волги, в Итиле (*др.-тюрк.* İtil – букв.: «Великая река», *араб.* البيضاء [ал-Байдā’] – букв. «Белый»), в котором иудаизм, по свидетельству араб. путешественника ал-Мас’уди, стал, по крайней мере, государевой религией со

времен халифа Харуна ар-Рашида (786-809) (см. **ал-Мас‘ūdī**, т. 2, с. 8), хазары подверглись ассимиляции, растворяясь в среде прочих тюрк. кочевых народов Евразии.

^{xvii} Повелитель правоверных – высший титул суверенной власти, который применялся в Арабском халифате со времен правления второго «праведного халифа» ‘Умара ибн ал-Хаттаба (634-644).

^{xviii} Армения (‘Армїнийя) – здесь и далее имеется в виду не Велико-армянская страна от Верх. Евфрата на западе до Каспийского моря на востоке, а араб. вилайет, который окончательно будет сформирован в составе Халифата из покоренных к началу VIII в. велико-арм., иберских (картвельских) и албанских земель. Установленная нами площадь Арминии составляла 271 032 тыс. кв. км, а население на рубеже IX в. – примерно 1,5 млн христиан (**А. К. Шагинян**, Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа, с. 199-213 и 374-376).

^{xix} Муканом-Мовакани называлась область к северу от Куры (восточная часть раннесредневековой Собственно Албании). Похожим топонимом Муган (*др.-арм. Մուկանի, Մուկնի*) обозначалась прикаспийская степь (по долинам нижних течений Аракса и Куры) в пределах ист. велико-арм. провинции Пайтакаран (*Փայտակարան*). Сасанидами она была разделена между двумя марзпанствами Адурбадаган (о нём см. сноску **i**, большая часть) и Албания-Арān (о нём см. сноску **xxii**, меньшая часть), а в араб. эпоху, соответственно, между вилайетами Азарбайджан (о нём см. сноску **i**, большая часть) и Арминийя (о нём см. сноску **xviii**, меньшая часть). Большая часть Муганской степи теперь в пределах Азерб. Республики, меньшая – Исламской Респ. Иран (см. **R. Tapper**, Moḡān, – «Iranica» <http://www.iranicaonline.org/articles/mogant-parent-i-ii> (Retr. 08 January 2022)).

^{xx} Тбилиси (*др.-арм. Տփղիս, Տփղիս*) – город на левом берегу средн. Куры. Этимология связана с древней легендой, согласно которой подстреленный во время охоты в лесу на месте совр. Тбилиси царем Иберии Вахтангом Горгасали (*др.-груз., асомтаврули* ႠႰႦႳႰႦ ႠႰႦႳႰႦ, ок. 446-502) фазан сварился в источнике. На том же месте царь приказал основать нов. Город, куда он намеревался перенести из Мцхеты (*др.-груз., асомтаврули* ႠႰႦႳႰႦ [Me‘xet‘a]) собств. резиденцию. Замысел царя реализовал его сын Дачи (*др.-груз., асомтаврули* ႠႰႦႳႰႦ [Dač‘i]) (**C. Tumanoff**, *Studies in Christian Caucasian History*, Georgetown, 1963, p. 264, 368-369, 372-374). Араб. наименование иберийской столицы (*Тифліс, Тафліс*), как нам кажется, вос-

ходит к др.-арм. форме передачи. На месте основания Тбилиси сегодня – квартал Абанотубани (груз. აბანოთუბანი – букв.: «квартал бань»).

^{xxi} Аланы (др.-греч. Ἀλανοί, лат. /H/alani, др.-арм. Ալանիք, др.-груз. ალანები [Alanebi]) – ираноязычные кочевые племена скифо-сарматского происхождения, которые упоминаются у антич. писателей с I в. н. э., когда они появились в бассейне Азовского моря и сев. предгорьях Бол. Кавказа (о нём см. сноску **viii**). Переваливая данный хребет, аланы регулярно осуществляли набеги на страны Юж. Кавказа и далее Армянского нагорья. В арабо-мусульм. источниках IX в. нередко упоминаются «врата Аланские» (باب اللان [bāb ал-Лān], др.-арм. Ալանաց դուռ), через которые из арабского вилайета Арминийа (о термине см. сноску **xviii**) можно было попасть в т. н. *Аланское царство* (مملكة اللان [мамлака-т ал-Лān]) – этно-политическую единицу Центр.-сев. Предкавказья, входящую в состав обширного Хазарского каганата (о нём см. сноску **xvi**). После падения последнего (969) аланы сформируют собств. раннефеодальное гос-во, в котором в качестве гос. религии служило христианство. Считается, что одна из групп аланов, мигрировавшая под натиском монголов-татар в высокогорные р-ны Центр.-сев. Кавказа, при участии местных горцев, сыграла ключевую роль в этногенезе совр. осетин (**В. Б. Деоник**, Северокавказские аланы. – В кн.: Очерки истории СССР, т. 2 Москва, 1956, (Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР /III-IX вв./), с. 616-632; **V. I. Abaev, H. W. Bailey**, *Alans*, – «Iranica», Vol. I, fasc. 8, p. 801-803).

^{xxii} Араб. *Арран* дублировал территорию и границы сасанидского марзпанства с аналогичным названием (Ārān). Араб. власть административно переподчинила его вилайету Арминийа (о термине см. сноску **xviii**), обозначив как Арминийа Вторая (أرمينية الثانية [’Арминийа-т ас-Сāнийа]) (**ал-Йа‘қубй**, Китāб ал-булдāн, с. 364). В обширной *«Истории пророков и царей»* топоним *’Аррāн* встречается лишь единожды (**ат-Табарй**, сер. III, с. 1416), в то время как синхронные арабо-мусульм. историки и географы его широко применяют.

^{xxiii} Баланджар – гор. в Хазарии (о ней см. сноску **xvi**), который упоминается только у основоположников мусульм. школы историографии и географии, локализующих его к северу от Дербента (о нём см. сноску **ix**), на берегу Хазарского (Каспийского) моря и одноимен. р. Баланджар. Однако археологически он до сих пор не идентифицирован. Предположительно отождествляется с Варачаном (др.-арм. Վարաշահ, Վարաշահ), который в *«Аиухарфациц»*-е фигурирует как столица подвластного хазарам Великого Княжества Гуннского VII в. (Աշխարհացոյց, էջ 2150; Անահունի /է դար/, Աշխարհացոյց,

սն. 116; Ա. Շահինեան, Հայ-Աղուանական քաղաքական ու կրօնական առաքելութիւնը Հիւսիս-Արեւելեան Կովկասում եւ Հոնաց դարձի ժամանակագրութիւնը, – 222, հտ. 12, Պէյրութ, 2016, էջ 43-56):

^{xxiv} Итиль – эта будущая столица Хазарского каганата (о нём см. сноску **xvi**) со времен его поражения в 737 г. в войнах с арабами. Итиль располагалась в дельте Волги, однако археологически до сих пор не идентифицирована. Араб. название города (*ал-Байда*) переводится как «Белый» (**М. И. Артамонов**, Указ. соч., с. 385-389).

^{xxv} Гелан – иранск. истор.-геогр. область на юго-зап. побережье Каспийского моря, которая араб. завоевателями была преобразована в вилайет Джилян (см. **W. Madelung**, *Gīlān (Ġelān): IV. History in the Early Islamic Period*, – «Iranica», Vol. X, fasc. 6, p. 634-635). Гелан тождествен совр. Одноимен. остану (*перс.* گیلان [Гилан]) Исламской Респ. Иран.

^{xxvi} Горган – истор.-геогр. обл. и город на юго-вост. побережье Каспийского моря, откуда и антич. наименование бассейна Каспия. Впервые упоминается в Бехистунской надписи ахеменидского царя царей Дария I Великого (522-486) под 522-521 гг. до н. э. в др.-перс. форме *Verkāna* (букв.: «страна волков»). Др.-греч. форма передачи – *Υρκανία*, а лат. – *Hurcania*. Одноимен. столица данной ахеменидской сатрапии продолжала выполнять аналогичные функции и при Селевкидах (312-83 до н. э.), и при парф. Аршакидах (ок. 247 до н. э. – 224 н. э.), и при Сасанидах (224-651). Сегодня является центром остана Голестан (*перс.* گلستان [Голестан]) Исламской Респ. Иран (**A. D. H. Bivar**, *Gorgān: V. Pre-Islamic history* – «Iranica», Vol. XVI, fasc. 2, p. 136-141).

^{xxvii} Киннасрин (*др.-греч.* Χαλκίς Κοίλη Συρίας, *лат.* Chalcis ad Belum, *сир.* ܩܝܢܢܫܪܝܢ [Qinnašrīn] – букв.: «гнездо орлов») – эллинист. полис на зап. берегу р. Калос (*ср.-греч.* Καλῶς, *араб.* قويق [Кувайк]), центр обл. Халкидики (*др.-греч.* Χαλκιδική, *лат.* Chalcidene), который был основан диадохом – основателем державы Селевкидов (312-83 и 68-64 до н. э.), Селевком I Никатором (312-281). В 83 г. до н. э. Халкида вместе со всеми владениями Селевкидов вошла в состав Армянской империи Тиграна II Великого (95-55), который уступил ее Риму по мирному договору в Арташате (66 до н. э.). В визант. эпоху Халкида входила в состав провинции Сирия I. Араб. завоеватели предпочли употребить сир. наименование *Киннасрийн* и преобразовали его в центр. город военно-адм. единицы в составе вилайета аш-Шам (о нём см. сноску **xv**) под названием «Войсковая часть Киннастрина». Халкида лежит в руинах в пределах сир. мухафазата Халеб (حلب [Халаб]).

^{xviii} Рафидиты – один из распространенных в ортодоксальном исламе вариантов, которым сунниты обозначали шиитов, учитывая тот факт, что последние отвергали первых трех праведных халифов 'Абу Бакра (632-634), 'Умара (634-644) и 'Усмана (644-656).

^{xix} Георг., впоследствии и адм. араб. термин *ал-'Ирақ* в переводе с араб. означает «берег, побережье». Это был обширный вилайет Арабского халифата, сформированный из метрополии бывш. Сасанидского Ирана. Соответствовал территории ист. Вавилонии в Ниж. Месопотамии, т. е. центр.-юж. областям совр. Республики Ирак, именуемой в исламской лит-ре развитого Средневековья (XI-XII вв.) «Арабский Ирак» (عراق العرب ['Ирақ ал-'Араб]). Дело в том, что смежная с ним территория истор. Великой Мидии, т. е. центр.-зап. области совр. Исламской Республики Иран, которая у основоположников арабо-мусульм. лит-ры именовался *ал-Джибāl* (الجبال), получила в эпоху господства в Передней Азии тюрк. династии Сельджуков обозначение «Персидский Ирак» (عراق العجم ['Ирақ ал-'Аджам]) (см. **С. Е. Bosworth**, 'Eṡāq-e 'Ajam(ī), – 'Iranica», Vol. VIII, fasc. 5, p. 538).

^{xxx} Хомс (*др.-греч.* Ἡμεσα, *лат.* Emesa) – древний гор. на р. Оронт (*др.-греч.* Ὀρόντης, Ἀζιός, *араб.* العصي [ал-'Асй]), который зачастую отождествляется с упоминаемым в Ветх. Завете арам. топонимом *Хамат-Цоба* (*др.-греч.* Ἀίματ Σωβα), что является сочетанием двух геогр. терминов *Хамат* (*др.-евр.* חַמַּת [Ḥamât], *сир.* ܫܚܬ [Ḥmt]) и *Цоба* (צוֹבָה [Ṣōbâh], *сир.* ܫܘܒܐ [Ṣwba]) (**Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон**, *Хамат-Цоба, – ЕЭБФ*, т. 15 /Трани-Шемини-Ацерет/, 1913, с. 530). В эпоху эллинизма Эмеса входила в пределы Селевкидской державы (312-83 и 68-64), а с 83 г. до н. э. – Армянской империи Тиграна Великого, который уступил ее вместе со всеми владениями Селевкидов в Вост. Присредиземноморье Риму по миру в Арташате (66 до н. э.). После раздела в 198 г. н. э. единой рим. провинции Сирия на две части, Эмеса стала одной из двух столиц провинции Сирия Финикийская (*лат.* Syria Phoenice, *др.-греч.* Φοινίκη Συρία), а в визант. эпоху она стала центром провинции Финикия II, она же Ливанская. Араб. завоеватели исказили древний топоним сначала в форме *Химс*, и на месте визант. Эмесы сегодня размещается гор. Хомс (حمص [Хомс]) – адм. центр одноимен. мухафазата Сирийской Арабской Республики.

^{xxxi} Мосул (*др.-греч.* Μέψιλα, *сир.* ܡܘܨܠ, *ср.-перс.* Mūsel, *др.-арм.* Մուսղ) – гор. в Адиабене (о ней см. сноску **xii**), на правом берегу Верх. Тигра, основанный первым Сасанидом Ардаширом Папаканом (*ср.-перс.* Ardaxšīr ī Pāragān, 227-241) напротив руин ассир. столицы Ниневии (*аккад.* Ninwe, *др.-евр.* נִיְנְוֹ [Nīnewēh], *др.-греч.* Νινευή), расположенных на левом берегу. Мо-

сул впервые упоминается у Ксенофонта под 401 г. до н. э. в форме *Μέψιλα*. После араб. завоевания Верх. Месопотамии (о ней см. сноску **xii**) Мосул окажется в границах адм. единицы Джазиры (о термине см. там же) в составе обширного вилайета аш-Шам (о термине см. сноску **xv**), а после преобразования Джазиры в самостоятельный вилайет (692) – станет ее столицей. Наконец, после воцарения в Халифате династии ‘Аббасидов (750-1258) Мосул станет адм. центром одноимен. вилайета, выделенного из состава Джазиры. Мосул – совр., населен преимущественно курдами, город на севере Республики Ирак с идентичным названием (*курд.* مووسڵ, *Mûsil*), который раскинулся на обоих берегах Тигра. Мосул официально является столицей мухафазата (провинции) Найнава (*араб.* نينوى [Найнавā]), однако, на него претендует правительство автон. р-на Курдистан (*курд.* هه‌ریمی کوردستان, *Herê-mî Kurdistanê*, *араб.* إقليم كردستان [’Икльīm Кӯрдистāн]).

^{xxxii} Джурзāн – араб. форма передачи названия антич. страны Иберия, которая восходит к сир. ܨܘܪܐ [Gurzān], что связано с именем великомученика св. Георгия Победоносца, широко почитаемого в Иберии. От данной формы происходит и совр. зап.-европ. наименование *Georgia*, и рус. – *Грузия*.

^{xxxiii} Картли – еще в 589 г. в границах сасанидского марзпанства Вруджан или Вирузан (*ср.-перс.* Wručān, *Wiruzān*, арм. Վարդշահ) юридически оформилось подвластное Константинополю княж-во со столицей в Тбилиси (о ней см. сноску **xx**) и площадью 37 012 кв. км. Однако, в 591 г., по ирано-византийск. миру, зап. окраина Картлийского княжества с городом Тбилиси и площадью 10 355 кв. км была возвращена под суверенитет Ктесифона (*лат.* Tesiphon, *Tesuphon*, *Tesiphonta*, *сир.* ܩܬܫܦܘܢ [Qṭēsfōn], *др.-арм.* Տիգրանի) В результате княж-во площадью всего 26 657 кв. км продолжало существовать в границах Визант. империи и со столицей в Мцхете. После 614 г. обе части Иберии вновь объединились в рамках единого княж-ва со столицей в Тбилиси, но на этот раз под сюзеренитетом Сасанидов. В 627 г. Константинополь восстановил свои сюзеренные права над объединенным княжвом, однако, по условиям последнего в истории мирного договора с Ираном (628), дублирующего условия мира 591 г., император Ираклий I (610-641) был вынужден территорию Картлийского княжества вновь ограничить пределами Византийской Иберии (26 657 кв. км.). Обе части Иберии последний раз будут воссоединены под властью единого первенствующего князя в 651 г., когда под ударами арабов-мусульман Сасанидский Иран был окончательно разгромлен (см.: Ա. Կ. Շահինյան, ժառանգական իշխանությունների կազմավորումն Իրանի քրիստոնյա մարզպանություններում Բյուզանդիայի հետ

հակամարտության ավարտական փուլում (2 դարավերջ – է դարասկիզբ), – «ՎէՄ» Համահայկական հանդէս, 2019, Թիւ 1 /65/, էջ 30-50):

^{xxxiv} Речь идет о т. н. «армянской кошенили» (лат. porphyrophora hamelii, др.-арм. *որդան կարմիր*), из которой в эпоху Античности и Средневековья получали красную краску кармин-кermес. Ею окрашивалась пряжа, из которой в странах Ближ. и Ср. Востока ткались ковры. В Гос. Эрмитаже хранится древнейший из сохранившихся ворсовых ковров, который был соткан в V в. до н. э. из пряжи, окрашенной как раз арм. кошенилью. Этой краской органического происхождения красочно расписано также огромное число средневековых миниатюр. О них можно судить по десяткам тысяч дошедших до нас манускриптов на др.-арм. языке (*грабар*). Обилие арм. кошенили на Армянском нагорье и в смежных странах Юж. Кавказа поражало мусульм. завоевателей настолько, что они придавали некоторым местным топонимам араб. наименования, восходящие как раз к нему. К примеру, в «Книге завоеваний стран» можно встретить понятие «Иберия из кошенили» (جزان القرمز [Джурзāн ал-қирмиз], ал-Балāзурӣ, с. 201) или «Арташат (أردساط) [‘Ардисāт]), он же “селение Кошенили” (قرية القرمز [қарйа-т ал-Қирмиз])» (там же, с. 200).

^{xxxv} Николоз – др.-груз. (иберская) транскрипция др.-греч. *и. собств.* муж. Νικόλαος (от νικάω – «побеждать» и λαός – «народ»). Таким образом, этимологическое значение имени – «побеждающий народ».

^{xxxvi} Аз-закā-т – годовой налог в пользу бедных и популяризации ислама – один из Пяти столпов ислама.

^{xxxvii} Ас-султāн (султан) – верховн. правитель, государь, но с X в. будет использоваться как высший титул суверенной власти, который характеризовал исключительно светскую власть монарха в исламск. суннитском мире. Султанский титул закрепится за тюрк. династиями, которые будут господствовать на Бл. и Ср. Востоке. Впервые его принял Махмуд Газневи (998-1030) в 999 г.

^{xxxviii} Бабар – Судя по контексту, эту область Азарбайджана следует разместить между упоминаемых рядом Муканом (о нём см. сноску **xix**) и Талишаном (о нём см. сноску **xxxix**).

^{xxxix} Талишан – Йакут ал-Хамави в топонимическом «Словаре стран» утверждал, что *ат-Тайласāн* является арабизированной формой перс. топонима تالشان [Тāлишāн]) (Йақут ал-Ҳамавӣ, Му‘джам ал-булдāн, т. 3, с. 571). Следовательно, речь идет о горн. «стране Талыш», расположенной на юго-зап. побережье Каспия, между устьем Куры и обл. Гелан (о ней см. сноску **xxv**), что в пределах историч. велико-арм. обл. Пайтакаран. Ныне этот регион – ареал расселения ираноязычных талышей – единственно выживших носителей сев.-зап. иран. наречия, которое, по всей видимости, идентично

ныне мертвому нов.-мид. языку *азери* (араб. الأذرية [ал-'азарийа]). Последние являлись доминирующим этн. элементом в Атропатене (о ней см. сноску i) до окончательной ее тюркизации в XIV-XVI вв.

Список библиографических сокращений

Ал-Балāзурӣ – كتاب فتوح البلدان تأليف الإمام أحمد بن يحيى بن جابر البلاذريّ – Liber expugnacionis regionum auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladso-ri, ed. **M.-J. de Goeje**. Lugduni Batavorum, Brill, 1866.

Ал-Бал'амӣ – Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben-Djarir-ben-Jazid Ta-bari, trad. sur la version persane d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami par **H. M. Zo-tenberg**. I-IV. Paris, Imprimerie impériale, 1867-1874.

Ад-Дйнаварӣ – كتاب الأخبار الطوال تأليف أبو حنيفة أحمد بن داود الدينوريّ، تصحيح ١٨٨٨ – **Abu Hanifa ad-Dinaweri**, Kitab al-Ahbar at-tiwal, publié par **V. Guirgass**. Leiden, E. J. Brill, 1888.

ЕЭБФ – Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона: в 16 т. Санкт-Петер-бург, 1908-1913.

'Ибн ал-'Асӣр – ابن الأثير، الكامل في التاريخ – **Ibn al-Athir**, Al-Kamil fi-l-Tarikh in 9 Vols. Al-Qahira, [S.l.], 1353 A.H. / 1934/5 A.D.

Ал-Йа'қубӣ, Китāб ал-булдāн – BGA, 1892, pars VII (Kitab al-Boldan auctore Ahmed ibn Abi Jakub ibn Wadhīh al-Kitab al-Jaqubi), p. 231-373.

Ал-Йа'қубӣ, Тāрийх – تاريخ أحمد بن أبي يعقوب بن جعفر بن وهب ابن واضح الكاتب العبّاسيّ – Ibn Wadhīh qui dicitur al-Ja'qubi. Historiae, ed. **M. Houtsma**, t. 1-2. Lugduni Batavorum, E. J. Brill, 1883.

Йāқūt ал-Ҳамавӣ, Му'дjam ал-булдāн – كتاب معجم البلدان تأليف الشّيخ الإمام شهاب – Jacut's Geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg und Paris auf Kos-ten der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Herausgegeben von **F. Wüs-tenfeld** in 6 Bänden, Leipzig, Brockhaus, 1866-1873.

Йāқūt ал-Ҳамавӣ, Му'дjam ал-'удаба' – معجم الأدباء إرشاد الأريب إلى معرفة الأديب – 1993 – تأليف ياقوت الحموي الرّومي، تحقيق الدكتور إحسان عباس، الجزء الأول، بيروت-لبنان، 1993 – Словарь литераторов, экспертный справочник по литературе, составлен-ный Йāкутом ал-Ҳамави ар-Руми, Изд. д-р Ихсан 'Аббас, т. 1, Бейрут-Ливан, 1993.

- Коран** – ۱۹۰۷, طبع في مطبعة دومبراسوكي، قازان، كلام شريف، قازان، Пер. с араб. яз. Г. С. Саблукова, 3-е изд. Казань, 1907.
- Ал-Мас‘удӣ** – **Maçoudi**, Les Prairies d’or en 9 tomes, Ed. **C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille**. Paris, Collection d’ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique, 1861-1877.
- Мовэс Каланкатауаци** – История страны Алуанк, Пер. с древнеармянского, предисловие и комментарий **Ш. В. Смбацяна**, Ер., 1984.
- Ат-Табарӣ** – **تأريخ الرّسل والملوك لأبي جعفر محمّد بن جرير الطّبري** – *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari*, cum aliis ed. **M.-J. de Goeje**, series I-III, Lugduni Batavorum, E. J. Brill, 1879-1901.
- Ат-Табарӣ**, изд. **М. ’Абу ал-Фадр ’Ибрахим** – **التّبري، أبو جعفر محمّد بن جرير، تأريخ الطّبري، أبو جعفر محمّد بن جرير. تأريخ الرّسل والملوك، تحقيق محمّد أبو الفضل إبراهيم في أحد عشر مجلّدًا، القاهرة، دار المعارف، ۱۹۶۹-۱۹۶۰** – **Aṭ-Ṭabarī, Abū Ja’far Muḥammad bin Jarīr**, Ta’rīkh ar-Rusul wa-l-Mulūk, Ed. **Muḥammad Abū al-Faḍl Ibrāhīm** in 11 Vols., Cairo, Dār al-Ma’ārif, 1960-1969.
- Халӣфа бин Хаййāt** — **تأريخ خليفة بن خيّاط، حقّقه وفدّم له اكرم ضياء العمري، النّجف، ۱۳۸۶-۱۳۸۷ \ ۱۹۶۷ م.** – *The History of Khalifah ibn Khayyat*, Ed. by **Akram Diya’ al-’Umari**. Nagav, [S. 1.], 1386-1387 A.H. / 1967 A.D.
- Աշխարհացոյց – Մովսէս Խորենացի, *Աշխարհացոյց, - ՄՀ, հտ. Բ (Ե դար), Անթիլիաս, 2003, էջ 2123-2196:*
- Խորենացի – Մովսէս Խորենացի, *Պատմութիւն Հայոց, - ՄՀ, հտ. Բ (Ե դար), Անթիլիաս, 2003, էջ 1739-2121:*
- ՄՀ – «*Մատենադարձ Հայոց*», հտ. *Ա-ԻԲ, Անթիլիաս / Անթիլիաս-Եր., 2003-2022:*
- BGA** – *Bibliotheca Geographorum Arabicorum* in 8 pars, Ed. **M.-J. de Goeje**. Lugduni Batavorum, E. J. Brill, 1870-1894.
- The Encyclopaedia of Islam**, 2nd edit. in 12 Vols. with indexes, etc., Ed. by **P. J. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs et al.**, Leiden, E. J. Brill, 1960-2005.
- Iranica** – *Encyclopædia Iranica* in 45 Vols., Bibliotheca Persica Press, 1985-present.

Армения и Элам: взаимоотношения в XVII-XV вв. до н. э.

Введение

Царство Нарам-Сина (2292-2255 гг. до н. э., согласно В. Хинцу, 2254-2218 гг. до н. э., согласно Бринкману), одного из самых могущественных правителей Древнего Востока, простиралось от Армянского нагорья, вдоль хребта Загрос, до юго-восточного Ирана. Для успешной войны против Лулубеев и Кутиев этот властелин Древнего мира в 2260 г. до н. э. подписал союзный договор с королем Хита (Хелу) из Авана, который является древнейшим международным письменным договором не только между Аккадом и Эламом, но и старейшим письменным документом в истории Древнего Мира. Эта эламская надпись, на поврежденной глиняной табличке, была найдена Жаком де Морганом во время раскопок храма Иншушинак (Суза). В настоящее время она выставлена в Лувре.

Цари двух стран дают клятву верности перед 37 богами света и тьмы, неба и земли, жизни и смерти, т. е. перед богами земной и потусторонней жизни. Согласно письменным источникам, *посланец могущественного правителя Аккада отправился в Сузы с богатыми дарами, а царь Элама предоставил Нарам-Сину вспомогательные войска* и дал ему в жёны свою дочь. Царь Хита желает своей дочери наследного принца Аккада от Нарам-Сина и обещает воздвигнуть «портреты» властелина Аккада в храме Иншушинак и воздать им должное. В надписи на глиняной табличке, царь Хелу Аванский, дважды повторяет клятву: «Враг Нарам-Сина – также мой враг, друг Нарам-Сина – также мой друг» (Хинц 1977: 73-77).

После заключения этого альянса и укрепления своего тыла, а также пополнения своих сил боевыми отрядами эламитов, Нарам-Син направился на север к Армянскому нагорью. Он победил Сатуна, царя лулубеев, живших в бассейне озера Урмия, и правителя Арама (Армани), который пришел ему на помощь. Однако, когда Нарам-Син попытался про-

двинуться дальше, то был смертельно ранен в одном из сражений с кутийцами (**Хинц** 1977: 73-77; **Մոսիսյան** 2005. 75, 145):

Можно полагать, что это соглашение между Аккадом и Эламом стало прецедентным для стран III-II тысячелетий Древнего Востока, в частности, для Элама, который впоследствии подписал много подобных соглашений с могущественными государствами того времени. Письменные источники свидетельствуют о присутствии эламских послов во дворцах Мари, Вавилона, северной Сирии и других городов-государств во II тысячелетии до н. э. (**Գրեկյան** 2013. 235):

В 1850-1500 гг. до н. э. над Эламом правили Суккалмахи или Эбартинская династия (**Хинц** 1977: 73-77). И именно к этому периоду, к периоду завершающей фазы этой династии или к началу среднеэламской культуры современные царские гробницы I:A и I:B Верин Навера, во время раскопок которых были обнаружены уникальные находки, характерные для искусства Элама (**Simonyan** 2012: 110-113).

В древневосточных письменных источниках о территориях древней Армении середины II тыс. до н. э., которые простираются севернее реки Аракс, до нас дошла очень скудная и разрозненная информация: в ней либо нет упоминаний, либо сообщаются фрагментарные и затуманенные сведения, которые воспринимались и интерпретировались по-разному. Следовательно, для социологической интерпретации и реконструкции социально-экономических отношений древних обществ первостепенную роль могут играть археологические памятники (**Массон** 2000: 135).

Раскопки 2011-2013 гг. на территории могильника Верин Навера выявили уникальные артефакты, комплексное исследование которых может претендовать на открытия забытых страниц древней истории.

Царская гробница Верин Навера

Могильники Верин Навера и Неркин Навера расположены в марзе (области) Арагацотн РА, в 30/35 км к западу от г. Еревана, у юго-восточного подножья горы Арагац. Более чем 500 курганов эпохи бронзы Верин Навера занимают приблизительно 135 га территории. Начатые в 1976 раскопки могильника продолжаются до сих пор (**Սիմոնյան** 2006):

Раскопки 2011-2014 гг. проводились в юго-восточной части могильника Верин Навера. В участке некрополя на ярко-оранжевых отложениях туфовой породы, на местности, которая, по всей вероятности, была священна для древних жителей Арагацотна, была возведена группа из

пяти курганов. Выбор местности для строительства царских гробниц не был случаен. Согласно древнеиндоевропейским верованиям, труп ни в коем случае не должен был соприкасаться со священной землей, чтобы не осквернить ее. Обнажение вулканических пород туфа в этом случае рассматривали как самое удобное место для похорон царских персон (Шульцман 2014. 222):

В 2011-2013 гг., экспедиция Научно-исследовательского центра историко-культурного наследия Министерства Культуры РА (рук. Акоп Симонян), начала раскопки I кургана Верин Навера (50 м в диаметре и 2 м в высоте), который, согласно радиоуглеродному анализу, датируется заключительной фазой среднего бронзового века (1650-1450 до н. э.).

Под общим курганом были сооружены две гробницы. Одна из них расположена в центральной части могильного холма, другая – в южной. Оба погребения, без всякого сомнения, принадлежали персонам высшего сословия древнего общества.

Гробница Верин Навера I:A

Кромлех гробницы I:A выложен по кругу равными по величине, специально отобранными крупными речными валунами, которые притащили сюда из ближайшего русла реки. А сама гробница I:A выстроена из огромных туфовых блоков, поставленных в ряд ортостаты, весом более одной тонны. Перекрытие не сохранилось. Пол погребального зала высечен в туфовой скале с востока к западу с небольшим наклоном. В северо-восточной части расположен дромос, полностью заваленный плашмя лежащими туфовыми блоками.

Погребение было ограблено еще в древности, однако в результате раскопок в гробнице были найдены золотые украшения: мелкие дисконидные бусы – «шайбы», пятикратно завивающиеся спиралевидные трубочки, бочковидные бусины, украшение в виде «бабочки» со спиралевидно закручивающимися крыльями и серебряным цилиндрическим брюшком. Золотые украшения присущи древним памятникам Кавказа и Ближнего Востока. Бусы-«шайбы» имеют аналоги в курганах Северного Кавказа майкопско-новосвободненской культуры, которые датируются первой пол. IV тыс. до н. э. (Кореневский 2004; он же 2011: 101, цв. лист 7/25, рис. 96-3, 100-1/25), во втором горизонте Трои и т. д. Древнейший образец украшения «бабочки» со спиралевидно закручивающимися крыльями из меди, был обнаружен в Арслантепе VI A, в кладе из помещения A 113, а

также из погребений Икизтепе № 210 и Эскияпар (Авилова 2008: 44, 56-57). В памятниках на территории Республики Армения засвидетельствовано большое количество этих престижных украшений, которые в основном датируются сер. II тыс. до н. э. (Միննյան 2014. 224-225).

В гробнице I:A Верин Навера обнаружены также бусы из сердолика, египетского фаянса (бисер), стекла. Найден остроконечник из зеленого обсидиана, месторождения которого находятся в южных районах Армянского нагорья (гора Немруд возле оз. Ван). Обнаружена уникальная бронзовая головка, вероятно от рукоятки кинжала, на котором изображена эмблема в форме шестиконечной звезды – т. н. «звезда Давида».

Чернолощенная керамика характерна для переходного этапа от средней к эпохе поздней бронзы (XVII-XVI вв. до н. э.). Уникальным является большой чернолощенный кубок, поверхность которого украшена штампованным орнаментом, состоящим из нескольких рядов наконечников стрел.

Из десятка фрагментов отреставрирован сосуд со сферическим туловом и длинной цилиндрической горловиной. Плечики сосуда украшены орнаментальным поясом из лощенных равнобедренных треугольников, символизирующих горы. У подножья «гор» изображена сцена звериного гона с собаками (волками), преследующими благородных оленей. Этот круг замыкается изображением всемирного дракона-змеи. По всей видимости, здесь представлена индоевропейская мифологическая сцена (Միննյան 2014. 223-224). Как ближайший аналог этого орнамента можно рассматривать изображение на геташенской расписной гидрии найденной в районе Севанского бассейна, которую, Григор Арешян интерпретировал как индоевропейский сюжет нескончаемого круговорота жизни-смерти-возрождения (Арешян 1988: 84-102).

Звериный гон является редкой, но излюбленной сценой древнеземледельческих культурах Древнего Востока и представленной на росписях керамических сосудов. В Кавказском регионе, наиболее известная сцена изображена на серебряном сосуде из Большого Майкопского кургана, которая была тщательно рассмотрена исследователями как с точки зрения композиции, так и стилистики, особенно анализируя отдельные образы и семантики. Как пишет В. М. Массон, звериный гон – «...социальное явление, характерное для эпохального типа культуры, не несущее хронологической или генетической нагрузки... Это традиционное построение, берущее свое начало в принципах ритмики, утвердившейся в искусстве с раннеземледельческой эпохи и хорошо воплощающееся во

фризах расписных сосудов. В такой последовательности изображаются животные, порою даже различных пород. Это было своего рода эпохальное решение, бродячий сюжет от древних центров до далекой периферии раннеземледельческой ойкумены» (Массон 1997: 78-80).

Результаты палинологических обследований земли свидетельствуют, что климат Армении в те времена был теплый и влажный. Хорошо было развито и виноградарство, возможно, также и садоводство. Найдена пыльца столь популярных в то время лекарственных растений, какими являются липа, василек, дурнишник, папоротник, венерин волос, полынь. Было развито текстильное производство: лен, конопля, шерсть серого, зеленого, розового, синего и черного цвета (Մխիթարյան 2015):

Гробница Верин Навера I:В

Находится в самом центре кургана. Погребальный зал, строго ориентированный с севера на юг, с юга к северу постепенно расширяется. Вырубленный в туфовой скале ярко оранжевого цвета погребальный зал занимает площадь 26-27 кв м. (длина зала – 10 м, ширина – 2,20-3,0 м, а общая длина погребального зала вместе с дромосом – 17 м). Стены выложены плашмя поставленными, колотыми туфовыми плитами. Сохранившаяся высота 6-7-и рядов кладки стен – 1,5-2 м, до обвала перекрытия она, несомненно, была намного выше. Здесь же был обнаружен каменный (базальтовый) топор, которым, по всей видимости, была вырублена туфовая скала.

В отличие от других гробниц аристократии некрополя Верин Навер, кромлехи которых выложены специально отобранными речными валунами, в гробнице I:В кромлех выложен тесаными плитами из туфа. В насыпи могильного холма, в дромосе и вокруг, а также в камере зафиксированы сотни, а то и тысячи речных камней, величиной с кулак. Речные камни величиной с кулак встречаются только в этой гробнице некрополя Верин Навер. Это явление само по себе свидетельствует о своеобразии погребального обряда. По нашему мнению, это выражение особого уважения к погребенному. Возможно, что все участники погребального ритуала в знак уважения приносили с собой и клали в гробницу по одному речному камню с ближайшей реки (как современный обряд бросания горсти земли). В погребальный зал эти камни свалились после обвала перекрытия. Примечательно, что аналогичный обряд зафиксирован в Адыгейской автономной республике (по устному сообщению археолога Николая Сударева). Возможно, по их количеству и породе можно

будет подсчитать, сколько человек участвовало в похоронах, и из каких рек и речушек были собраны камни.

На глубине 50 см от поверхности кургана были открыты кости 3-4 жертвенных собак, а также кости баранов и коров. На полу погребения, вдоль продольных стен, располагались сосуды, часть которых была ритуальной: – двуструбные кубки, керносы, почковидные миски и т. д. В северо-восточном углу была прорублена специальная канавка, где разместили часть сосудов.

Большинство сохранившихся погребальных даров, ускользнувших от взгляда грабителей, а также останки костей жертвенных людей и животных были уложены в притык к продольным стенкам погребения. По определению палеозоолога Нины Манасарян, кости принесенных в жертву животных принадлежали молодым особям и включали овец, коз, быков, коров, свиней, кроликов и собак, депонированных вместе с бронзовыми объектами.

Под восточной стеной был найден серповидный меч типа хепеш/хопеш, широко применявшийся на Древнем Востоке: в Иране, Сирии и Месопотамии в эпоху среднего бронзового века (Авилова 2008: 83, 120, 129). Но все известные экземпляры изготовлены из бронзы, а Верин Наверская находка, является железным. Железный хепеш, пока что в единственном экземпляре, известен именно из погребения I:V Верин Навера.

Часть бус ожерелья в погребении была зафиксирована *in situ*, что позволило наиболее точно воспроизвести и максимально близко к первоначально зафиксированному виду произвести реконструкцию превосходного ожерелья с серебряными разъединителями. Поражает состав бус: крупные стеклянные «глазчатые» бусы с желтыми вкраплениями на белом поле, изделия из граната, сердолика, агата, керамические бусы, покрытые глазурью и т. д.

В северной части погребального зала возвышалась платформа с уклоном на юг, где под рассыпанной золой от кремационного костра лежали бронзовые полые трубчатые детали, которыми крепили ярмо колесницы. По обе стороны от них лежали распределители вожжей – роговидные детали ярма, через отверстия которых протягивались вожжи. Чуть ниже были обнаружены бронзовые удила. Между распределителями на предполагаемом месте дышла лежала бронзовая статуэтка птички на якоревидной основе. Аналогичные комплексы бронзовых деталей колесниц обнаружены также в курганах Лчашена, Лори-берда, бассейна реки

Шамхор, на Апаранском плато и т. д. Однако впервые зафиксирована четкая ситуационная картина расположения деталей ярма и дышла.

Центральная часть камеры была почти пуста. Здесь, по всей вероятности, находились самые ценные артефакты, позже разграбленные, а также деревянный кузов колесницы, украшенной декоративными гвоздями. Сами гвозди и их шляпки в большом количестве были рассыпаны по всей центральной части зала. Здесь же были обнаружены 64 прекрасно обработанных наконечника стрел из красного кремня и прозрачного обсидиана. На предполагаемом месте кузова были обнаружены два симметрично расположенных бронзовых обруча, крепящих колчаны к передку самого кузова. Узкая и вытянутая в длину погребальная камера, что, на наш взгляд, обусловлена заранее запланированным намерением поместить в нее целую колесницу.

Другой уникальной находкой является штамп-печать из красной яшмы в виде усеченной пирамиды с отверстием для подвешивания. На нижней рабочей стороне выгравировано прекрасное изображение пасущейся лошади на лугу, где под ее ногами передана растительность. В этой связи следует упомянуть о жертвенной лошади, череп и ноги которой были обнаружены в дромосе, а кости таза – в погребальном зале. Эта оригинальная по своей форме и рисунку печать не имеет аналогов. На наш взгляд, это образец местного искусства, который подчеркивает значение лошади в вериннаверском обществе среднего бронзового века и как будто указывает на то, что погребенная в этой гробнице высокопоставленная персона была владельцем лошадей. Можно вспомнить Илиаду Гомера, в которой как эпитет возвышения царей и героев часто употребляются термины *коннодоспешные*, *укротитель коней*, *наездник геренский Нестор*, *конеборец Филей* и т. д.

Земля из разных ритуальных сосудов и пластов погребальных залов гробниц I:A и I:B была проанализирована (Атоянц и др., 2015: 57-70). Полученные данные спектрального анализа медных и бронзовых артефактов указывают на широкое использование классической – оловянистой бронзы.

Под слоем пепла кремационного костра были найдены самые сенсационные находки. Пять дисков-медальонов и пряжки из битума, с бронзовыми замками от портупей, с рельефными изображениями человеческих лиц, розеток, фигур овнов и древа жизни. На дисках фронтально изображены мужские лица с густыми бородами и волнистыми, разделен-

ным посередине прямым пробором, волосами. Два закрученных в спираль тяжелых локона, с тремя завитками, симметрично обрамляют мужественные лица. Аркообразные брови окаймляют большие миндалевидные глаза с сосредоточенным взглядом. На всех портретах имеется нос правильной формы и небольшой рот с пухлыми, сомкнутыми губами. Густая, зигзагообразная и пышная борода изображена с вертикально спускающимися прядями. Большой медальон имеет орнаментальную рамку в виде чередующихся фигур архаров (овнов) и дерева жизни. Изделия из битума были покрыты золотой фольгой, небольшие фрагменты которой сохранились и вставлены в бронзовый ободок. Перед нами портреты героев или царей, выполненных в канонизированном стиле (Ulfink 2015, 219-227):

Эти редчайшие находки имеют прямые аналоги в среднеэламском искусстве. Фрагменты подобных медальонов были обнаружены из поселений Элама (Хавт тепе, Сузы и т. п.) или как случайные находки и переданы крупным музеям мира коллекционерами (Лувр в Париже; коллекция Мюнхенского университета: <https://www.en.vorderas-archaeologie.uni-muenchen.de/research/from-mesopotamia-with-love/terracottas/index.html>; Британский музей: https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1967-0213-4; Музей искусств Метрополитена в Нью-Йорке: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/327413> и др.). Фактически, находки из царской гробницы Верин Навера являются единственными артефактами, четко зафиксированными в археологическом контексте погребения.

Вне всякого сомнения, гробница Верин Навера была разграблена, о чём свидетельствует разрушенная южная часть, в которой сохранился весьма скудный материал. Однако северная половина погребального зала, покрытая пеплом кремационного костра, была нетронута. О том, что гробница была разграблена, свидетельствует и то обстоятельство, что в ней не обнаружены золотые предметы и бронзовое оружие, которые, по всей вероятности, находились в южной части гробницы или на кузове колесницы. Несмотря на это, эта царская гробница подарила нам исключительные ценности искусства, инстингии валсти, импортированные изделия и т. п., которые могут быть использованы для восстановления царского ритуала захоронения и исторических событий.

Символы царской власти

Конструкция, размеры, погребальный ритуал – кремация «хозяина», жертвоприношения людей и молодняка животных, богатый инвентарь:

уникальные предметы импорта, печать из яшмы, ритуальные сосуды необычной формы говорят об очень высоком статусе погребенного. Можем заключить, что здесь был похоронен предводитель-царь-верховный жрец.

Перейдем к обоснованию выдвинутой гипотезы:

1. Невероятно большие размеры кургана и гробницы.
2. Исключительно высокое качество строительной техники: облицовки камнями скальной части гробницы.
3. Особый ритуал оформления огромного кургана речными камнями с человеческий кулак.
4. В жертву были принесены только молодые животные (молодняк).
5. Самовольные увечья (поскольку целых скелетов не обнаружено) конечностей и сброс в гробницу расчлененных пальцев руки. Согласно этнографическим данным, подданные совершали самоистерзание только во время погребения наделенной высшей властью персоны – царя.
6. Культовые сосуды: курильницы, миски в виде половинок ореховой скорлупы, kernosы и двухраструбные полые кубки для священного оплодотворения земли. Четырехлепестной сосуд, в котором, вероятно, хранили внутренности жертвенных животных – атрибуты царя-верховного жреца.
7. Помещение в гробницу боевой колесницы.
8. Исключительно роскошный погребальный инвентарь:
 - А. Сердоликовые бусы.
 - Б. Стекланные бусы высокого качества.
 - В. Железный предмет (оружие). В период бронзового века железо было в четыре раза ценнее, чем золото.
 - Г. Серебряные разделители бус.
 - Д. Бронзовые части колесницы и снаряжения боевых коней.
 - Е. Диски-медальоны и пряжки от португепи из битума с рельефным изображением человеческого лица, овнов и древа жизни. Диски были покрыты золотой фольгой.
9. Кремация хозяина гробницы.
10. Жертвоприношение коня.
11. Импортные предметы: нефрит из Китая, глазурованные бусы и морские раковины из Месопотамии.
12. Печать-штамп в виде усеченного конуса, на котором изображена лошадь.

Исходя из погребального инвентаря можно полагать, что курган I принадлежал правителю, который централизовал светскую и культовую власть и персонифицировал функции главного жреца и царя.

Дискуссия

В могильнике Верин Навера засвидетельствованы многие особенности индоевропейского погребального ритуала: кремация покойника, принесение в жертву лошадей, боевая колесница и т. д.

Все элитные гробницы Верин Навера включали: а) монументальные погребальные залы; б) кремацию трупа владетеля, а также жертвоприношения людей и многочисленных животных; в) отборное собрание погребального инвентаря, включая оружие, бронзовые детали колесниц, инструменты, ритуальные сосуды, украшения из драгоценных металлов, цветного стекла и поделочных камней, г) импортированные экзотические предметы. Эти находки – доказательства не только богатства похороненных людей, но также и их принадлежности к высокому социальному рангу. Согласно культовым верованиям времени, царь был первым во всех сферах жизни: военной, религиозной и хозяйственной.

В первой пол. II тысячелетия до н. э. на Древнем Востоке колесницы со сплошными тяжелыми колесами, которые тянули быки и мулы, были заменены легкими колесницами. У новых боевых машин, которые тянули лошади, были невероятно легкие кузова и колеса со спицами. В результате, боевые колесницы стали легче и быстрее. Специально обученные для военных действий лошади и новые легкие колесницы во много раз увеличили силу армии и изменили военное равновесие сил. Это привело к формированию древних империй, таких как Элам, Хеттская империя, Митанни, Вавилон, Ассирия и Новое царство Египта. Эти империи вели бесконечные войны друг против друга, чтобы установить гегемонию над регионом, захватить благоприятную среду обитания, получить новые источники сырья и дешевую рабочую силу.

Не случайно, что помещенные в гробницах боевые колесницы и жертвенные лошади являлись регалиями власти и символизировали высшую власть – от Восточного Средиземноморья до Ирана. В этом огромном регионе выделяется коллекция деревянных колесниц из Армении. Во второй пол. 1950-х и в нач. 1960-х гг. в княжеских курганах Лчашена были раскопаны 11 деревянных колесниц со спицами и ритуальные погребальные повозки для захоронения представителей элиты на берегу озера Севан (Мнацаканян 1960: 139-152; он же: 1961: 65-72).

Свидетельства из могильников Армении, в том числе и Верин Навера, говорят о хорошо организованных, централизованных обществах Древней Армении и Южного Кавказа первой половины II тыс. до н. э., которые, естественно, по ряду свойств отличались от современных им обществ бронзового века Ближнего Востока.

Заключения

В северных районах Армянского нагорья, в области (гаваре) Арагацотн, в местности Верин Навер (в переводе с древнеармянского – верхние гробницы) во время раскопок 2012 г. в царском погребальном зале I:V были обнаружены великолепные детали короны либо диадемы – медальоны из битума с рельефными портретами царей-предков, архаров и древа жизни и портупей, покрытые золотой фольгой.

Древнейшие изделия, изготовленные из битума и покрытые тонкими листами золотой фольги, обнаружены в Тепе Гавре в слоях эпохи ранней бронзы. Эта своеобразная техника была широко распространена также в Южной Месопотамии, в частности, в царских гробницах Ура и в древнем Эламе (Авилова 2008: 76). Однако, обнаруженные в гробнице Верин Навера, искусно изготовленные из битума и покрытые золотой фольгой символы власти более характерны эламской культуре.

Связь между регионами, разделенными громадными пространствами и враждебными племенами, со сложными физико-географическими и климатическими зонами, в те древние времена может показаться нереальной. Такая позиция, основанная на распространенном мнении, что в северной Армении, включая северную часть Араратской долины и южные предгорья горы Арагац, в эпоху бронзового века проживали племена, которые по своему социально-политическому развитию были еще далеки от формирования государственных образований.

Факт, что до сих пор, ни в одном историческом источнике затрагивающем отмеченную территорию, Северная Армения не представлена. Более того, началом армяно-иранских контактов считаются взаимоотношения Армении с Мидией-Марастаном (Քոչոյսի 2013. 226):

Это обстоятельство подчеркивает исключительное значение медальонов с портретами героев-царей или древних богов, обнаруженных в результате археологических изысканий в гробнице Верин Навера и необходимость их использования в качестве исторических источников. Общеизвестно, что для признания найденных во время раскопок артефактов и памятников в качестве исторического источника необходим дол-

гий путь скрупулезного и комплексного анализа. Итак, попробуем поговорить об этих предпосылках.

Как известно, в первой пол. II тысячелетия до н. э. в северной Месопотамии произошла жестокое столкновение между Эламом и Вавилоном. Во время этой борьбы союзниками Элама были Эшнунна, Субартун и Гутиум. От этих стран до границ Элама велись длительные и постоянные военные действия. Соседние страны приняли участие в борьбе двух самых могущественных стран Древнего Востока, о чём свидетельствуют упоминания о союзниках Элама в клинописных источниках (Գրեկյանի 2013. 236): Вполне вероятно, что этим не ограничивается количество стран, участвовавших в «глобальном» столкновении. Скорее всего, в смертельную борьбу Элама против Вавилона была вовлечена могущественная Северная страна, которая прославилась своим железным оружием, бесчисленными колесницами и непобедимой армией.

Перейдем к обсуждению медальонов из битума, покрытых золотой фольгой с изображениями царей-героев, древ жизни и архаров, которые, скорее всего, были частями короны или диадемы и портупей. Многочисленные образцы подобных диадем из битума были обнаружены в Эламе, а также в прикаспийском регионе Марлик (Negahban 1984: 3-10; Negahban 1991: 115-116; Negahban 1996: 10; Connan and Deschesne 1996).

В 2012 г. подобные находки были найдены в царской гробнице I:В Верин Навера в области Арагацотн Республики Армения. Это казалось невероятным, но это факт. Известно, что битум широко использовался в искусстве и образе жизни среднего Элама. Исключительными являются не только сырье, технология изготовления, но и стиль изображения персонажей на медальоне с каноническими чертами и прической царей-героев, лежащих друг против друга архаров и древа жизни с тяжелыми плодами и пышными ветвями. В отличие от случайных находок в Эламе и Марлике, находки в царской гробнице Верин Навера были обнаружены в конкретной археологической среде, в нетронutom положении и имеют конкретную датировку – промежуток 1610-1450 гг. до н. э.

Как могли драгоценные изделия, характерные для чисто эламского искусства оказаться в далекой Армении? В качестве гипотезы, мы изложим свою точку зрения на этот вопрос. Чтобы обрести нового союзника в борьбе с Вавилоном, послы Элама, видимо, отправились не только на северо-запад, но и обойдя страны, находящиеся в сфере вавилонского влияния, продвинулись на северо-восток в прикаспийский край в сторо-

ну Марлика и далее на север – в Араратскую страну, в Верин Навер. Мощественному правителю этой страны в качестве даров были преподнесены очень дорогие для того времени, изготовленные с исключительным мастерством и покрытые золотой фольгой детали короны и портупей с уникальным рельефным изображением царей-героев и архаров. Так был сформирован мощный союз против общего врага – Вавилонии, объединивший Элам, государственные образования Прикаспия и Армению.

Представленная точка зрения является попыткой исторической реконструкции на основе археологической реальности, которая, несомненно, нуждается в дальнейшем углубленном анализе.

Литература

- Авилова Л. И.** 2008. – Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. Памятники исторической мысли, Москва.
- Аресян Г. Е.** 1988. – Индоевропейский сюжет в мифологии населения междуречья Куры и Аракса II тысячелетия до н. э., – ВДИ, № 4, с. 84-102.
- Атоянц А., Арутюнян Р., Алешинская А. и Симонян А.** 2015. – Палинологические исследования содержания сосудов из гробницы IV некрополя Верин Навер, – «Հնչարձան» տարեգիրք, հտ. ժ, Եր., էջ 57-70:
- Корневский С. Н.** 2004. – Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии, Москва.
- Корневский С. Н.** 2011. – Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект, Москва.
- Массон В. М.** 1997. – Кавказский путь к цивилизации. Вопросы социокультурной интерпретации, – В кн.: Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации), Санкт-Петербург, с. 124-133.
- Массон В. М.** 2000. – Ранние комплексные общества Восточной Европы, – В кн.: Древние общества Юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации), Санкт-Петербург, с. 135-166.
- Мнацаканян А. О.** 1960. – Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан, – СА, № 2, с. 139-152.
- Мнацаканян А.** 1961. – Лчашенские курганы, – КСИА, вып. 85, с. 65-72.
- Хинц В.** 1977. – Государство Элам, Ред. **Ю. В. Юсифов**, Москва.

- Գրեկյան Ե. 2013; Քոսյան 2013. – Հայաստանի հարակից երկրների պատմություն, Զորա հատորով, հտ. 1, Հին Շրջան: Ռ. Ա. Սաֆրաստյան (գլխ. խմբ.), հատորի պատասխանատու խմբ.՝ Ա. Վ. Քոսյան, Եր.:
- Մովսիսյան Ա. Ե. 2005. – Հայաստանը Քրիստոսից առաջ բրոնզի հազարամյակում (ըստ գրավոր աղբյուրների), Եր.:
- Սիմոնյան Հ. 2006. Վերին Նավեր, գիրք Ա (1976-1990 թթ. պեղումների արդյունքները), Եր.:
- Սիմոնյան Հ. 2014. – Բրոնզի դարի արքայական դամբարաններ Արագածոտնում, – «Հայագիտությունը եւ արդի ժամանակաշրջանի մարտահրավերները». Հայագիտական միջազգային երկրորդ համաժողովի զեկուցումների ժողովածո (Յու. Սովաթյան եւ ուրիշներ՝ խմբ. հանձնաժողով), Եր., էջ 222-226, col. 9-12:
- Սիմոնյան Հ. 2015. – Հայաստանի հնագույն դիմաքանդակը, – «Կանթեղ». գիտական հոդվածներ, Եր., էջ 219-227:
- Connan J. and Deschesne O.** 1996. – Le bitume à Suse: Collection du Musée du Louvre, Paris.
- Khanzadian E.** 1995. – Metsamor 2, La Nécropole, vol. 1: Les Tombes Du bronze Moyen et Recent. Civilisation du Proche-Orient. Hors Serie 1. Recherches et Publications Neuchâtel, Paris.
- Negahban E.** 1984. – Haft Tepe Roundels: An Example of Middle Elamite art, – AJA, Vol. 88, № 1, p. 3-10.
- Negahban E.** 1991. – Excavations at Haft Tepe, Iran, University Museum Monograph 70. Philadelphia: The University Museum of Archaeology and Anthropology, University of Pennsylvania.
- Negahban E. O.** 1996. – Marlik: The Complete Excavation Report. Vol. 1: Text. University Museum Monograph, 87, Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania.
- Simonyan H.** 2012. – New Discoveries at Verin Naver, Armenia, – “Annual Review” of the Cotsen Institute of Archaeology at UCLA, Backdirt, p. 110-113.

Նկ. 1. Աստվածացված հերոս արքայի դիմաքանդակի բնական տեսքը
 Նկ. 2. Աստվածացված հերոս արքայի դիմաքանդակ էլամից

Նկ. 3. Աստվածացված հերոս արքայի դիմաքանդակի վերակազմությունը
 Նկ. 4. Ուսագոտու ճարմանդ կենաց ծառերի եւ արխանների հարթաքանդակներով, տեսքը վերակազմությունից հետո

Татская устная традиция как первоисточник для изучения исторических реалий: О месте рождения Хагани Ширвани

Общеизвестно, что устные предания, эпические сказания, сказки и легенды очень часто являются исключительным средством¹ для проникновения в темные глубины истории бесписьменных и малочисленных народностей, уникальным первоисточником для изучения истории лишенных письменной традиции народов (**Showren** 2014: 478-481), касающихся различных исторических событий². Хотя и в контексте сказанного иранистами когда-либо особого внимания не уделялось устным преданиям проживающих в Восточном Закавказье иранских народов³, в том чис-

¹ Ценность устных преданий в качестве первоисточников и их исключительное значение в освещении и интерпретации вопросов, касающихся истории, в первую очередь, не имеющих письменности народов, в мировой науке стали предметом широкого обсуждения особенно в середине XX века – после того, как 28 апреля 1947 г. норвежский этнограф и археолог Тур Хейердал, доказывая подлинность услышанного от коренных жителей Полинезии и записанного устного предания, согласно которому их заселение началось с востока (Южно-американского берега), на построенном им плоту, названном им «Кон-Тики», отплыл из перуанского порта Кальяо и за 101 день преодолев расстояние в 6900 км в Тихом океане, 7 августа причалил к берегу в Полинезии (**Heyerdahl** 1951: 20-41). Этим своим путешествием, которое на практике доказало возможность соответствия действительности записанного им устного предания, Т. Хейердал положил основу теории о происхождении и путях заселения населения Полинезии. Эта теория в науке известна как «Теория Кон-Тики» (о ее подробностях и критических подходах в связи с ней см. **De Jong** 1953: 1-22).

² Среди самых авторитетных исследователей проблемы был бельгийский историк и антрополог Ян Вансина (1929-2017 гг.), чья книга (*De la tradition orale: Essai de méthode historique*) остается одним из лучших учебников для исследователей устных преданий (**Vansina** 1961).

³ Из говорящих на западно-иранских языках народов хорошо изучена своевременно записанная устная литература, особенно сохранившаяся среди курдо-

ле кавказских персов или татов, однако в вопросе изучения различных проблем истории и наследия прошлого этого народа они также могут иметь значение достоверного первоисточника. Лучшим примером сказанного является вопрос о месте рождения поэта XII века Афзаладдина Ибрагима ибн Али, более известного как Хагани Ширвани¹, о чём сохранившиеся среди жителей Лагича (также – Лахидж)² и в свое время записанные устные предания имеют ценность достоверного источника.

В 1928 году, когда известный советский иранист, исследователь кавказско-персидского (татского) и талышского языков из восточно-закавказских иранских языков Борис Миллер проводил полевые работы в Азербайджанской ССР и записывал лингвистический материал татских говоров – южных (Апшерон, включая говоры Сураханы и Балаханы, Лахидж-Лагич, Мельхам), центральных (Арискуш-Дагушчу, Хизы) и северных (Куба, Шабран, Конахкенд и остальные)³, – он услышал инте-

язычных общин Междуречья и Армянского нагорья, персоязычных и белуджеязычных общин Иранского плоскогорья, а также таджикоязычной общины Центральной Азии (содержательный список литературы касательно темы изучения см. **Kreyenbroek & Marzolph** 2010: 323-379).

- ¹ В научной литературе по вопросу места рождения Хагани Ширвани (1126-1199 гг.) в разные времена рассматривались три основные версии: а) Кавказский город Гандзак/Гянджа (**Khanikof** 1864; **Залеман** 1875); б) город Шемахи; в) обобщенно область Ширван (**Бертельс** 1962: 50-65). Последняя могла включать и Шемахи, и рассматриваемое в данной статье село Мельхам. Сам Хагани в своем произведении “*Toḥfat al-‘Erāqayn*” (تحفةالعراقيين) упоминает область Ширван в качестве места своего рождения (العراقيين تحفه ١٣٥٧: ٤٣).
- ² По мнению Аббаса-Кули-ага Бакиханова (1794-1847 гг.), жители Лагича (поселка городского типа, расположенного в историческом Горном Ширване, нынешнем Исмаиллинском р-не Азербайджана) являются потомками древних персов, переселенных сюда Хосровом Ануширваном в VI в. (**Бакиханов** 1983: 133).
- ³ Приведенная модель, состоящая из трех групп классификации татских говоров, принадлежит М. Гаджиеву (**Ғаҗиев** 1995b: 18), но по части центральных и северных групп полностью и без изменений взята у А. Грюнберга (**Грюнберг** 1963: 8), а в южную группу добавлены оставшиеся вне рамок исследования известного советского исследователя языка татов говоры Лахиджа и Мельхама. Классификация М. Гаджиева в дальнейшем полностью под названием «Му-сультманско-татские говоры» повторил М. Алиев (**Әлиев** 2006: 210). В 2015

ресное предание и через год разместил его в своем труде, изданном в 1929 году¹.

Б. Миллер в указанной книге, говоря о языке татов села Мельхам близ Шемахи, пишет: *“Между прочим, интересное сведение о Мельхаме (Məlham) сообщил мне т. Агаев: у мельхамцев сохраняется предание, что из их селения происходит известный персидский поэт 12-го века Хакани. Если бы это предание подтвердилось, то оказалось бы, что Хакани родом тат”*².

75 лет спустя после этой записи, в 1999 году, опять в поселке Лахидж Исмаиллинского р-на, на этот раз со слов 61-летнего Анвара Балаева, устное сообщение аналогичного содержания записывает и в 2002 г. издает занимающаяся изучением лахиджского говора кавказско-персидского (татского) языка Гюльсум Гусейнова³. В устном рассказ на говоре Лахиджа есть примечательное обращение, при этом не только к вопросу о месте рождения Хагани, но также к историческому прошлому жителей села Мельхам, расположенного не на близком расстоянии от Лахиджа, татскому говору села и народной этимологии этого топонима. В сообщении, в частности, отмечалось: *“Проживающие в Мельхаме люди около 900 лет назад переехали туда из расположенного у Лахиджа Химрана. А произошло это по той причине, что химранцы на зимовку и выпас скота всегда отправлялись в сторону Шемахи. Это место же выбрали сыновья Омара – Осман и Али. Осман был врачом, увидел, что на этом месте мясо поздно портится⁴. Поэтому воскликнул: «Неужели это место бальзам»? [по-азербайджански – «мальхам» – А. Т.]. Так это мес-*

году, в нашей кандидатской диссертации, исходя из фонетических, грамматических и лексических особенностей говоров кавказско-персидского языка, мы предложили другую модель их классификации, выделив не 3, а 5 условных групп говоров (Тюнян 2015, 15-22).

¹ Миллер 1929: 12.

² Там же, с. 13.

³ Hüseynova 2002.

⁴ Народная этимология связывает топоним Мельхам, с одной стороны, с арабским словом “мясо” لحم [laħm], с другой стороны, с имеющим этимологическую связь с тем же арабским словом “мясо” азербайджанским словом məlhəm “смазка, смазочное масло, бальзам”.

то было названо «Мельхам». Постепенно оно превратилось в село. Сегодня Мельхам – одно из самых крупных сёл Шемахи. Здесь родился Афзаладдин Хагани Ширвани. Его дедом был Омар, отцом – ремесленник Али, а дядей – самый известный на Востоке после Абу-Али Сины врач Осман ибн Омар. И сегодня тесная дружба между жителями Мельхама и Химрана не померкла. Говорят, что говор этих двух сёл не изменился»¹.

К этим двум полевым записям Б. Миллера и Г. Гусейновой начала и конца XX века, источниками которых, согласно приведенным исследователями сведениям, были различные устные сказания из поселка Лахидж исторического Горного Ширвана, пожалуй, можно добавить еще одно, которое, по всей вероятности, служило основанием для касающегося места рождения Хагани отрывка. Оно написано снискавшим в Азербайджане славу основоположника “азербайджанской историографии” А. Бакихановым в 1841 г. на персидском языке, переведено им же при помощи своего сослуживца Василия Кузьмина в 1844 г. на русский язык и издано на русском же лишь в 1926 г. в сочинения «Гюлистан-и Ирам»².

В касающемся Хагани отрывке этого ценного труда, где приведены определенные биографические данные о поэте, в частности, отмечено:

¹ Hüseynova 2002: 143-144.

² **Бакиханов** 1926. Эта русская версия была переведена на азербайджанский (пер. М. Асгарли), и этот вариант вышел в свет в 1951 г. в Баку в редакции А. Аласгарзаде и с предисловием М. Шарифли (**Бакиханов** 1951). Азербайджанская версия на латинице и без изменений была переиздана в 2010 году в Баку (**Bakıxanov** 2010). Научно-критический текст, подготовленный на основании хранящихся в библиотеке Института рукописей НАН Азербайджана 5 рукописей на персидском (под шифрами М-49/6258, Б-2268/2313, Б-2236/2954, Б-2002/9226 и Б-19/3312) авторами А. Ализаде, М. Солтановым, М. Азарли, А. Асгарзаде и Ф. Бабаевым, вышел в свет в 1970 г. в Баку (**باکاخانوف** 1970). А в 1991 г. вновь в Баку, на этот раз под редакцией З. Буниятова, с его предисловием и примечаниями была опубликована хранящаяся в Грузинском национальном центре рукописей им. Корнели Кекелидзе и написанная почерком Бакиханова русская версия, состоящая из 340 листов, которая является переводом, сделанным автором с персидского с помощью своего сослуживца Василия Кузьмана и, по предположению З. Буниятова, при содействии Тадеуша Лада-Заблоцкого (**Бакиханов** 1991).

“Хассан ал-Аджам Хакани Ширвани Афдал ад-Дин Бадил ибн Али. Его отец был плотником в деревне Малхамлу, выше города Шамахи”¹. Этот отрывок книги А. Бакиханова “Гюлистан-и Ирам” (дословно – “Райский цветник”), начиная с 1950-х годов привлекает к себе интерес научных кругов Азербайджана и на протяжении около двух десятилетий в работах различных авторов используется при рассмотрении вопроса о месте рождения Хагани.

М. Султанов² в 1954 г. и Ф. Кочарли³ в 1978 г., по всей вероятности, отождествив упоминаемый у А. Бакиханова топоним Малхамлу “выше города Шамахи” с населенным ныне татами селом Мельхам Шемахи, в своих трудах местом рождения Хагани считают село Мельхам Шемахи.

В 1966 г. по национальности кавказский перс (тат) Магсуд Гаджиев, который в начале 1960-ых годов проводил полевые работы в селе Мельхам, записывая лингвистический материал⁴ говора Мельхама, публикует статью под заглавием “Где родился Хагани Ширвани?”⁵. Здесь, обратившись к проблемам датировки некоторых сельских памятников и кладбища, он пришел к заключению, что село Мельхам насчитывает примерно 300-400-летнюю историю, и, следовательно, дошедшая до А. Бакиханова информация о том, что поэт Хагани родился в Мельхаме («Малхамлу»

¹ Перевод дан согласно документу № 370 русского отделения Восточного фонда Грузинского национального центра рукописей им. Корнели Кекелидзе, который впервые был включен в русскую версию изданного в 1926 г. труда А. Бакиханова «Гюлистан-и Ирам» (**Бакиханов** 1926: 166), а во второй раз полностью и без изменений был издан в 1983 г. (**Бакиханов** 1983: 264).

² **Sultanov** 1954: 18.

³ **Köçərli** 1978: 139.

⁴ Результаты проведенных М. Гаджиевым в Мельхаме полевых работ вместе с лингвистическим материалом, записанным у татоязычных армян села Мадраса близ Шемахи были представлены в изданном им в 1995 г. сборнике (**Насиєв** 1995а: 112-142; 2009 (2-ое изд.): 286-320), который будучи единственным содержащим лингвистический материал из говора Мельхама и до сих пор появившимся на арене труда, имеет исключительную важность для занимающихся сравнительным диалектологическим исследованием этого говора и кавказско-персидского языка.

⁵ **Насиєв** 1966: 82-83.

согласно тексту А. Бакиханова) никак не может соответствовать действительности¹.

Позднее, в 1970 году, Гафар Кандли-Гарисчи в своей докторской диссертации выдвигает версию, согласно которой жители Мельхама переселились в окрестности Шемахи только в XVI веке из расположенного возле Агдаша² одноименного населенного пункта, когда он был окончательно разрушен³ в результате столкновения между последним правителем Дома Ширваншахов и шахом Сефевидского государства Тахмаспом. Соответственно, согласно выдвинутой Г. Кандли-Гарисчи версии, место рождения Хагани Ширвани Мельхам в XI-XII вв. следует искать не у Шемахи, а в районе Агдаша.

Обсуждения, проигнорировавшие сообщение Б. Миллера относительно места рождения Хагани⁴ и на основании оставленного А. Бакихановым без упоминания первоисточника одного сведения, среди специалистов Азербайджана прерываются окончательно, когда Абульфаз Рагимов на основании уникальной рукописи (переписанной в XVII веке) извест-

¹ Выводы М. Гаджиева явно противоречат сообщениям жителей Мельхама о том, что положение села за последние несколько сот лет пару раз менялось. Например, согласно опубликованным в 2007 г. сведениям работавшего в 1960-х годах директором средней школы села Мельхам и лично контактировавшего с М. Гаджиевым Ислама Гасанова (1927 г. р.), до его рождения его предки 4 раза поменяли место своего жительства, самое старое из которых находится в 3 км от нынешнего места расположения села и поблизости от которого есть сохранившиеся следы старой мечети и некоторые старые могилы (Интервью с жителем Мельхама Исламом Гасановым, номер ежедневной газеты “Адалат” от 1 августа 2007 г.). Утверждения М. Гаджиева не подтверждаются и материалом археологических раскопок и исследований Г. Джидди, согласно которому село Мельхам Шемахи существовало, по меньшей мере, с XI-XII вв. (подробно см. Ciddi 1981: 49).

² С. Т. Еремян локализовал в Агдаше обнаруженную в округе “Поле Кахац” (Քաղաքաշրջան) исторического Алуанка крепость Кахаберд (Еремян 1963, 89).

³ Kändli-Hərisçi 1970: 45-46. Диссертация в 1988 г. была издана в Баку (Kändli-Hərisçi 1988), а в переводе на персидский – в Тегеране (هریسی کنلی ۱۳۷۴).

⁴ Миллер 1929: 12-13.

ного представителя литературной школы Ширвана Бадра Ширвани (родом из Шемахи), хранящейся под шифром 132 в библиотеке Института востоковедения имени аль-Бируни Академии наук Республики Узбекистан, в 1985 г. в Москве издает “Диван”¹ Бадра Ширвани, в предисловии² к которому обращается к двум уникальным упоминаниям³, встречающимся в “Диван”-е и дающим окончательный ответ на вопрос о месте рождения Хагани.

Начавший писать стихи в нач. XV века Бадр Ширвани в своем “Диван”-е, сравнивая себя с Хагани, пишет:

Оригинал на персидском ⁴	
رفت خاقانی و من مداح خاقانم کنون نیست کسی امروز در علم سخن همتای من من مه از ملحانم و زان روستایی طبع چند مولدم خاک شماخی، تخت شروان جای من.	Raft Xāqānī wa man maddāḥ-i xāqānam kunūn Nīst kasī imrūz dar ‘ilm-i suxan hamtāy-i man Man ma az Mal[a]ḥānam wa z-an rūstāyī ṭab‘ čand Mūwlıdam xāk-i Šamāxī, taxt-i Šarwān jāy[- i] man
Перевод на русский	
Хагани ушел, и теперь я воспеваю оды Нет равного мне сегодня в искусстве стихотворства Не из Малхана я, и не сельский житель. Я родился на земле Шамахи, трон Ширвана – вот мое место.	

¹ Рагимов 1985.

² Там же, с. 3-8.

³ Вероятно, именно с использованием материала “Диван”-а А. Рагимов до его публикации еще дважды обращался к этому вопросу – в 1976 г. (Абульфаз Рагимов, неизвестное дублирование “Миратуса Сафы” Бадра Ширвани и некоторые замечания о Хагани, выдержка – Чобаниян 1980: 313) и в 1980 г. (Абульфаз Рагимов, Снова о месте рождения Хагани, выдержка – Чобаниян 1982: 233).

⁴ Рагимов 1985: 67.

Из приведенного отрывка видно, что Бадр Ширвани, сравнивая себя с Хагани и намекая, что после Хагани известным поэтом дворца является он, под словом “Малхан” имеет в виду реальное место рождения Хагани. Бадр Ширвани, будучи рожденным в городе Шемахи, считает себя коренным жителем ширваншахской столицы, фактически, превыше Хагани, который, по словам Бадра, является уроженцем не Шемахи, а селения под названием “Малхан”.

В “Диван”-е Бадр Ширвани еще один раз говорит о месте рождения Хагани и уже открыто заявляет, что Хагани родился именно в Малхане:

Оригинал на персидском¹	
خاقانی ملخان وطن بود مالک ملک سخن ز انفاس او دور زمان عالم معطر یافته	Xāqānī Malḥān-waṭan būd mālik-i mulk-i suxan Z-anfās-i ū dowr-i zamān ‘ālam mu‘aṭṭar yāfta.
Перевод на русский	
Малхан был родиной Хагани – князя песнопения, От его дыхания аромат обрели время (его дней), мир.	

Именно эти два отрывка из изданного лишь в 1985 г. “Диван”-а Бадра Ширвани, несомненно, подтверждают достоверность записанных в Горном Ширване Б. Миллером в 1928 г. и Г. Гусейновой в 1999 г. устных преданий, согласно которым место рождения Хагани – Мельхам.

Сложно утверждать, что Малхан, засвидетельствованный у Бадра Ширвани, был именно там, где сегодняшний Мельхам², но то, что по-

¹ Там же, с. 20.

² 26.04.2020 г. в ходе частной беседы предварительную рабочую версию этимологии топонима Малхан нам предложил проф. В. Восканян. Согласно его версии, в основе топонима может лежать арабск. слово ملح [malḥ] “соль, соленое” и ملح [malih] “солончак”, к которому было присоединено присущее топонимам иранское окончание -ān (ср. Гилан, Лахиджан, Делиджан и пр.). При подтверждении этой этимологии, согласно В. Восканяну, засвидетельствованный Бадром Ширвани топоним Malḥān по типологии состава и содержанию можно бу-

следний этимологически связан с первым, кажется вполне возможным. Помимо того, что переход *-n > m в конце слова не является незнакомым явлением в иранских языках – по проприальному материалу более ранних исторических периодов (напр. Vahran > Vahram > Bahram) и в иранских языках Восточного Закавказья это явление существует и сегодня не только в случае собственных имен (как, напр., в кавказско-персидском, талышском и, под влиянием этих двух, также в разговорном азербайджанском языке (məsələm “например” вместо литературного слова mətələm (ср. с арабским, персидским مثلاً), возникновение от топонима Малхан варианта Мельхам могло быть обусловлено и влиянием народных этимологий¹.

С обнаружением и публикацией в 1985 г. “Диван”-а Бадр Ширвани, по сути, решается и вопрос о первоисточнике сведения, переданного Аббаса-Кули-ага Бакихановым о месте рождения Хагани. Хотя А. Бакиханов и располагал определенными сведениями о некоторых эпизодах жизни и деятельности Бадр Ширвани², однако он не видел “Диван” этого автора, факт, который открыто пытался исказить З. Буниятов в 1991 году (при издании русской версии хранящейся в Грузинском национальном центре рукописей им. Корнели Кекелидзе книги “Гюлистан-и Ирам”). В этом “отредактированном” З. Буниятовым издании местом рождения Хагани указано “Малхан”, и если бы это полностью соответствовало приведенной в рукописи версии, то можно было бы предположить, что первоисточником предоставленной А. Бакихановым информации был именно “Диван” Бадр Ширвани. Однако во всех сохранившихся рукописях “Гюлистан-и Ирам”-а, в том числе и в экземпляре, на основании которого книга была издана З. Буниятовым, засвидетельствована только одна версия места рождения Хагани: ملهملو [Malhamlū]³ – во всех сохранившихся на персидском языке и хранящихся в библиотеке

дет сравнить с названием страны Алуанк (Алу-ан-к’), в котором первый компонент, согласно Мовсэсу Хоренаци, – армянское слово “Алу” (Ալու), означает не только “кроткий”, “мягкий”, но и “соленый”.

¹ См. выше сноску об арабском слове “мясо” لحم [lahm].

² Бакиханов 1991: 202.

³ باکيخانوف 1970: 202.

Института рукописей НАН Азербайджана 5 рукописях, и Малхамлу – на русском языке в рукописи № 370 русского отдела Восточного фонда Национального центра рукописей им. Корнели Кекелидзе, что абсолютно идентично персидскому варианту¹.

Соответственно, очевидно, что в основе “редактирования” З. Буниатова было положено известие о месте рождения Хагани из “Диван”-а Бадра Ширвани, опубликованного за несколько лет до издания 1991 года. Кроме того, во встречающейся в “Диван”-е Бадра версии топоним написан через букву ح [h], встречающуюся преимущественно в арабских заимствованиях, ملحان [Malḥān], тогда как во всех 5 рукописях, послуживших основой для научно-критического текста труда А. Бакиханова, встречается ملهملو [Malhamlū] с другой буквой персидского алфавита – ه (h), что свидетельствует о том, что А. Бакиханову не было известно историческое написание топонима. Последний пункт также говорит о том, что источником А. Бакиханова, скорее всего, было сохранившееся в Ширване местное устное предание о месте рождения Хагани.

Резюмируя, следует отметить:

- О месте рождения Хагани существуют, как минимум, три записанных и дошедших до нас ширванских устных предания, древнейшее из которых записано в 1841 году рукой Аббаса-Кули-ага Бакиханова.
- Все три версии констатируют, что местом рождения поэта Хагани Ширвани было населенное татами (кавказскими персами) село Мельхам близ Шамахи.
- Сведение, сообщаемое в упомянутых устных преданиях, достоверно подтверждается благодаря изданному в Москве в 1985 году “Диван”-у поэта XIV-XV веков Бадра Ширвани.
- Пример изучения места рождения Хагани Ширвани показывает, что устные предания, сохранившиеся у иранских народов, в том числе у кавказских персов, имеют уникальное первоисточниковое значение для изучения событий вековой давности и заслуживают более подробного и глубинного изучения.

¹ Бакиханов 1983: 264.

Литература

- Бакіханов А.** 1926. – Гюлистан-и Ирам, Труды Общества обследования и изучения Азербайджана, вып. IV, Баку.
- Бакіханов А.** 1951. – Гюлистан-Ирам (на азерб. яз.), Баку, Изд. АН Азерб. ССР.
- Бакіханов А.** 1983. – Сочинения, записки, письма, Сост., предисл. и коммент. **Э. Ахмедовой**, Баку, Изд. «Элм».
- Бакіханов А.** 1991. – Гюлистан-и Ирам, Ред., коммент., примеч. и указатели. **З. Буниятова**, Баку, Изд. «Элм».
- Бертельс Е.** 1962. – Избранные труды. Низами и Фузули, Москва, Изд. Восточной литературы.
- Грюнберг А.** 1963. – Язык североазербайджанских татов, Ленинград, Изд. АН СССР.
- Еремян С. Т.** 1963. – Армения по “Ашхарауиц”-у (Опыт реконструкции армянской карты VII в. на современной картографической основе). Ер., Изд. АН Арм. ССР (на арм. яз.).
- Залеман К.** 1875. – Четверостишия Хакани, Санкт-Петербург, Типография Императорской АН.
- Миллер Б.** 1929. – Таты, их расселение и говоры, Известия Общества обследования и изучения Азербайджана, вып. VIII, Баку.
- Рагимов А.** 1985. – Бадр Ширвани. Диван, Москва, “Наука”.
- Тоноян А.** 2015. – Кавказско-персидский язык: историко-сравнительное исследование (кандидатская диссертация), Ер., Институт языка им. Р. Ачаряна НАН РА.
- Чобанян П.** 1980. – Кавказоведческо-востоковедческие материалы “Известий” АН Азербайджанской ССР (1975-1978 гг.), – ИФЖ, № 3., с. 307-316 (на арм. яз.).
- Чобанян П.** 1982. – Кавказоведческо-востоковедческие материалы “Известий” АН Азербайджанской ССР (1979-1980 гг.), – ИФЖ, № 2., с. 229-233 (на арм. яз.).
- Vakıxanov A.** 2010. – *Gülüstanı-İrəm*, Bakı, Xatun Plyus.
- Browne E.** 1906. – A literature history, Vol. II, Cambridge University Press.
- Ciddi H.** 1981. – *Orta əsr Şamaxı şəhəri (tərix-i-ərxeoloji tədqiqət)*, Bakı, Elm.
- De Jong P. E.** 1953. – The “Kon-Tiki” Theory of Pacific Migrations, – *Bijdragen Tot De Taal, Land-En Volkenkunde*, Vol. 109(1), p. 1-22.
- Əliyev M.** 2006. – *Azərbaycan tatları*, Bakı, “MBM” nəşriyyatı.

- Hacıyev M.** 1966. – Xaqani Şirvani harada doğulmuşdur?, – Azərbaycan SSR EA Məruzələri, № 5, s. 82-83.
- Hacıyev M.** 1995a. – Töy-düyün xəzinəmizdən, Bakı (2-ci nəşr, Bakı, Mütərcim, 2009).
- Hacıyev M.** 1995b. – Azərbaycan tatlarının dili, Bakı (2-ci nəşr, Bakı, Mütərcim, 2009).
- Heyerdahl T.** 1951. – The Voyage of the Raft Kon-Tiki, – The Geographical Journal, Vol. 115(1/3), p. 20-41.
- Hüseynova G.** 2002. – Lahıç tatlarının dili, Bakı, Nurlan.
- Kəndli-Hərisçi Q.** 1970. – Xaqani Şirvani (həyatı, dövrü və mühiti): Filologiya elmləri doktoru alimlik dərəcəsi almaq üçün dissertasiya, Bakı.
- Kəndli-Hərisçi Q.** 1988. – Xaqani Şirvani: həyatı, dövrü və mühiti, Bakı, Elm.
- Khanikof N.** 1864. – Mémoire sur Khâcâni, poète persan du XIIIe siècle, – JA, vol. 6/4, p. 137-200, 6/5, p. 296-367 (publ. as monograph, Paris, 1865).
- Köçərli F.** 1978. – Azərbaycan ədəbiyyatı, I cild, Bakı, Elm.
- Kreyenbroek Ph. & Ul. Marzolph** (eds.) (2010). – Oral Literature of Iranian Languages: Kurdish, Pashto, Balochi, Ossetic; Persian and Tajik, Vol. XVIII (A History of Persian Literature), London/New York, I.B.Tauris.
- Showren T.** 2014. – Oral Traditions: Method to Adoption of Construction of the History of Non-Literate Tribes, – International Journal of Social Science and Humanity, Vol. 4 (6), p. 478-481.
- Sultanov M.** 1954. – Xaqani Şirvani, Bakı, Azərənəşr.
- Vansina J.** 1961. – De la tradition orale: essai de method historique, Tervuren: Musée royal de l’Afrique Centrale, Annales, Série in-8°, Sciences humaines, 36, Paris.
- Vansina J.** 1965. – Oral Tradition: A Study in Historical Methodology, London, Routledge & Kegan Paul (2nd ed. New Brunswick: Aldine Transaction, 2006).
- باکخانوف ع. ۱۹۷۰، گلستان ارم، باکو، اداره انتشارات "علم"
- تحفه العراقيين ۱۳۵۷، به نگارش حکيم خاقانی، تهران.
- کندلی هر یسچی غ. ۱۳۷۴، خاقانی شروانی (حیات زمان و محیط او)، تهران.

ՀԱՍԱՌՈՏԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՑԱՆԿ

ԲՀԱ	Բանբեր Հայաստանի արխիվների (Եր.)
ԼՀԳ	ԳԱԱ Լրաբեր հասարակական գիտությունների (Եր., = ВОН)
ՀԱ	Հանդես ամսօրեայ (Վիեննա-Եր.)
ՀՀՀ	Հայկազեան հայագիտական հանդես (Պէյրուսթ)
ՀՀՇՏԲ	Հայաստանի եւ հարակից շրջանների տեղանունների բառարան, հտ. 1-5 (Եր.)
ՀՍՀ	Հայկական սովետական հանրագիտարան (Եր.)
ՄՀ	Մատենագիրք Հայոց (Անթիլիաս)
ՄՄԱԵԺ	Մերձավոր եւ Միջին Արեւելքի երկրներ եւ ժողովուրդներ (Եր.)
ՊԲՀ	Պատմա-բանասիրական հանդես (Եր., = ИФЖ)
АСЭ	Армянская советская энциклопедия (Ер.)
ВАА	Вестник архивов Армении (Ер.)
ВВ	Византийский временник (СПб., Москва)
ВДИ	Вестник древней истории (Москва)
ВЕУ	Вестник Ереванского университета (Ер., = ԲԵՀ)
ВИ	Вопросы истории (Москва)
ВИЖ	Военно-исторический журнал (Москва)
ВО	Вопросы ономастики (Москва)
ВОН	Вестник общественных наук АН (Ер., = ԼՀԳ)
ГИМ	Государственный Исторический музей (Москва)
ЗИВ АН	Записки Института востоковедения АН СССР (Москва)
ИФЖ	Историко-филологический журнал (Ер., = ՊԲՀ)
КВ	Кавказ и Византия (Ер.)
КСИА	Краткие сообщения Института археологии (Ленинград)
МИА	Материалы по истории Азербайджана (Баку)
ММ	Матенадаран имени Маштоца (Ер.)
СА	Советская археология (Москва)
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис)
СЭ	Советская этнография (Москва)
АЖА	American Journal of Archaeology (Chicago)
ВNME	Bulletin of the National Museum of Ethnology (Moscow)
ЕI	Encyclopaedia Iranica (New York)
ЖА	Journal Asiatique (Paris)
РG	P. Migne, Patrologia Graeca (Paris)
РO	Patrologia Orientalis (Paris)
РÉArm.	Revue des Études Arméniennes (Paris)

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Айтберов Тимур – Второй поход Надира Афшара – будущего шаха – в пределы Дагестана	5
Айвазян Григорий – К вопросу об удинской этноконсолидации албанских лезгиноязычных племен в эпоху средневековья	19
Аванесян Лилия – Книга М. Д. Исаева “Ковровое производство Закавказья” и начало развития советского ковро ткачества в Кавказско-Прикаспийском регионе	47
Бесолов Владимир – Судьба талышского народа Юго-Восточного Кавказа: Этногенез, этническая история и традиционная архитектура в контексте памяти об историческом пространстве и времени	58
Փալստեան Վարդան, Մխիթարեան Գոհար, Յակոբեան Ալեքսան – <i>Արեւելեան Այսրկովկասի մահմեդական բնակչութեան էթնիկ համախմբման գործընթացի սկիզբը գրաւոր թիրաքալեզուութեան հիմքի վրայ եւ թաթերի էթնոհամախմբման առանձնաշատկուծիւնները</i>	60
Геворкьян Дмитрий – О почитании св. Григориса в Южном Дагестане: история и современность	71
Giunashvili Helen, Abuladze Tamar – The 17th Century Unpublished Georgian-Persian and Persian Documents from the Collections of the Korneli Kekelidze National Centre of Manuscripts.....	83
Захаров Владимир – Иосиф Сталин и проблема тюркских народов Кавказа	85
Тарумян (Акобян) Рубен – Попытка этимологизации некоторых географических названий, имеющих отношение к Кавказской Албании	87
Жамкочян Ахавни – Некоторые заметки о глиняной печати с армянской надписью, найденной в арцахском Тигранакерте	97
Narutyunyan Anush – A structural approach to the ethnogenesis of Azerbaijanis.....	108
Мхитарян Гоар – Геополитический проект “Кавказская Албания” – складывание Кавказского фронта Российской империи	119
Мудрак Олег – Почему аланы – овсы грузинских Хроник?	133
Мурадян Паруйр – [Рецензия на книгу:] <i>Յառա Ալեքսիտէ</i> . Письменность, язык и литература Кавказской Албании, Тбилиси, 2003, 224 стр. (на груз. яз.)	136
Акопян Алексан – Локализация рек и 29 античных городов Албании по Клавдию Птолемею	146

Шагинян Арсен – Повествования «отца мусульманской историографии» ат-Табари о завоеваниях арабов в христианской Албании и смежных странах Кавказа.....	157
Симонян Акоп – Армения и Элам: взаимоотношения в XVII-XV вв. до н. э.	196
Тоноян Артём – Лахиджский диалект кавказско-персидского языка и современная социолингвистическая ситуация в поселке Лахидж	211
Համառոտագրությունների ցանկ	224
Բովանդակություն Содержание.....	227
Contents	227

CONTENTS

Aytberov Timur – The second campaign of Nadir Afshar – the future Shah – within the borders of Dagestan (<i>Rus.</i>).....	5
Ayvazyan Grigori – On the issue of the Udi ethno-consolidation of the Albanian Lezgian-speaking tribes in the Middle Ages (<i>Rus.</i>)	19
Avanesyan Lilia – The book by M. Isaev “Carpet production of Transcaucasia” and the beginning of the development of Soviet carpet weaving in the Caucasus-Caspian region (<i>Rus.</i>).....	47
Bessolov Vladimir – The fate of the Talysh people of the South-Eastern Caucasus: Ethnogenesis, ethnic history and traditional architecture in the context of memory of historical space and time (<i>Rus.</i>)	58
Galstyan Vardan, Mkhitaryan Gohar, Hakobyan Aleksan – The beginning of the process of ethnic consolidation of the Muslim population of Eastern Transcaucasia on the basis of written Turkic language and the peculiarities of ethnic consolidation of the Tats (<i>Arm.</i>).....	60
Gevorkyan Dmitri – About the veneration of St. Grigoris in Southern Dagestan: history and modernity (<i>Rus.</i>).....	71
Giunashvili Helen, Abuladze Tamar – The 17th Century Unpublished Georgian-Persian and Persian Documents from the Collections of the Korneli Kekelidze National Centre of Manuscripts.....	83
Zakharov Vladimir – Iosif Stalin and the problem of Turkic peoples of the Caucasus (<i>Rus.</i>).....	85
Tarumyan (Hakobyan) Ruben – An attempt at etymologization of some geographical names related to Caucasian Albania (<i>Rus.</i>).....	87
Zhamkochyan Aghavni – Some notes on a clay seal with an Armenian inscription found in Artsakh's Tigranakert (<i>Rus.</i>).....	97
Harutyunyan Anush – A structural approach to the ethnogenesis of Azerbaijan.....	108
Mkhitaryan Gohar – The geopolitical project “Caucasian Albania” – the formation of the Caucasian frontier of the Russian Empire (<i>Rus.</i>).....	119
Mudrak Oleg – Why Alans are Ovsis in Georgian Chronicles? (<i>Rus.</i>)	133
Muradyan Paruyr – [Book review:] <i>Zaza Aleksidze</i> . Writing, language and literature of Caucasian Albania, Tbilisi, 2003, 224 pp. (in Georgian) (<i>Rus.</i>)....	136
Hakobyan Aleksan – The Localization of rivers and 29 ancient cities of Albania according to Claudius Ptolemy (<i>Rus.</i>).....	146

Shahinyan Arsen – Narratives of the “father of Muslim historiography” al-Tabari about the conquests of the Arabs in Christian Albania and adjacent countries of the Caucasus (<i>Rus.</i>).....	157
Simonyan Hakob – Armenia and Elam: relationships in the 17th-15th centuries BC (<i>Rus.</i>)	196
Tonoyan Artyom – Lahiji dialect of the Caucasian-Persian language and the modern socio-linguistic situation in the village of Lahij (<i>Rus.</i>)	211
Abbreviations list	224
Contents (<i>Arm., Rus.</i>)	225
Contents (<i>Engl.</i>)	227

**ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ ԵՒ ԱՐԵՎԵԼԱԶՐԻՒՍՏՈՆԵԱԿԱՆ
ՔԱՂԱՔԱԿՐԹՈՒԹՅՈՒՆԸ. Դ**

**Միջազգային գիտաժողովների նյութեր
(Մոսկվա, Երևան)**

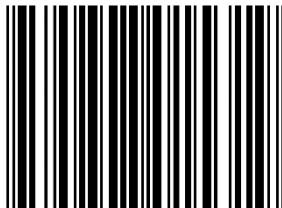
**ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն, 2023
Երևան**

<i>Հրատ. խմբագիր</i>	<i>Ա. Հակոբյան</i>
<i>Համակարգչային ձեւավորումը</i>	<i>Վ. Ղազարյան</i>
<i>Կազմի ձեւավորումը</i>	<i>Ա. Ավետիսյան</i>
<i>Սրբագրիչներ</i>	<i>է. Գեւորգյան</i>
	<i>Ա. Սահակյան</i>

Հրատ. պատվեր № 1280
Հանձնված է արտադրության՝ 10. 11. 2023 թ.:
Չափսը՝ 60×84 ¹/₁₆: Ծավալը՝ 14,25 մամուլ:
Տպաքանակը՝ 200 օրինակ:

ՀՀ ԳԱԱ տպարան
Երևան, Մարշալ Բաղրամյան 24

ISBN 978-5-8080-1531-9

9 785808 015319